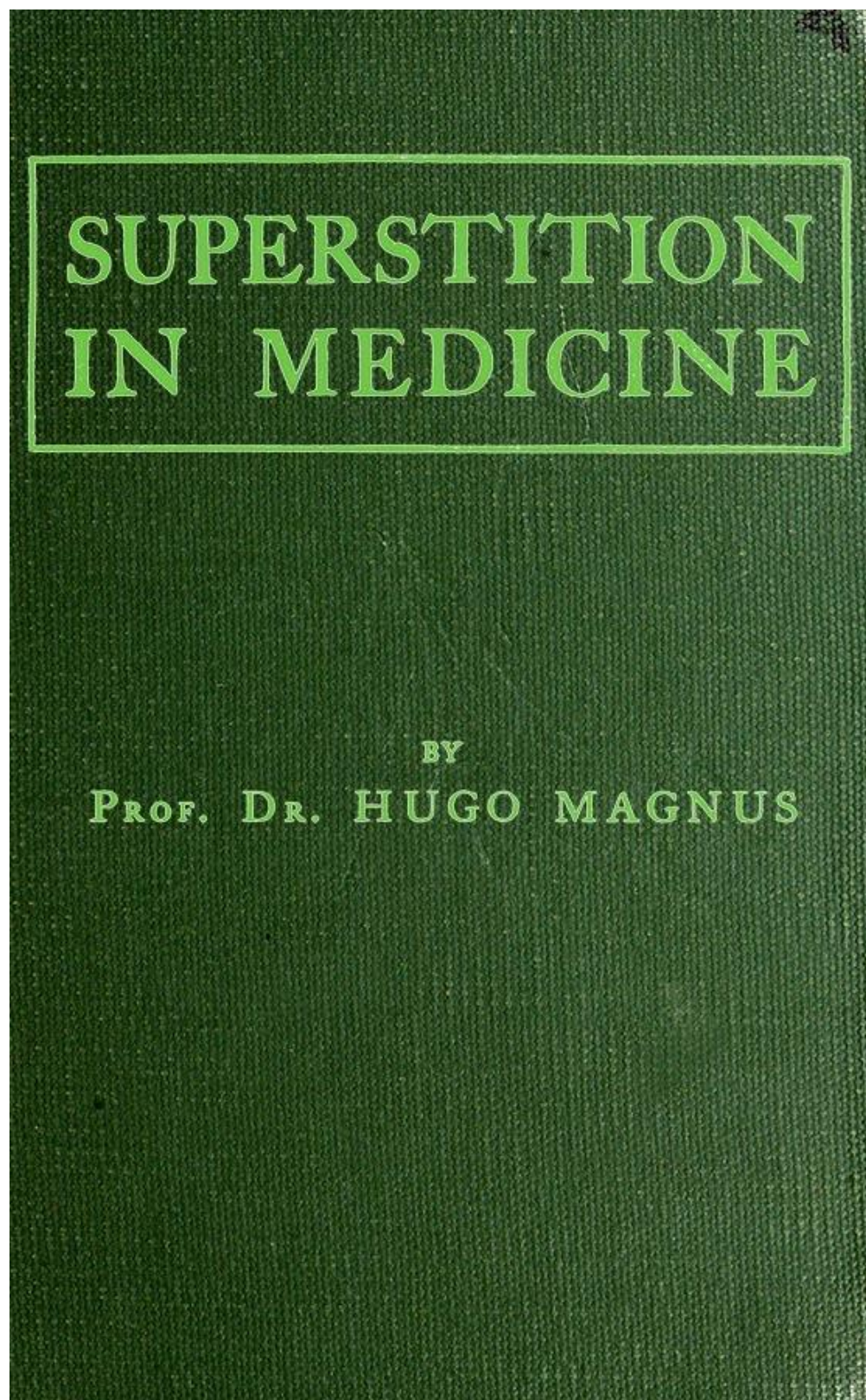

Суеверия в медицине

Хьюго Магнус

Электронная книга проекта "Гутенберг" о суевериях в медицине

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, раздать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: Суеверия в медицине

Автор: Хьюго Магнус

Переводчик: Джулиус Л. Сэлинджер

Дата выхода: 24 января 2014 г. [Электронная книга № 44744]

Последнее обновление: 24 октября 2024 г.

Язык: Английский

Кредиты: Подготовлено eagkw, Крисом Керноу и командой онлайн-корректоров по адресу <http://www.pgdp.net> (Этот файл создан на основе изображений, щедро предоставленных интернет-архивом)

*** ЗАПУСК ПРОЕКТА ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ ГУТЕНБЕРГА "СУЕВЕРИЯ В МЕДИЦИНЕ" ***

Примечание: Обложка этой книги создана автором и находится в общественном достоянии. Более подробное примечание переписчика можно найти в конце этой книги.

СУЕВЕРИЯ В МЕДИЦИНЕ

СУЕВЕРИЯ В МЕДИЦИНЕ

АВТОР : профессор доктор ХЬЮГО МАГНУС

АВТОРИЗОВАННЫЙ ПЕРЕВОД С НЕМЕЦКОГО ПОД РЕДАКЦИЕЙ доктора ДЖУЛИУСА Л. СЭЛИНДЖЕРА,

ныне покойного доцента клинической медицины, Медицинский колледж Джефферсона; врача больницы общего профиля Филадельфии и др.

КОМПАНИЯ FUNK & WAGNALLS
НЬЮ - ЙОРК И ЛОНДОН
1908

Авторское право, 1905 г.,
FUNK & WAGNALLS COMPANY
[Напечатано в Соединенных Штатах Америки]
Опубликовано в апреле 1905 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ

История медицины тесно связана с развитием теологии. Ошибки одной по большей части отражаются в ошибках другой. Независимо от того, насколько неясным и темным является происхождение того или иного из них, проистекает ли оно из невежества и суеверий или нет, необходимо принимать во внимание только конечное достижение. Мы отвергаем химию не потому, что она зародилась в алхимии, мы не пренебрегаем астрономией, потому что ее корни переплетены с учениями астрологии, и поэтому в теологии и медицине мы обращаемся к последнему вопросу. Утверждения, изложенные в этой книге, следует толковать не как отражающие развитие теологии или медицины того времени, а как веру людей, существовавших в те периоды. Философия, возможно, и была чистой, но если разум человека был порочен, то ответственность не следует возлагать на науку. Задача историка - правдиво передать мысль и дух того времени, о котором он пишет. Это было предпринято в настоящей работе. Это критика не системы, а человека. Не может быть никаких сомнений в том, что абсурдные суеверия все еще существуют, и в будущем двадцатый век подвергнется суровой критике. Таким образом, слова нашего президента-мученика вполне могут быть использованы в качестве девиза для этой книги: "Без злобы ни к кому, с милосердием ко всем".

Последняя глава этой книги была добавлена переводчиком, поскольку это показалось необходимым для полного обсуждения предмета.

Джулиус Л. Сэлинджер.

Филадельфия, Пенсильвания.

Содержание

	СТРАНИЦА
I. Что такое медицинское суеверие?	1

II. Теизм в его отношении к медицине и в его борьбе с физико-механической теорией жизни	7
III. Религия как опора медицинского суеверия	23
IV. Влияние философии на форму и происхождение медицинских суеверий	89
V. Отношение естествознания к медицинским суевериям	128
VI. Влияние, оказанное на развитие суеверий самой медициной	185
VII. Медицинские суеверия и безумие	191
Библиография	201

ИЛЛЮСТРАЦИИ

	СТРАНИЦА
КРУГА ПЕТОСИРИСА	141
КРУГ ПЕТОСИРИСА	143
ТАБЛИЦА ДЕМОКРИТА	145
ОТНОШЕНИЕ ЧАСТЕЙ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ТЕЛА К ЗНАКАМ ЗОДИАКА	159
АСТРОНОМИЧЕСКАЯ СВЯЗЬ	175

Я

ЧТО ТАКОЕ МЕДИЦИНСКОЕ СУЕВЕРИЕ?

Вера и суеверие - братья-близнецы. Хотя первый ведет человечество к его самым возвышенным идеалам, а второй представляет нам лишь карикатуру на человеческие знания, оба являются детьми одной семьи. И то, и другое проистекает из ощущения неадекватности человеческой науки по отношению к природным явлениям. Тот факт, что важнейшие процессы органической жизни невозможно проследить до их первоначального происхождения, но что их исследование вскоре приведет к непреодолимому противодействию дальнейшему анализу, всегда вызывал в человеческом сознании чувство бессилия и зависимости. Это сознание своей зависимости от факторов, которые полностью находятся за пределами человеческого понимания, породило, таким образом, метафизическую потребность поразмыслить над этими таинственными факторами и сделать их доступными человеческому пониманию. Человечество, пытаясь удовлетворить такое метафизическое требование с этической точки зрения, создало веру, которая впоследствии нашла выражение в различных формах религии. Рассмотрение того, в какой степени Божественные откровения были удостоены этого предмета, не входит в рамки данного эссе. Суеверие, несомненно, появилось на сцене, когда одновременно с этим были предприняты попытки рассматривать и объяснять физические процессы с точки зрения таких

метафизических требований. Верно, что поначалу это не привело к заметному контрасту между верой и суеверием; ибо существовал период, когда вера и суеверие — то есть метафизическое рассмотрение этических ценностей и метафизическое рассмотрение всех явлений жизни — были не только эквивалентны, но даже сливались в одну концепцию. Это произошло в эпоху, когда человечество рассматривало все земные процессы, независимо от того, имели ли они психическую или материальную природу, как непосредственно вызванные постоянным вмешательством сверхъестественных сил, — период, в течение которого божество считалось ответственным за все земные явления. В этот период вера превратилась в суеверие, а суеверие — в веру. Разделение не происходило до тех пор, пока некоторые особо просвещенные умы не начали развивать идею о том, что было бы более разумно объяснять природные явления — временное становление, бытие и исчезновение — естественными, а не сверхъестественными причинами. Реакция против этой лучшей интерпретации, упорное следование первоначальной связи земных проявлений с метафизическими факторами, породила суеверие естественных наук. Зарождение суеверия в греческом мире следует относить примерно к седьмому веку до нашей эры, периоду, в течение которого Фалес Милетский выступил со своей попыткой объяснить природные процессы естественным образом. Эта попытка милезианца является началом рациональной научной концепции природных проявлений, и древнее теистическое представление о природе стало суеверием только в противовес такому взгляду. Из этого следует, что то, что справедливо в отношении интерпретации природных проявлений в целом, справедливо и в медицине в частности. Здесь также суеверие было поставлено под сомнение только тогда, когда, помимо первоначальной теистической концепции функций тела и помимо метафизического лечения больных, вошла в моду оценка как нормальных, так и болезненных явлений человеческого организма, которая принимала во внимание земные причины. Только после достижения этой стадии теизм и теургия утратили свое название и превратились в суеверия; до тех пор они могли претендовать на полное признание в медицине как совершенно логичные следствия господствующей теории жизни. Что касается греческой медицины, то это произошло примерно в конце VI века до н.э. "Корпус Гиппократов" уже показывает нам греческую медицину очищенной от всех теистических изощренностей и считающейся только с естественными причинами. В настоящее время невозможно с уверенностью определить, когда должно было произойти это разделение для догреческой, индийской, ассирийской и египетской культур. Ибо египетские и вавилонско-ассирийские рукописи, известные до сих пор, демонстрируют тесную смесь истинного наблюдения природы с теистическими спекуляциями, то есть лечение медициной, которое, хотя и принимало во внимание физико—природные проявления, все же было глубоко пропитано суевериями.

Согласно тому, что мы изложили, медицинское суеверие можно определить следующим образом: "Вера в то, что нормальные, а также патологические проявления органической жизни могут быть объяснены и в конечном итоге излечены, без учета их физической природы, с помощью сверхъестественных сил".

Медицинские суеверия варьируются в зависимости от вида и происхождения этих сверхъестественных причин и поэтому проявляются в самых разнообразных формах. Если искать эти причины в небесных областях, медицинское суеверие облекалось в религиозные одежды, и его источник был в религиозном культе; но если преобладала вера в то, что Бог разделяет господство над миром с другими таинственными элементами, которые воплощались в различных формах в соответствии с различными философскими системами, медицинское суеверие носило философский и мистический отпечаток, происхождение которого

раскрывается в истории философии. Но если считалось, что некие таинственные силы, скрытые в недрах природы или действующие над землей, влияют на человеческую жизнь, медицинское суеверие приобретало физический характер. Однако часто из этого следовало, что вышеупомянутые три фактора действовали одновременно или в различных сочетаниях, или некоторые другие элементы, присущие природе человека, взаимодействовали. По этой причине иногда бывает не совсем легко определить источник, из которого та или иная форма медицинского суеверия в основном получила свое устойчивое распространение. Но, тем не менее, мы намерены разделить наш предмет в соответствии с источниками, из которых проистекают различные формы медицинских суеверий, поскольку абсолютно невозможно получить удовлетворительное представление об обширном материале, не попытавшись сначала систематизировать имеющиеся данные.

Но прежде чем попытаться выяснить, почему чистейшие и ценнейшие источники всех человеческих знаний — религия, философия и естественные науки - в одно и то же время стали источниками медицинских суеверий, было бы целесообразно объяснить характер, который приобрела медицинская наука при исключительном господстве теизма, и как сложились условия, когда появилась физико-механическая философия и начала сражаться с теистической концепцией жизни. Эти состояния сыграли такую особую роль в развитии медико-физических суеверий, что становится необходимым сначала изучить их силу и тенденцию, прежде чем пытаться рассматривать собственно медицинские суеверия.

II

ТЕИЗМ В ЕГО ОТНОШЕНИИ К МЕДИЦИНЕ И В ЕГО БОРЬБЕ С ФИЗИКО-МЕХАНИЧЕСКОЙ ТЕОРИЕЙ ЖИЗНИ

Как мы объясняли в главе I., развитие всех народов прошло через период, в течение которого медико-физические знания находили выражение исключительно в религиозных учениях. Под теизмом мы подразумеваем систему, которая пытается объяснить природные явления сверхъестественными причинами. Однако этот взгляд на природу, с его оттенком религии, еще не имел никаких следов суеверия. Скорее, это была единственно оправданная концепция природы, полностью соответствующая способности человека к пониманию, пока до разума не начало доходить, что природные явления могут быть вызваны естественными причинами. Это был период, о котором мы заявляли в начале этого исследования, что вера стала суеверием, а суеверие стало верой. Именно в это время высшие силы были привлечены к ответственности за все телесные недуги человечества. Их задачей было самым тщательным образом наблюдать за функциональными процессами человеческого организма во всех его фазах и обеспечивать их беспрепятственное продолжение. Но поскольку небожители, как и жители земли, были подвержены капризам, к сожалению, очень часто случалось, что они выполняли свою задачу по защите ненарушенного развития как растительных, так и животных функций организма весьма неудовлетворительным образом, иногда, фактически, даже намеренно пренебрегая этим. Таким образом, в регулярном течении органической жизни произошли нарушения, и это привело в мир болезни. Следовательно, если боги были непосредственно ответственны за появление болезней, то их очевидным долгом было осуществить их искоренение. Так получилось, что патологией и терапией занимались исключительно боги. Но в каком свете они

рассматривали свои медицинские обязанности и как они их выполняли, было предметом весьма различных соображений, как это объяснялось различными религиями древности. Вавилоняне считали великого бога Мардука изгоняющим все болезни, тогда как Уругал, Намтор и Нергал были признанными богами моря.

Подобные идеи преобладали среди египтян. Считалось, что богиня с кошачьей головой Бубастис дарует матерям благословения плодородия. Ибис проявлял особый интерес к тем человеческим существам, которых беспокоили нарушения пищеварения, и этот интерес нашел благожелательное выражение в изобретении клизмы.

У греков боги также оказывали услуги больному человечеству. Так Аполлон изобрел искусство врачевания, и, если позволяло время, он иногда протягивал руку помощи, когда юному смертному возникали трудности на пути в этот мир. Но, как правило, заниматься подобными случаями было обязанностью Афродиты, точно так же, как, по сути, она была ответственна за все, что касалось любви, независимо от того, шел ли речь об эстетической или патологической стороне этой страсти. Афина была специалистом в области офтальмологии, и, похоже, у нее неплохо получалось с этим занятием. Ликург посвятил ей храм, которого, как выясняется, она исцелила от симпатического поражения глаз; и, кроме того, своей офтальмологической деятельностью она заслужила различные декоративные эпитеты, такие, например, как $\phi\theta\alpha\lambda\mu\iota\tau\iota\varsigma$ и т.д.

Было вполне естественно, принимая во внимание исключительно теистическую концепцию, которая в те времена занимала человеческий разум, что священники были единственными обладателями физико-медицинских знаний; и это естественно. Ибо, когда мы рассматриваем теорию жизни, господствовавшую в тот период, кто мог быть лучше подготовлен для того, чтобы дать людям информацию об их собственном теле, а также о природе в целом, чем священник, смертный представитель бессмертных богов? А кто лучше священника способен призвать на помощь небесные силы при всех телесных недугах? Таким образом, неизбежным следствием теистической теории жизни было то, что священник был врачом, а также представителем физических знаний, а также помощником и советчиком во всех мирских нуждах. Независимо от того, страдали ли отдельные люди от физических или психических проблем, стонало ли все население под тяжкими наказаниями, такими как эпидемия, помощи и избавления всегда искали в святилище богов, у непогрешимого жреца. И священники всегда были на высоте положения; они всегда виртуозно владели искусством удовлетворения медико-физических потребностей своих просителей. Ибо религии всех цивилизованных народов — и христианство ни в коем случае не занимает исключительного положения в этом отношении — всегда самым энергичным образом стремились держать физическую, а также медицинскую мысль в строжайшей зависимости от своих доктрин и догматов. Для достижения этой цели использовались различные церемонии, обычаи и догмы, позволяющие жрецам заручиться помощью богов для человечества, измученного болью и невзгодами. Эти священные обряды были странными и варьировались в зависимости от различных религиозных систем. Согласно первобытному культу Зороастра, все зло, следовательно, также и все болезни, происходили от принципа тьмы, который был воплощен в личности Аримана, и только жреческая каста магов, происходивших из особого срединного племени, была способна исцелять их. Но стать членом этой касты и приобрести магические способности, присущие только ей, было отнюдь не просто. Прежде чем овладеть силами природы, необходимо было пройти посвящение в мистерии Митры. Однако после того, как однажды было даровано священническое посвящение, человек,

удостоенный такой чести, носил гордый титул “Победитель зла” и мог заниматься медицинской практикой. Как наиболее важная составляющая любого медицинского лечения, божественное слово применялось в форме таинственных экзорцизмов, священных гимнов и определенных слов, которые считались особо целебными по своему действию, особенно слова “Ормузд”, имени высшего бога, во всеобъемлющую силу исцеления которого возлагалось большое доверие.

Шумеры, предшественники вавилонско-ассирийской культуры, приписывали сновидениям значительную роль. Считалось, что они приносят прямой медицинский совет от богов, и обязанностью жреческого врача стало толкование сна таким образом, чтобы облегчить страдания сновидца.

Древнегреческая культура также придавала сновидениям заметное медицинское значение и даже создала собственную систему храмового сна, чтобы всегда получать пророческие сны от богов. Пациент после обязательного подношения должен был остаться на ночь в храме, и его сон в течение этой ночи был медицинским советом божества в его самой прямой форме. Но только священник был способен истолковать сон, полученный таким образом, и извлечь из него медицинскую пользу. Но поскольку иногда случалось, что слишком прозаичный и флегматичный пациент вообще не видел снов, священник был достаточно великодушен, чтобы заступиться. Боги всегда быстро одаривали его наводящим на размышления сном.

Медицинская функция священников достигла особого развития в первые века существования Рима. Это особенно проявлялось во время общественных бедствий, таких как эпидемия, война и т.д. Когда подобные события достигли масштабов, угрожавших существованию республики, были предприняты попытки снискать благосклонность богов с помощью самых любопытных церемоний. Небожителей просто пригласили принять участие в роскошном банкете. Первый божественный праздник такого характера был отпразднован в Риме в шестом веке до нашей эры в связи с великой эпидемией. Аполлон, Латона, Диана, Геркулес, Меркурий и Нептун были самым торжественным образом приглашены принять участие в религиозном банкете, который длился восемь дней. Изображения богов были расставлены на диванах с великолепными подушками, а столы ломились от яств. Приглашались не только боги, но и все население; каждый держал дом открытым, и любой желающий мог пировать за богато накрытыми столами богачей. Даже явным врагам заведения разрешалось входить и наслаждаться лакомствами, не опасаясь враждебных замечаний; более того, в интересах общественной гигиены было сочтено целесообразным снять цепи с заключенных и освободить их. Но если боги, несмотря на самые роскошные развлечения, не обращали на это никакого внимания и если эпидемия, военная катастрофа, неурожай или что-то еще, что было непосредственной причиной народного беспокойства, продолжало свирепствовать с неослабевающей яростью, предпринимались попытки с помощью театральных представлений доставить богам как можно больше удовольствия. Сначала такие пьесы состояли только из грациозных танцев под аккомпанемент флейты, и из этих простых начал, согласно Ливию, книга 7, глава II., драма, как говорят, развила все те вариации, которые характеризовали сценическое искусство древности. Не может быть никаких сомнений в том, что даже сцена нового времени имеет религиозно-санитарное происхождение — странный факт, о котором современные завсегдатаи театра едва ли когда-либо мечтают.

В конце концов была предпринята попытка усилить наслаждение богов подобными развлечениями с помощью ряда новых приемов. Например, было оговорено, что выступления, организованные для отражения вторжения Ганнибала, должны были стоить 333 333 $\frac{1}{3}$ медных ослов. Но если, тем не менее, боги не были в достаточной степени умиловлены пирами, танцами и игрой на флейте, и если их нельзя было убедить такими развлечениями устранить чуму или другое бедствие, был назначен диктатор, который, по возможности, 13 сентября вбил гвоздь в храм Юпитера, чтобы унять божественное негодование. Похоже, что это был первобытный обычай этрусков; по крайней мере, римский автор Цинций сообщает, что такие гвозди можно было увидеть в храме этрусской богини Нортии. К такому лечению ногтей прибегали, например, римляне во время ужасной эпидемии чумы, свирепствовавшей в пятом веке до нашей эры и от которой умер знаменитый Фурий Камилл.

Какими бы чудесными ни казались нам все описанные процедуры и как бы близко они ни соответствовали современной концепции суеверия, в то время, когда они возникли, они считались совершенно далекими от того суеверия, с которым мы так тесно отождествляем их сегодня. Ибо период, на который пришлось вышеупомянутые события, был эпохой исключительного теизма, и по этой причине божественный сон, божественные пиршества, священные представления и все другие особые средства, которые использовались для получения медицинской помощи богов, были устоявшимися чертами религиозного поклонения. Клеймо суеверия еще не было наложено на них. И такое положение вещей, естественно, сохранялось до тех пор, пока теистическая теория жизни оставалась неоспоримой.

За этим абсолютным господством теистической теории, доминирующей в человеческой жизни посредством вышеописанных терапевтических идей, последовала эпоха, в которую теизм был вынужден разделить свою власть с могущественным соперником, а именно с физико-механической теорией жизни. Борьба между обеими этими системами была положена начало как эллинской, так и западной цивилизации с появлением ионийской философии. Даже в наши дни эта борьба все еще продолжается во многих умах. По крайней мере, в одном можно быть уверенным: суеверие всегда было особенно активно в медицине в тех областях цивилизации, где господствовала теистическая идея.

Смертельная борьба между теистическими и физико-механическими теориями жизни в области медицины не нашла места в опыте эллинской и римской античности. Изменение мнения было скорее вызвано постепенным отходом от идеи, что боги вмешиваются в надлежащее течение телесных функций человека. Это убеждение было результатом постепенного роста его физико-механических знаний и утвердилось, по крайней мере, в том, что касалось мыслей и мнений врачей. То, что другие классы, в частности представители религии, не так мирно соглашались с этой механической концепцией жизни, мы вскоре объясним в главе III. Однако с самим искусством исцеления дело обстоит иначе. Даже "Корпус Гиппократов" открывает нам лекарство, очищенное от всех теистических примесей, и с момента публикации этого труда (то есть примерно с пятого века до нашей эры вплоть до ниспровержения античного периода, то есть примерно до пятого или шестого века нашей эры) в медицинских трудах не замечается дальнейших попыток отнести причину болезни и лечение болезней к богам древних небес. Напротив, то, что были предприняты большие усилия, чтобы искать природу болезни в механических состояниях организма, доказывается рядом самых различных медицинских доктрин. Обширный труд Галена, этот античный канон медицины, относящийся ко второму веку нашей эры, отвергает весь теизм и всю теургию и полагается исключительно на физико-

механические методы: наблюдение, эксперимент, вскрытие. Античная религия и античная медицина достигли примирения — примирения, однако, в котором ни одна из сторон не должна была признать полного поражения; но результатом стало мирное урегулирование, в котором их справедливые долги были отданы как теистической, так и физико-механической теориям жизни. Пунктом соглашения, по которому было достигнуто это урегулирование, или, если выразиться лучше, компромисс, была телеология.

Под телеологией мы понимаем концепцию, согласно которой все земное существование создано высшей силой в соответствии с заранее определенным планом, и что, соответственно, вся органическая жизнь по форме и действию наиболее совершенным образом приспособлена к задаче, поставленной перед ней этой силой. Эта концепция была абсолютно необходима для античной медицины; ибо она позволяла приверженцам теистической теории без колебаний рассматривать человека как продукт творца, который отличался во всех направлениях и который свидетельствовал о мудрости Бога, позиция, которая исключала предположение, которое было невозможно согласно предшествующим медицинским наблюдениям, что болезнь исходит от Бога. Ибо, согласно физико-механической теории жизни, казалось вполне правдоподобным, что болезнь может быть результатом ряда неблагоприятных, чисто земных условий, и это предположение не вызывало ни малейших сомнений в мудрости и созидательной силе богов. Эта телеологическая доктрина, которая красной нитью проходит через всю античную философию, становится заметной у Галена. Каждый раздел мощного труда Галена — анатомия, а также физиология, патология и терапия — свидетельствуют о наиболее достоверной телеологической концепции, концепции, которая в конце концов достигает кульминации в вердикте (“Использование частей”, книга 11, глава XIV): “Творец природы проявил свою благожелательность мудрой заботой обо всех своих созданиях, в том смысле, что он даровал каждому то, что действительно служит ему”.

Этой телеологической идее всего земного о становлении, бытии и кончине отныне было суждено стать постоянным фактором человеческих спекуляций. Христианство получило его в наследство от античной цивилизации, и только философия и естествознание нового времени смогли поставить под угрозу его постоянство. Биология, как и современное творение, учит нас, что все природные явления обязаны своим существованием естественным причинам, что мир природы подчиняется естественным законам. И, соответственно, телеология, с которой мы сталкиваемся в трудах язычника Галена и в трудах отцов христианской Церкви, оказалась суеверием, которое, однако, ни в коем случае нельзя причислять к причудам простого медико-физического суеверия. Однако, принимая это решение, мы должны остерегаться опрометчивых обобщений. В этой связи мы имеем в виду только тот вид телеологии, который господствовал в мире до появления учений Декарта и Спинозы и до появления современного естествознания с его биологическими методами. Возможна ли, в конце концов, теория жизни, которая, избегая упреков в суеверии, могла бы быть сведена к телеологическим предпосылкам, - это вопрос, который мы не можем здесь обсуждать. По общему признанию, верно, что чем глубже мы проникаем в тайны природы, тем энергичнее проявляется существование чудесной, разумной воли, пронизывающей все сферы природы. Однако, если этот факт не отрицается принципиально, как это отрицает современный материализм, и ему уделяется должное внимание, восстановление телеологии как необходимого фактора нашей теории жизни было бы логическим следствием. Конечно, эта телеология носила бы на себе отпечаток, совершенно отличный от античности и средневековья, которые считаются суевериями. Она не должна претендовать на то, чтобы охватить рассмотрение всего органического мира, но ограничивать

свои выводы последними звеньями в цепи опыта и аргументации, которые наука выковала из природных явлений. Теперь, по нашему мнению, этого можно было бы достичь, даже не опасаясь вмешательства в непререкаемые требования современных естествоиспытателей: “Земной мир в его формах и процессах управляется исключительно земными законами”. Каким должен быть внешний вид такой телеологии, выражен Уильямом Хартполом Лекки следующим образом:

“Эта концепция, которая представляет вселенную скорее как организм, чем механизм, и рассматривает сложности и приспособления, которые она демонстрирует, скорее как результаты постепенного развития изнутри, чем вмешательства извне, настолько нова и на первый взгляд настолько поразительна, что многие сейчас в тревоге шарахаются от нее, полагая, что она опровергает доводы о замысле и почти равносильна отрицанию Высшего Разума. Ноя думаю, не может быть никаких сомнений в том, что подобные опасения по большей части необоснованны. То, что материя управляется разумом, что устройства и усовершенствование Вселенной являются продуктами разума, - это утверждения, которые совершенно непоколебимы, рассматриваем ли мы эти устройства как результат единичного мгновенного проявления воли или медленной, последовательной и регулируемой эволюции. Доказательства всепроникающего и развивающегося разума, а также доказательства координирующего и объединяющего разума остаются нетронутыми, и никакой мыслимый прогресс науки в этом направлении не может уничтожить их. Если бы известное предположение о том, что вся животная и растительная жизнь происходит от единого жизнеспособного зародыша, и что все существующие ныне различные животные и растения развились в результате естественного процесса эволюции из этого зародыша, было доказанной истиной, мы все равно были бы в состоянии указать на свидетельство разума, проявляющегося в размеренном и прогрессивном развитии, в тех изысканных формах, которые так отличаются от тех, которые мог породить слепой случай, и в явной адаптации окружающих обстоятельств к живому существу, а живого существа - к окружающим обстоятельствам. Аргумент с точки зрения дизайнера действительно был бы изменен; его пришлось бы изложить в новой форме, но он был бы таким же убедительным, как и раньше. В самом деле, возможно, не будет преувеличением сказать, что чем полнее будет усвоена эта концепция всеобщей эволюции, тем прочнее утвердится научная доктрина Провидения и тем сильнее будет презумпция будущего прогресса”.[1]

Таким образом, несмотря на тот факт, что в телеологии теперь найдена точка соприкосновения теистической и физико-механической медицинской мысли, теизм на протяжении истории нашей науки постоянно предпринимал новые атаки на физическое направление в медицине; и с каждой атакой суеверия в медицине, так же как и в естественных науках, разоблачались наиболее ощутимо.

После того, как во второй главе мы удовлетворились теизмом и его отношением к физико-механической теории жизни, мы теперь приступим к рассмотрению различных форм медицинских суеверий, и в наше намерение, как указывалось в первой главе, входит упорядочить имеющийся огромный материал таким образом, чтобы обсудить медицинские суеверия в соответствии с источниками, из которых они возникли. Мы начнем с указания на тесные отношения, которые преобладали между религиозными учениями и суевериями.

[1] “История возникновения и влияния духа рационализма в Европе”, Том I., глава III., страницы 294-295. Сравните также Магнуса, “Медицина и религия”, стр. 24, кв.

III

РЕЛИГИЯ - ОПОРА МЕДИЦИНСКИХ СУЕВЕРИЙ

Религия, несомненно, играет наиболее заметную роль в истории медицинских суеверий. Религиозное учение, какого бы характера оно ни носило, способствовало развитию медицинских суеверий больше, чем любой другой фактор цивилизации. Религия не только породила и питала медицинские суеверия, но и защищала их всем имеющимся в ее распоряжении влиянием. Действительно, нередко случалось, что те, кто не желал верить в блага медицинской теории, смехотворно извращенной религией, подвергались преследованиям огнем и мечом. И это не только от той или иной религиозной конфессии, ибо все верующие, без исключения, оказались самыми усердными поборниками медицинских суеверий; так что мы, вероятно, не ошибемся, называя священнослужителей в целом, независимо от их вероисповедания, наиболее ярким воплощением медицинских суеверий в определенные периоды мировой истории. Но подробности вы узнаете из следующих параграфов:

§ 1. **Духовенство как опора медицинских суеверий.** Основной причиной не совсем уважительной деятельности избранного представителя божества, вероятно, является тот факт, что с появлением физико-механического созерцания мира теистическая теория жизни, которая до тех пор имела исключительное влияние, была вынуждена вступить в ожесточенную битву с недавно сформулированным определением природы. Эта борьба велась главным образом духовенством, которое, на самом деле, больше всего могло проиграть от господства новой теории жизни, которая учитывала только природные факторы. До тех пор они действительно служили средством получения людьми помощи богов при всех телесных недугах, поскольку были исключительными хранилищами физических знаний. И едва ли можно было ожидать, что жречество сразу же добровольно откажется от обширного превосходства, которым оно до сих пор пользовалось как оракул божественного руководства во всех медико-физических вопросах; ибо человечество всегда считало обладание властью гораздо более восхитительным, чем подчинение, и правитель всегда самым энергичным образом возражал против любой попытки оспорить его правление. Это было именно то, что было сделано священниками всех вероисповеданий, когда механико-физическая теория жизни начала вытеснять устаревшие мечты теистической медицины. Беспристрастные люди наверняка допустят, что такое действие было естественным. Но они не могут одобрить применяемые методы, если только они не принадлежат к тем, кто чувствует себя обязанным всегда видеть в каждом поступке служителя небес только то, что свято.

Чтобы наиболее эффективно вести войну против физико-механической теории жизни, жречество сразу же заявило о своей власти полностью контролировать природу. Они заставляли людей верить, что небожители даровали им способность властвовать над природой в интересах больных и что все силы Вселенной, как очевидные, так и таинственно скрытые в

глубинах природы, подчиняются внушениям священнослужителей. Служитель небес утверждал, что он может регулировать вечные процессы материи с ее возникновением, бытием и исчезновением столь же непреодолимо, как его глаз способен обзирать течение времени в прошлом, настоящем и будущем.

Наделенный этими обширными полномочиями, священник обязательно являлся народу не только как врач, но и как чудесное существо, увенчанное ореолом сверхъестественного. И это была та роль, которую он действительно играл во многих древних религиях. У народов Италии священник появился — действительно, в период, предшествующий возникновению Рима, — как врач, пророк, толкователь снов, вызыватель бурь и т.д. Он занимал точно такие же должности среди кельтских племен в Галлии и Британии. Таким же было его положение в восточном мире, и особенно у мидян и персов священники считались людьми, наделенными сверхъестественными способностями. Мы можем заметить, что члены определенного срединного племени составляли касту жрецов и носили название “Волхвы”. Однако это название, которое первоначально относилось только к жреческому ордену, со временем приобрело отчетливо светское значение. Очень скоро многие хитрецы пришли к выводу, что профессия священнослужителя-врача и фокусника может приносить доход своему профессору, даже если этот профессор был не священником, а мирянином. Так возникла особая профессия колдунов, чудотворцев и знахарей, которые торжественно заявляли, что они способны лечить все физические и психические недуги своих собратьев так же тщательно, как это делали священники. Но для того, чтобы даровать необходимое посвящение этому искусству, эти джентльмены узурпировали почтенное название вышеупомянутой срединной касты жрецов и называли себя “Магами”. Таким образом, случилось, что название “Магус” (magician), которое первоначально служило для обозначения отдельной жреческой касты, превратилось в обозначение шарлатанов и мошенников. Этого никогда бы не произошло, если бы священники не prostituteровали свою возвышенную профессию и не низвели ее до различного рода дискредитирующих медико-физических обманов. Только поэтому священство ответственно за возвышение магов, этих никчемных факиров. Но если Плиний (книга 30, глава I., § 2) пытается причислить магию к ответвлению медицины, то это оправдано только в той мере, в какой священник в теистический период был также врачом, как хорошо известно. Только с этой точки зрения возможно проследить генетическую связь между медициной и магией. Но медицина сама по себе не принимала ни малейшего участия в продвижении магии и успехе своей сомнительной репутации. Действительно, наша наука слишком сильно пострадала из-за практики магии, чтобы обременять себя отцовством над этим сомнительным детищем цивилизации.

Похоже, что имя кельтских жрецов (“друиды”) стало предметом тех же злоупотреблений, что и имя мидийских жрецов жреческой касты. Так мы узнаем о женщинах-гадалках третьего века нашей эры, которые называли себя “друидессами”. Но, похоже, что это применение слова “друид” осталось местным и строго ограниченным, тогда как выражение “маг”, употребляемое довольно широко, со временем стало обозначением шарлатанов и медицинских самозванцев. Ибо этих мошенников, которые занимались медико-физическими фокусами и утверждали, что обладают сверхъестественными способностями, называли “магами” на протяжении всего периода классической древности, и мы находим такое же употребление этого слова в средние века, а иногда и в более современные времена.

Но эта профессия мага, возникшая из жречества, в значительной степени способствовала распространению суеверий в медицине и особенно способствовала тому, что она приобрела необычайную репутацию. В наше намерение входит чуть более детально заняться магами и волшебством.

§2. Распространение слова “Магия”.— Как и когда магия была перенесена из своей восточной родины на Запад, невозможно определить с уверенностью; ибо греки, как и все древние народы, вероятно, все нации, верили в призраков и демонов, в предсказания судьбы и в колдовство. Но, тем не менее, представляется, что древние цивилизованные народы Востока, и особенно персы, культивировали магические искусства с особой преданностью, и более чем вероятно, что преобладающий культ магии был импортирован на Запад именно с Востока. Плиний, например, сообщает нам (книга 30, глава I., § 8), что магию принес в Европу некий Останес, сопровождавший царя Ксеркса в его военной экспедиции против Греции. Этот человек Останес, как далее сообщает Плиний, как говорят, распространял семена этого сверхъестественного искусства (*velut semina artis portentosæ insparsit*), куда бы он ни пошел, и с таким успехом, что эллинские народы буквально сходили с ума по нему, и выдающиеся люди путешествовали по разным частям Востока, чтобы лично и основательно овладеть этими магическими искусствами, таким образом, как это было в случае с Пифагором, Эмпедоклом, Демокритом и Платоном. Фактически, о Демокрите говорится, что он вскрыл гробницу знаменитого мага — Дардана из Финикии, — чтобы вернуть гласности таинственные писания последнего. Более того, похоже, что Александр Македонский безоговорочно верил в магию — по крайней мере, Плиний сообщает, что во время его войн его всегда сопровождал знаменитый маг.

Магические искусства также были в почете у римлян. Даже Нерон пытался овладеть секретами магии, хотя и безуспешно (Плиний, книга 30, глава II., § 5). Особый импульс магии был придан в конце последнего столетия до Рождества Христова и в течение первого столетия христианской эры, когда возникновение многих фантастических философских систем значительно продвинуло и поддержало веру в сверхъестественные силы магии. Впоследствии, в средние века, магия получила общепринятое и систематическое развитие. Однако более подробно об этих условиях будет сказано позже.

Лечение больных с помощью сверхъестественных сил приобрело при римских императорах совершенно поразительные масштабы. Вера в магов была настолько широко распространена, что даже сами императоры и имперские власти были почти полностью преданы ей. Так, например, император Адриан (117-138 гг. н.э.) заставил лечить себя у врачей, которые утверждали, что обладают чудодейственными способностями, и, как говорят, он написал книгу по теургии. Фактически, Суидас (62, Юлиан) сообщает, что Адриан из-за сильной вспышки чумы в Риме послал за сыном халдея Юлианом, который просто силой своих чудес остановил распространение болезни. При Антонине Пии на форуме были сделаны официальные заявления, обращавшие внимание народа на важность магов (Филострат, 43), а император Марк Аврелий даже рассказывает, что когда он был в Кайете, боги во сне прописали средство от геморрагического кашля и головокружения, от которых он страдал (“Марк Аврелий”, глава I., § 17, стр. 11).

Но, похоже, что фокусники в конце концов зашли слишком далеко в своих фокусах и своим обращением подвергли опасности человеческие жизни; так что несколько императоров

решили принять более строгие меры против их мошенничества. Император Септимий Север (193-211), хотя сам изначально занимался магией, во время визита в Египет запретил все книги, в которых обучались любопытным искусствам (Элиус Спартиан, “Адриан”, глава XV, § 5, стр. 146). Позже император Диоклетиан предпринял энергичные шаги к уменьшению вреда, причиняемого магическим лечением больных, и магам было разрешено заниматься этим искусством только в той мере, в какой это не наносило ущерба здоровью людей. Однако этот приказ сдерживал магов не больше, чем приносил пользу тем, кто все еще подвергался пыткам и был доведен до смерти магическим шарлатанством. Медицинская наука также не извлекла никакой пользы из этой благонамеренной, но совершенно безуспешной попытки императора, поскольку врачи-волшебники упорно продолжали придерживаться своего фокуса и беззаботно искажали фармакопею, вводя бессмысленные и отвратительные вещества. Давайте рассмотрим более подробно этот раздел медицинской практики среди магов.

§ 3. Медицинская практика магов.— Маги применяли различные методы лечения больных: они либо пытались, как это делают наши современные шарлатаны, путем назначения лекарств создать впечатление, что они действительно способны рационально руководить лечением больных, либо ограничивались различными видами магических обрядов.

Лекарственная терапия магов фактически использовала все, что есть под солнцем, в качестве лечебного средства. Чем более непривычным и менее подходящим для лечения казалось вещество, тем более вероятно, что оно было выбрано магом, намеревающимся исцелить. Ибо главной целью этих практикующих шарлатанов всегда было сделать свое лечение как можно более сенсационным. В этом они преуспели лучше всего, используя в качестве лекарств самые необычные вещества. Таким образом, они использовали золото, серебро, драгоценные камни и жемчуг только потому, что они, благодаря своей ценности, пользовались большим уважением, и поэтому их медицинское применение должно было произвести сенсацию. Но с такой же готовностью применялись и самые отвратительные вещества, поскольку и здесь их применение неизбежно привлекало самое пристальное внимание. Таким образом, человеческие фекалии, моча и менструальная кровь были введены в *materia medica*. Благоговейный трепет, с которым части трупов обычно внушали немедицинской части населения, маги использовали для рекламы своих лекарств. Таким образом, эти шарлатаны давали больным порошки из человеческих костей.

Но поскольку то, что бросается в глаза и необычно, всегда пользовалось особым уважением у человечества, невероятные средства магов, естественно, повсюду находили множество верующих; и поскольку наиболее бессмысленная теория наиболее живуча в жизни, при условии, что она была представлена в очевидном сочетании с чудесным, медицинский арсенал быстро приобрел весьма своеобразный вид. До нынешних, более современных времен медицина была обречена обременять себя этим хламом, этим списком странных и отвратительных лекарств, допуск которых в фармакопею был обусловлен только прихотью человеческого разума, постоянно жаждущего экстраординарного и чудесного.

Наконец, магические обряды, к которым прибегали маги при лечении больных, показали замечательную жизнеспособность, поскольку они в моде даже в наше время, и многие слои нашего народа даже сегодня безоговорочно клянутся в лечебной эффективности различных средств, которые демонстративно были заимствованы из медицины магов. Но теперь такие средства больше не приписываются магии или колдовству, а называются “лечением

посредством сочувствия”. И как многие современные люди верят, что различные непостижимые мистические действия заставляют определенные таинственные силы, в остальном абсолютно неизвестные, оказывать лечебное воздействие на определенные болезни, так и древние верили точно в то же самое. Таково было происхождение экзорцизма как средства от болезней. Экзорцизм играл заметную роль в средние века как средство остановки кровотечений, и даже в наше время, как хорошо известно, этот метод лечения находит много приверженцев.

Считалось, что это магическое лечение особенно эффективно, если заклинания были написаны или выгравированы на бумаге, золоте, драгоценных камнях и т.д., и в этом случае они подвешивались на шею пациента. Таким образом были изготовлены бесчисленные талисманы (от арабского *тильсам*, магический образ) и амулеты (от арабского *хамалет*, безделушка), и даже в наше время сохранились пережитки этого медицинского суеверия. Хотя эти мистические обряды выполняются различными способами, и их модификации практически бесчисленны, тем не менее, среди магических ритуалов самых разных рас постоянно появляются определенные радикальные сходства, а некоторые из этих практик сохранились даже до настоящего времени. Таким образом, веревка повешенного преступника играет заметную роль как в античной магии, так и в современном лечении симпатией; такое же значение приписывается падающим звездам, луне, перекресткам, определенным числам, таким как 3, 7, 9 и т.д. В высшей степени интересным фактом является то, что подобные концепции, столь же замечательные своими терапевтическими ассоциациями, как и своим грубым суеверием, обладают жизнеспособностью, которая сохраняется веками. Народы, религии, философские системы, политические революции возникали и исчезали, но вера в целебное действие веревки повешенного преступника или в терапевтическое значение перекрестка дорог сохранилась. Мистическое влияние, которое оказывают цифры 3, 7, 9, и еще более ужасное 13 на жизнь и здоровье человека, преследует умы множества людей в этот век физического просвещения точно так же, как это было в далекой древности. Но мы не можем здесь вдаваться в причины этих интересных фактов и должны отсылать тех, кто желает получить более подробную информацию по этому предмету, к обширной литературе по суевериям.

Более того, вера в магические методы лечения была не более распространена среди древних профессоров медицины, чем среди мирян, и даже самые выдающиеся практикующие врачи не смогли освободиться от этой веры. Гален, например, который, как хорошо известно, изучил всю литературу по античной медицине так, как никто ни до, ни после него, открыто заявляет о своей вере в эффективность магических методов лечения, и, что более примечательно, Гален в этом отношении превратился из Савла в Павла. Позже он с сожалением вспоминал осуждающий декрет, который он первоначально обнародовал в отношении магического лечения больных. Давайте вспомним, как он выражается в своем эссе о медицинском лечении у Гомера: “Многие, как и я долгое время, верят, что заклинания напоминают сказки старых женщин. Но постепенно, на основе наблюдения очевидных фактов, я пришел к выводу, что они обладают силой; ибо я научился распознавать их преимущества при укусах скорпионов, а также при костях, которые застряли в горле и которые сразу же откашливались в результате заклинания. Многие средства превосходны во всех отношениях, и магические формулы отвечают своему назначению” (“Александр Траллесский”, книга 11, глава I., том II., стр. 477). Также один из самых выдающихся постгаленийских врачей, Александр из Траллеса, открыто признает, ссылаясь на это высказывание Галена, что он сам верит в магические методы лечения, и он говорит: “Если великий Гален, как и многие другие врачи древних времен, свидетельствуют об этом факте

(эффективности магического лечения больных), почему бы нам не поделиться с вами тем, что мы узнали из нашего собственного опыта и что мы слышали от заслуживающих доверия друзей?” (“Александр Траллесский”, там же.). Соответственно, его Βιβλία Ἱατρικά был наполнен перечислениями самых различных магических средств лечения. Но теперь, если классики античной медицины доказали, что они так дружелюбно относятся к медицинской науке магов, каково же было состояние ума среднего врача древних времен? Удивительно ли, что молодые и старые, высокопоставленные и низкие, без различия были слепыми приверженцами магической медицины? Таким образом, медицинская литература прошлого века до нашей эры, и особенно литература веков от христианской эры до позднего средневековья, была настоящей сокровищницей заклинаний и других мумий. Это описание особенно применимо к “Materia Medica” Квинта Серена Самоника, написанной гекзаметрами. Это правда, магическое продолжение этой книги повлекло за собой болезненные последствия для автора, поскольку император Каракалла казнил бедного автора (Эл. Спартиан., “Каракалла”, глава IV, § 4) просто, как сообщается, за то, что он осмелился рекомендовать в своих произведениях ношение амулетов в качестве средства против перемежающейся лихорадки, медицинского средства, которое было запрещено самим императором.

Работа Секста Плацита Папирусного, жившего в четвертом веке, в которой рассказывается о лекарствах, полученных из животного царства, изобилует магической бессмыслицей.

Но поистине неисчерпаемый запас медицинских заклинаний содержался в работе непрофессионала Марцелла Эмпирика. Этот джентльмен, который был министром иностранных дел при императорах Феодосии первом и втором, написал толстый фолиант о лекарственных средствах. Это литературное представление, которое, по нашим представлениям, кажется очень странным для государственного министра, ни в коем случае не было примечательным в пятом веке, поскольку изучение медицинских дисциплин было, так сказать, модным среди мирян того периода; фактически, даже прелаты и епископы не считали ниже своего достоинства заниматься различными медицинскими вопросами и писать книги по медико-физической науке. Таким образом, лавры медицинской славы преследовали нашего доброго Марцелла и не давали ему спать, так что он сократил свои служебные часы до такой степени, что смог составить Materia Medica из тридцати шести глав, по-видимому, нескончаемых. Но если бы государственная мудрость Марцелла была наравне с его книгоиздательством по медицине, два Феодосия не могли бы упустить время, которое у них украл их министр кабинета министров, поскольку его медицинские записи представляют собой совершенно бесполезный сборник. Марцелл не только копировал у авторов-медиков самые противоречивые мнения, но и особенно усердствовал в собирании без разбора всей магической чепухи древних времен; на самом деле, кажется, что он очень стремился услышать всю эту магическую чепуху прямо из уст людей, поскольку он говорит, что собирал свои лекарства “*ab agrestibus et plebeis*”. Соответственно, его книга столь же бесполезна и безвкусна для врача, сколь и ценна для историка, особенно для историка цивилизации. Вот несколько примеров этого лекарства магов:

Средство от бородавок и мозолей (Плиний, книга 28, глава IV., § 12, стр. 268): “В двадцатый лунный день лягте на спину вдоль пограничной линии и вытяните руки над головой. Любым предметом, за который вы возьметесь при этом, потрите бородавки, и они немедленно исчезнут”.

“Тот, кто, увидев падающую звезду, вскоре после этого выльет немного уксуса на дверную петлю, наверняка избавится от мозолей”.

Средство от головной боли (Плиний, там же.): “Обвяжите веревку повешенного преступника вокруг лба”.

Средство от боли в животе (Присциан, врач четвертого века, книга 1, глава XIV., и Шпренгель, том II., стр. 248): “Если кто-либо страдает коликообразными болями, он может сесть на стул и сказать себе: ”*Per te diacholon, diacholon, diacholon*”.

“Человек, страдающий приступом колик, может взять экскременты волка, которые, по возможности, должны содержать мелкие частицы костей, вложить их в маленькую пробирку и носить этот амулет на правой руке, бедре”. — Александр Траллесский, Книга 8, глава II., стр. 374.

“Возьми сердце живого жаворонка и носи его как амулет на левом бедре”. — Александр Траллесский, там же.

Средство против эпилепсии (рекомендовано врачом, Moschion Diorthotes. “Александр Траллесский”, книга 1, глава XV, стр. 570): “Лоб осла привязывают к коже пациента и носят”.

“Соберите ирисы, пионы и паслен, когда луна на убыли, заверните их в льняную ткань и носите как амулет”. По совету мага Останеса. —Александр Траллесский, Книга 1, глава XV., стр. 566.

“Возьмите гвоздь из креста и подвесьте его к руке пациента”. Дано врачом второго века нашей эры по имени Архиген.—Александр Траллесский, книга 1, глава XV., стр. 566.

“Носите на пальце яшму голубовато-серого блеска”. — Советует Диоскорид, книга 5, с. 159.

Средство против подагры (“Александр Траллесский”, книга 12, стр. 582): “Возьми золотой лист и напиши на нем, когда луна на убыли: мэй, тру, мор, ибо, теукс, за, зон, те, лу, чри, ге, зе, он. Как солнце становится твердым в этом имени и ежедневно обновляется, так и это образование становится таким же твердым, какими были условия ранее. Быстро, быстро, стремительно, стремительно. Ибо вот! Я называю великое имя, в котором снова укрепляется то, чему было суждено умереть: Джас, азиф, зайон, три, дайн, чук. Сделайте это образование прочным, каким оно было, быстро, быстро, стремительно, стремительно. Этот документ должен быть покрыт сухожилием журавля, заключен в капсулу и носиться пациентом на пятке”.

Средство против болезней глаз (рекомендовано Секстом Плацитусом Папирусным. Магнус, “Офтальмология древних”, стр. 597): “Если правый глаз поражен глаукомой, потрите его правым глазом волка и, аналогично, левый глаз левым глазом волка”.

При светобоязни (боязни света) “Носите в качестве амулета глаз, взятый из живого краба”. — Квинт Серенус Самоникус. Магнус, “Офтальмология древних”, стр. 595.

При болях в глазах пациент должен медной иглой выколоть глаза зеленой ящерице, пойманной в день Юпитера, во время убывающей луны, в сентябре месяце. Глаза следует носить в золотой капсуле в качестве амулета на шее (Марцелл Эмпирик. Магнус, “Офтальмология древних”, стр. 602.)

Приведенных выше иллюстраций, несомненно, достаточно, чтобы дать читателю представление о медицине магов. В то же время они показывают большое сходство, которое существует между этими древними магическими методами лечения и симпатическими методами лечения нашего народа в наши дни.

§ 4. Древняя медицина и магия.— Но как это возможно, что древние врачи и даже самые просвещенные умы среди них не только терпели такое грубое медицинское суеверие, как показали нам приведенные выше примеры, но даже включали его в свои работы? Однако, каким бы непостижимым этот факт ни казался современному практикующему врачу, он становится понятным, если принять во внимание состояние античной медицины и врачебной профессии древних времен.

Во-первых, древняя медицинская наука использовала совершенно иной диагностико-теоретический метод, чем тот, который используется профессорами медицины в наше время. Древнее естествознание (сравните также главу V этой работы), так же как и древняя медицина, получили свои научные взгляды исключительно путем дедукции — т. е. Они выводили индивидуальные результаты из общих предположений, или, скорее, они интерпретировали, на основании некоторого общего предположения, физико-медицинские последствия, которые должны были следовать из такого общего предположения. Если эта попытка проникнуть в суть физических процессов чрезвычайно опасна, то она становится еще более ненадежной, когда способ и средства, с помощью которых были получены эти общие предположения, изначально носили полностью гипотетический характер. Действительно, против этого метода не может быть выдвинуто никаких принципиальных возражений, поскольку даже современное естествознание и медицина, несмотря на то, что их методы исследования в диагностико-теоретическом отношении едва ли допускают существенные возражения, не могут обойтись без гипотез. Но гипотеза - это не всегда просто гипотеза. Хорошо известно, что существуют гипотезы, которые даже в умах самых добросовестных исследователей не уступают тем знаниям, которые получаются в результате эксперимента и наблюдения, тогда как другие гипотезы снова несут на себе отчетливый отпечаток недостаточности и надуманности. Достоверность и эвристическая ценность гипотезы зависят от качества теоретико-диагностического процесса, с помощью которого она была получена. Если этот процесс был таким, на чем вынуждено настаивать физическое исследование, то гипотеза, к которой пришли таким образом, полностью оправдана, чтобы дополнить все еще отсутствующие данные относительно рассматриваемых явлений. Это, однако, может быть достигнуто с помощью гипотезы только тогда, когда последняя не выдвигается до тех пор, пока не станет ясно, что, несмотря на добросовестную и упорядоченную организацию наблюдения за наблюдением, эксперимента за экспериментом, без допущения логических лазеек, полных данных о природе явлений получить невозможно. В таком случае мы можем считать фактически доказанным с помощью гипотезы то, что наблюдение и систематический эксперимент, непрерывный и логичный, должны были доказать, но потерпели неудачу. Однако только эта индуктивная гипотеза имеет право рассматриваться в медицине. Естественно, что такая индуктивная гипотеза не приходила в голову древним, поскольку индуктивный метод исследования, как правило, был им совершенно

неизвестен. Процесс, с помощью которого древняя медицина обычно пыталась найти свою гипотезу, заключался в аргументации по аналогии. Каждый пункт сходства, каким бы поверхностным он ни был, между двумя явлениями считался древними натуралистами достаточным для обоснования предположения, что аналогичные явления в самых различных областях, как было совершенно определенно доказано, обладают сходными пунктами сходства. И на основе такого ненадежного метода дедукции — который, к тому же, был выбран исключительно по выбору наблюдателя — древний исследователь выдвигал самые смелые гипотезы. Так, например, атомная теория Левкиппа и Демокрита является гипотезой, которая основывается на выводе из аналогии. Пылинки, появляющиеся в лучах солнца, привели этих двух древних исследователей к представлению о том, что, подобно частицам пыли, носящимся в воздухе, первичные составные части всего существующего во всей вселенной состоят из подобных частиц.[2]

Похоже, что Эпикур пришел к своей теории света (согласно которой, как хорошо известно, образы вещей вызывались в чувствах тонкими, но абсолютно объективными маленькими картинками, которые отделялись от поверхности вещей непрерывным потоком) благодаря тому факту, что многие животные — например, змеи — сбрасывают свою кожу. Теория гуморальной патологии, одно из важнейших достижений медицинской науки, была основана на выводах по аналогии и была получена дедуктивным методом.

Диагностико-теоретические направления, по которым двигалась античная медицина, были обязаны — и это важный момент в данном случае — оказывать определяющее влияние на медицинскую критику. Ибо медико-физическая критика может возникнуть только в теснейшей связи с преобладающим состоянием соответствующих наук, будучи на самом деле не чем иным, как их осадком. Таким образом, древние врачи были вынуждены занять совершенно иную позицию по отношению к магической медицине, чем всегда занимали мы, современные люди, получившие образование в школе индуктивных методов. Вероятное и сходное, предполагаемое и возможное, в которых дедуктивная медицина находила свои данные, работая на основе аргументации по аналогии, неизбежно должно было найти выражение также в характере медицинской критики, и поэтому для древнего врача было невозможно обнаружить что-либо абсурдное или противоречащее опыту в гипотезах, которые практикующий врач наших дней сразу же клеймит как бессмысленные и суеверные.

Поэтому у нас нет ни малейшего права пренебрежительно отзываться о Галене и Александре Траллесских, потому что они верили в магическую медицину и применяли ее в своей практике. Как ни один человек не может выпрыгнуть из своей кожи, так и он не в состоянии выйти за рамки интеллектуального прогресса своего времени. Поскольку древние врачи также не могли этого делать, соответственно, они верили в магическую медицину.

Но есть еще второй момент, который объясняет замечательную позицию, занятую древними врачами по отношению к магической медицине, а именно тот факт, что представления о чуде и волшебстве существенно отличались в древнем мире от того, какими они являются в настоящее время. Вера во вмешательство духов и сверхъестественных существ в земные дела и проявления их влияния, проявляемого различными способами — иногда во благо, иногда во зло, — была широко распространена с древнейших времен, и мы встречаем их во все периоды классической древности. Эта вера в демонов вошла в системы многих ведущих философов

древности. Итак, если бы мир был наполнен демонами, естественным следствием было бы то, что их деятельность проявлялась бы различными способами. Следовательно, было необходимо, чтобы человек всегда был готов пережить проявления, которые более или менее нарушали обычный порядок земных событий, и по этой причине для него на самом деле не существовало ничего, что можно было бы назвать чудом. Чудо не могло быть понято в его полном современном смысле до тех пор, пока не было осознано, что ход всех природных явлений есть не что иное, как выражение вечных и неизменных законов. Однако широкое распространение эта концепция получила сравнительно поздно; так, например, даже в последние периоды средневековья и на заре нового времени считалось самоочевидным, что божественное влияние всегда могло вызвать изменение в ходе функционирования организма и фактически всегда вызывало. На самом деле, даже в наше время существует удивительно большое количество людей, которые верят в это и для которых, следовательно, представление о чудесах, особенно о чудесных исцелениях, находится сегодня примерно на том же уровне, на каком оно находилось во времена Галена и Александра Траллесского.

Таким образом, мы должны признать, что древние врачи ни в коем случае не были ниже уровня цивилизации и культуры, достигнутого в их период, если они верили в возможность экстраординарных исцелений, произведенных посторонними и ненаучными средствами при лечении больных, и, соответственно, поддерживали такие методы. Однако эта вера в чудодейственные лекарства со стороны древних врачей всегда была ограничена определенными рамками. Это правда, всегда придерживались концепции, что то или иное магическое средство или то или иное магическое действие может оказывать влияние на болезнь; но такая вера никогда не приводила их к отказу от каких-либо строго медицинских мер хирургического или гинекологического характера. Напротив, умные врачи древности твердо настаивали на том, что действиям хирурга и гинеколога не должны препятствовать никакие метафизические соображения; так, например, Соранус самым энергичным образом требовал, чтобы акушерка была “ᾠδεῖσσι δαίμων” (не боялась никаких демонов) — то есть она не должна была быть суеверной, но свободной от каких-либо обвинений, которые сделали бы ее лечебное вмешательство нежелательным.

Профессия магов из-за преследований, которым они подверглись при христианских императорах Валенте, Валентиниане и Феодосии, стала значительно менее заметной во время господства христианства, но идеи, на которых она была основана в древние времена, все еще сохранились; фактически, эти идеи были даже в определенной степени систематически разработаны в средние века, и в это время проводилось различие между высшей и низшей, или белой и черной, магией. Белая магия занималась хорошими духами, черная - плохими. Поэтому магов, которые действовали с помощью дьявола и даже в медицине прибегали к помощи дьявола, называли “некромантами”. Впервые магия слилась с определенными философскими спекуляциями, а также с христианско-догматическими составляющими. Методы, применяемые магической медициной в этих условиях, настолько своеобразны и находятся так близко к пограничным линиям между философией и религией, что мы действительно не совсем уверены, относить ли это к области одной или другой. Но поскольку фундаментальные части этих методов на самом деле были предложены философией, мы предлагаем отложить это обсуждение на время и рассмотреть здесь другую форму медицинского суеверия, которое произошло исключительно из религии, а именно “сон в храме”.

[2] Лукреций, Книга 2, стих 113, кв.

§ 5. **Спать в Храме.** Одним из общепринятых методов медицинской науки в период эллинской цивилизации, которая все еще находилась полностью под влиянием теизма, то есть, по крайней мере, за два или три столетия до эры Гиппократов, было то, что было известно как “храмовый сон”. На самом деле, этот метод следует рассматривать как признак веры, несомненно глубокой и искренней, веры действительно наивной и детской; но как признак такой веры этот метод на самом деле жалок. В тот ранний период, о котором идет речь, в нем не было и намека на суеверия. Это все еще было чистым и неподдельным выражением общепринятой концепции о том, что человеческое искусство бесполезно в любом случае болезни, и помощь следует искать у богов — у тех богов, которые регулируют и лично исполняют все земные явления вплоть до мельчайших деталей. Храмовый сон не превращался в суеверие до тех пор, пока медицина не пришла к выводу, что явления болезни являются свидетельством не вмешательства сверхъестественной силы в функции организма, а нарушений функций организма, вызванных исключительно естественными причинами. В соответствии с этой точкой зрения, которая впервые нашла свое самое полное и ясное изложение в *“гиппократовом своде”*, казалось бы, абсолютно необходимым, чтобы храмовый сон утратил всякое признание в искусстве врачевания. Однако, поскольку это было не так, оно неизбежно превратилось бы в акт суеверного ряженья, и главную вину за этот печальный упадок следует возложить в первую очередь на священников. Их долгом было, в частности, наставлять на путь истины пациентов, которые упорно толпились в храмах в духе наивного и детского благочестия. Они сами осудили себя как распространителей суеверий, когда не смогли выполнить свой долг, и, скорее, всеми доступными им средствами пытались утвердить толпу в их древней вере в то, что боги занимаются врачеванием. Как нехристианские, так и христианские священники играли эту роль на протяжении многих веков с равными способностями и одинаковым упорством, как будет видно из следующей краткой истории храмового сна.

Вера в эффективность храмового сна была основательно поколеблена уже во времена великого Гиппократов; поэтому в шестом веке до нашей эры смеющийся философ эллинизма Аристофан, сатирический современник Гиппократов, в Акте II., стихи 654-750, своей комедии *πλοῦτος*, сурово критикует манеру и метод использования храмового сна. Давайте прислушаемся к словам, в которых поэт описывает то, что произошло в храме во время совершения этого обряда.

Бог Эскулапий в сопровождении своей дочери Панакеи появляется в храме, чтобы лично осмотреть собравшихся там пациентов. Первый, кого он встречает, - бедняга Неоклейд, который с затуманенными глазами ожидает исцеления от бога. Опытный врач Эскулапий намазывает вывернутые веки этого пациента мазью, которая причиняет такую боль, что бедняга, вероятно, никогда больше не обратится к нему за помощью. Второй пациент, встреченный богом, - это слепой бог *πλοῦτος* (то есть Олицетворенное Богатство). Здесь поведение Эскулапа полностью отличается от того, которого он придерживался при лечении бедного Неоклейда. Теперь он осторожно гладит голову пациента, затем достает льняную салфетку и осторожно касается ею века. Затем он зовет свою дочь Панакею, которая наматывает красную ткань на голову слепого Богатства. Теперь Эскулапий свистит, и появляются две могучие змеи, проскальзывают под пурпурную ткань и лижут глаза пациента. Вскоре после этого бог вновь обретает зрение.

Этот отрывок представляет собой резкую сатиру на практику, которая, несомненно, преобладала в греческих храмах еще в шестом веке до нашей эры. Но, тем не менее, прошло много времени, прежде чем пациенты утратили веру в чудесную эффективность храмового сна, и священнослужители постоянно пытались возродить веру в храмовый сон с помощью различных таинственных историй, которые они рассказывали сомневающимся. Шестая из мраморных обетных табличек, найденных в храме Эскулапа в Эпидавре, показывает, какого рода чудесные сообщения были придуманы жрецами. Последние имели обыкновение записывать на этих табличках сообщения об исцелениях, произошедших в их святилище, для пользы посетителей храма и для еще большей пользы историков медицины; но вполне вероятно, что жречество, стремившееся к исцелению, поощрялось в своих медико-литературных попытках только молчаливой надеждой создать обильное количество пациентов с помощью таких чудесных сообщений. Вышеупомянутая табличка № 6, которая, вероятно, датируется третьим веком до нашей эры, сообщает нам, что слепой человек по имени Хермон, уроженец Тасоса, обрел зрение, переночевав в эпидаврийском храме Эскулапа. Однако, похоже, что этот человек, Хермон, был жалким негодяем, поскольку он исчез, так и не выразив своей благодарности звонкой монетой. Естественно, такая неблагодарность разозлила бога, и в итоге он снова ослепил неблагодарного человека. Потребовался второй храмовый сон, прежде чем бог снизошел до того, чтобы снова стать полезным. Но в нашей табличке ничего не говорится о размере вознаграждения, выплаченного нашему другу Хермону, который дважды был излечен от слепоты; в этом нет никакой необходимости. Чудесная таблетка, даже без указания цены, несомненно, произвела достаточное впечатление на умы даже самых экономных будущих пациентов.

Таким образом, хотя наиболее просвещенные греки еще в VI веке до нашей эры признали бесполезность храмового сна как средства исцеления, древний мир никогда не отказывался от него полностью. Мы снова сталкиваемся с этим в более поздние периоды античности. Так, например, Светоний и другие древние авторы сообщают нам, что двое пациентов, один слепой, другой хромым, однажды подошли к императору Веспасиану, который случайно оказался в Александрии, с просьбой плюнуть в глаза одному и погладить парализованные конечности другого; поскольку они были уведолены во сне в храме, что их здоровье восстановится, если только император соизволит выполнить вышеупомянутые манипуляции. Но Веспасиан был просвещенным правителем, который, несмотря на свое императорское достоинство, не слишком доверял медицинским свойствам своей слюны и своих рук и, соответственно, бесцеремонно отклонил обоих просителей. Это вызвало большой ужас среди жрецов Сераписа и среди придворных, поскольку, очевидно, они истолковали это дело исключительно так, как было задумано в *maiores Vespasiani gloriam*. Поэтому императора настойчиво просили оказать помощь несчастному, но он упорствовал в своем отказе. Вероятно, он был прав, опасаясь потери своего престижа, если имперские медицинские силы окажутся не в состоянии справиться с задачей лечения болезней. Только после того, как жрецы торжественно поклялись в правдивости посланного богом Сераписом сна и объявили невозможным провал императорского лечения, упрямство Веспасиана смягчилось. Теперь он сплюнул и потер парализованные конечности, и слепой прозрел, и парализованный встал и пошел.

§6. Церковный сон.—Когда впоследствии древние религии вымерли и оставили мир в наследие христианству, храмовый сон тоже ни в коем случае не вымер. Напротив, по прошествии трех

столетий она снова вошла в моду у христианских священников. И использование его сейчас едва ли менее популярно, чем тысячу лет назад в мире древних греков. Приведем несколько примеров. Первые четыре рассказа взяты из произведений Григория Турского.

Муммол, прибывший ко двору Юстиниана (527-565) в качестве посла короля Теудеберта, сильно страдал от камней в мочевом пузыре, и во время этого путешествия у него случился приступ почечной колики. Дела у бедняги Муммола шли плохо, и он очень спешил составить свое завещание. После чего ему посоветовали провести одну ночь в церкви Святого Андрея в Патерасе, поскольку святой Андрей совершил много чудесных исцелений в этом месте. Сказано - сделано. Муммол, сильно измученный болью и лихорадкой и отчаявшийся в жизни, сам взобрался на каменные плиты святилища и ждал там того, что должно было произойти. Внезапно, ближе к полуночи, пациент проснулся с сильным желанием помочиться и естественным образом выпустил камень, который, как уверяет нас святой Григорий, был настолько огромным, что с громким стуком упал в сосуд. С этого часа Муммол был здоров и бодр и радостно отправился в свой путь домой.

В Бриуде, столице нынешнего департамента Верхняя Луара, жила женщина по имени Федамия, которая в течение многих лет была парализована. Вдобавок к этому, у нее не было ни гроша в кармане, и поэтому родственники привели ее в церковь Святого Юлиана, которая пользовалась большой репутацией в Бриуде, чтобы, даже если она не выздоровеет, она могла хотя бы заработать немного денег, прося милостыню у церковных дверей. Так она жила восемнадцать лет, когда однажды воскресной ночью, когда она спала в колоннаде, примыкающей к церкви, появился мужчина, который взял ее за руку и повел к могиле святого Юлиана. Прибыв туда, она произнесла горячую молитву и через мгновение почувствовала, как с ее конечностей словно свалился груз настоящих цепей. Все это, правда, произошло во сне, но когда пациентка проснулась, она была здоровой и бодрой и смогла, к изумлению собравшейся толпы, с громкими молитвами дойти до могилы святого.

Некий человек, глухой, немой и слепой, известный под именем Амагильдус, также пытался уснуть в церкви Святого Юлиана в Бриуде. Но, по-видимому, этот святой не всегда был вполне доступен желаниям больных. Это правда, Амагильду не пришлось, подобно Федамии из предыдущего повествования, провести восемнадцать лет в базилике, но, тем не менее, ему пришлось целый год спать в колоннаде церкви, прежде чем целебная сила святого мученика избавила его от недуга.

Веранус, раб одного из священнослужителей при Григории, был так сильно поражен подагрой, что целый год был абсолютно не в состоянии двигаться. После этого его хозяин пообещал посвятить больного раба в сан священника, если святой Мартин пожелает вылечить его. Чтобы совершить это исцеление, раба отнесли в церковь и там положили к ногам святого. Бедняге пришлось оставаться там долгих пять дней, и казалось, что Святой Мартин совсем забыл о нем. Наконец, на шестой день пациента посетил человек, который схватил его за ногу и выпрямил ее. Раб в ужасе вскочил на ноги и понял, что исцелен. В течение многих лет он служил святому Мартину священником.

Но самым чудесным исцелением было исцеление германского императора Генриха II, прозванного "Святым" (с 1002 по 1024 год). Этот император, происходивший из баварского рода, сильно страдал от камня и удалился в итальянский монастырь Монте-Кассино, поскольку этот монастырь в тот период по праву пользовался исключительной медицинской репутацией.

Но то ли монахи Монте-Кассино, хотя и были хорошо сведущи в медицинском искусстве, не были достаточно уверены в своей способности лечить императора, то ли их побудила к этому какая-то другая причина, неизвестно; однако вместо того, чтобы предоставить императорского пациента операциям земной медицины, они вверили его провидению небес, и, в частности, сочувствию святого Бенедикта. Этот святой полностью оправдал оказанное ему доверие, ибо в острый период страданий пациента он явился в своей собственной святой ипостаси и своими собственными святыми руками произвел необходимую операцию, и, вложив камень, который он извлек из мочевого пузыря, в руку спящего императора, он вознесся на небеса. Но он позаботился из своей небесной резиденции о скорейшем заживлении операционной раны, и это, несомненно, было очень хорошо со стороны святого Бенедикта. Фактически, все его поведение во время этого случая было в высшей степени правильным и похвальным; ибо разве не гораздо более уместно, чтобы императорский мочевой пузырь был избавлен от своего неприятного посетителя, камня, руками святого, чем руками смертных существ, даже если этими смертными существами были благочестивые и сведущие в медицине монахи Монте-Кассино?[3]

Форма, в которой мы встречаем христианский храмовый сон в вышеприведенных историях, как две капли воды похожа на ту, что практиковалась в эллинских храмах. Они отличаются лишь тем фактом, что греческие боги обычно спешили на помощь пациентам после того, как последние проводили одну ночь в храме, тогда как христианские святые часто допускали, чтобы проходили годы, прежде чем пациент, взывавший о помощи, получал облегчение.

Христианство, однако, создало одну разновидность храмового сна, и это сон, который совершается, хотя и вне церкви, в любом месте, но с обращением к святым. Говорили, что этот сон был точно таким же эффективным, как и тот, который принимался в самой церкви, при условии, что пациент усердно молился перед сном и особенно помнил святого, в помощи которого он нуждался. Два нижеследующих повествования, которые также взяты из трудов Григория Турского, могут служить важными примерами этой разновидности храмового сна.

Альпинус, граф Турский, в течение многих лет так мучился от боли в ноге, что в жизни у него больше не было радостей, так что без сна и аппетита он слег в постель. Снова и снова он в тайной молитве взывал к святому Мартину о помощи. И вот однажды граф внезапно погружается в глубокий сон, во время которого ему является святой Мартин, осеняющий больную ногу крестным знаменем. После этого боль внезапно оставила его, и Альпинус смог встать со своего ложа, полностью выздоровев. В данном случае святой проявил себя чрезвычайно внимательным к больному графу, поскольку, нанося визит, был одет в элегантную униформу. Очевидно, выбирая этот костюм, он намеревался удовлетворить воинственные вкусы дворянина; ибо святой Мартин, посещая пациентов, далеко не всегда надевал этот воинственный наряд, как будет видно из следующего рассказа.

Одна женщина была настолько серьезно поражена переломами пальцев, что полностью потеряла способность пользоваться руками. Даже посещение церкви, которая была посвящена святому Мартину в Туре, не принесло ей облегчения. Пациентке пришлось покинуть святилище с все еще больными пальцами. Но, по-видимому, эта пациентка на самом деле была очень довольна жизнью; ибо, когда по возвращении из Тура она прилегла отдохнуть в свою первую ночь, она поблагодарила Бога за то, что, по крайней мере, ее жизнь была сохранена и что ей было позволено увидеть могилу святого Мартина. Пораженный такой скромностью, святой

Мартин явился ей во сне и, подобно святому Бенедикту в случае с императором Генрихом, своими собственными святыми руками произвел пациентке нечто вроде операции: он растянул ее согнутые пальцы таким образом, что, очевидно, были разорваны напряженные сухожилия; ибо Григорий сообщает нам, что при описанном лечении из выпрямленных пальцев женщины потекла кровь. Но во время этого визита святой Мартин полностью сбросил свое боевое облачение. Очевидно, такая одежда показалась ему неподходящей при посещении пациентки; поэтому он предстал перед пациенткой в пурпурном плаще с крестом в руке.

Однако врачебная деятельность святых отнюдь не ограничивалась случаями церковного недосыпания, а проявлялась в самых разнообразных формах.

[3] Сравните Лейбница, Сценарий. Брунsvик, Том I., стр. 525. Шпренгель, Том II., стр. 91.

§ 7. Святые медики.—Некоторые святые имели явное пристрастие к медицинским специальностям и по этой причине уделяли особое внимание определенным разновидностям болезней. Так, святая Анна пропагандировала офтальмологию; святой Иуда лечил кашель; святой Валентин - эпилепсию; святая Екатерина Сиенская - чуму. Святые не забыли даже наших домашних животных. Таким образом, святой Рок из Монпелье особенно отличился своим мастерством ветеринара.

Различными были способы получения медицинской помощи того или иного святого. Вероятно, самым простым было то, что пациент посетил мессу в церкви своего города и в то же время сделал подношение святым. Труднее было совершить паломничество к тому или иному из святых, пользовавшихся медицинской репутацией; обычно это совершалось в день рождения небесного врача. Похоже, что святой был особенно склонен в этот день заниматься врачебной практикой; по крайней мере, летописцы сообщают, что в такие дни было успешно вылечено большое количество самых сложных случаев.

Очень эффективным методом получения медицинской помощи от святых считалось помещение пациента на день в церковь в пространстве между алтарем и могилой святого. Туда была помещена кровать смертельно больного, измученного лихорадкой пациента, который в течение нескольких дней был вынужден оставаться здесь, борясь со смертью. Так было сделано, например, с умирающей графиней Эборин. В случае распространения тяжелых эпидемий, вероятно, церкви очень часто напоминали настоящие больницы. Затем в церквях были установлены десятки кроватей с их пациентами, и многие из тех, кто был в добром здравии, когда входил в церковь, чтобы помолиться, вероятно, вернулись домой с заразой, заразившейся в святилище.

Но святые, как мы видели, отнюдь не всегда так беспокоились или так спешили проявить свое медицинское мастерство. Они часто заставляли пациента годами ждать их помощи. Поэтому церковь приняла практические меры для удовлетворения всех потребностей. Рядом с церковью были возведены здания большего размера, предназначенные для приема пациентов. Здесь те, кто надеялся найти помощь, могли получить кров и пищу и, следовательно, могли спокойно отдыхать и ожидать момента, когда может появиться небесная помощь. Такой порядок оказался чрезвычайно практичным, особенно потому, что многие люди чувствовали себя исцеленными только до тех пор, пока оставались в непосредственной близости от святого, но по возвращении в свои дома они снова подвергались воздействию, как и прежде.

Но поскольку сон и длительное пребывание в церковных гостиницах было, тем не менее, довольно неудобным, особенно учитывая трудности и опасности, с которыми были связаны путешествия в средние века, было абсолютно необходимо изобрести средство оказания медицинской помощи святым таким образом, чтобы оно всегда было доступно пациенту. Этого удалось добиться с помощью реликвий.

§8. Культ реликвий.—Считалось, что Бог наделил тела мучеников, погибших за христианскую веру, или святых, отличавшихся необычайным благочестием, чудодейственной силой необычайной действенности, и чудотворными были не только бранные мощи мучеников и святых, но фактически все предметы, которые соприкасались с личностями святых как при их жизни, так и после их смерти. Все подобные предметы обладали целебной силой. Давайте послушаем, что говорит Григорий Турский в этой главе: “Чудеса, которые Господь наш Бог соизволил совершить через святого Мартина, своего слугу, некогда пилигрима во плоти, он заставляет повторяться ежедневно, чтобы укрепить доверие верующих; ибо теперь он наделяет свою гробницу точно такой же чудотворной силой, какую проявлял сам святой, когда еще был среди нас. Кто теперь будет упорствовать в сомнении в прежних чудесах, когда он наблюдает их продолжение в настоящем дне, когда он видит, как хромы ходят, слепые прозревают, бесы изгоняются и все виды болезней излечиваются с помощью святого?” (“Бернулли”, стр. 287).

Заявление такого светила Церкви, как Григорий Турский, несомненно, завоевало церковное доверие к медицинской эффективности не только могилы святого Мартина, но и всех реликвий, относящихся к этому святому. Оставалось только распределить превосходную медицинскую силу, заключенную в святых гробницах и реликвиях, в такой форме, которая позволила бы всем пациентам, где бы они ни находились, воспользоваться ими. Эта задача, по-видимому, самая сложная, была решена очень легко. Было обнаружено, что все, что соприкасалось с реликвией, на самом деле впитывало священную и чудесную силу, содержащуюся в ней, и то, что было впитано, ни в коем случае не было невесомым. Совсем наоборот. Нечто материальное и, следовательно, физически доказуемое перешло из реликвии в окружающие ее предметы. Это действительно была небесная жидкость, но, тем не менее, настолько земного свойства, что жрецы смогли продемонстрировать ее перенос с помощью обычной пары весов. Таким образом, было принято, что лоскутки шелка, которые паломники клали на могилу апостола Петра, взвешивались перед тем, как их туда клали, и снова взвешивались после их удаления. Такое взвешивание всегда и без исключения указывало на значительное увеличение их веса. После этого паломник мог отправиться домой и полностью утешиться, поскольку веса продемонстрировали ему количество чудодейственной силы, заключенной в его шелковой тряпочке. Было действительно удивительно, при некоторых обстоятельствах, какое огромное количество целебной жидкости могло перетечь из такой священной гробницы в один земной объект. Именно это случилось с королем суавов. У него был больной сын, для излечения которого все средства оказались бессильны. В конце концов он отправил посольство в Тур за реликвией святого Мартина, но этой реликвии было суждено быть изготовленной при содействии посольства. Священники были вполне готовы исполнить желание своего королевского просителя, и поэтому на могилу святого Мартина был положен кусок шелка, предварительно должным образом взвешенный. После того, как этот шелк пролежал одну ночь на гробе Господнем, а посольство преклонило колени рядом с ним, усердно молясь, шелк впитал в себя столько целебной силы, что шкала весов поднялась до максимально возможной отметки.

Зная, таким образом, что любой желаемый предмет может быть насыщен чудодейственной силой, содержащейся в реликвии, они применяли эту небесную силу с помощью лекарств, и для достижения этого использовался ряд методов. Самым популярным было как можно тщательнее выскрести надгробные плиты на могилах святых. Полученный таким образом порошок затем разводили в воде или вине, и таким образом было получено лекарство, обладавшее удивительной целебной силой. Оно было эффективным даже при самых тяжелых заболеваниях тела. Давайте послушаем, что сообщает Григорий Турский о лечебных свойствах таких надгробных снадобий.

Он говорит: “О, неопишуемая смесь, несравненный эликсир, противоядие выше всяких похвал! Небесное слабительное (если мне будет позволено употребить это выражение), которое отбрасывает в тень все медицинские предписания, которое превосходит по аромату любой земной аромат и сильнее всех эссенций; которое очищает тело, как сок скаммонии, очищает легкие, как иссоп, и голову, как чихалка; которое не только лечит больные конечности, но также, и это гораздо ценнее, смывает пятна с совести!”

Учитывая такую огромную силу надгробного порошка, ни в коем случае не удивительно, что Григорий Турский, путешествуя, всегда носил с собой коробку с этим чудодейственным порошком, так что он мог сразу исцелять пациентов, которые его окружали. Я не смог получить из имеющихся в моем распоряжении литературных источников никаких данных относительно того, не могло ли прямое облизывание надгробий быть еще более эффективным, чем всецелительный экстракт. Григорий, однако, сообщает, что он был излечен от опухоли языка и губ, просто облизав ограду гробницы святого Мартина и поцеловав завесу храма.

Другим очень эффективным средством был обугленный фитиль восковой свечи, горевшей в церкви. Этот фитиль растерли в порошок, и таким образом был получен очень мощный лечебный порошок, который при приеме действовал аналогично водянистому или винному настою из надгробной плиты.

Воску, который капал со свечей, поставленных возле гроба Господня, также приписывали множество целебных свойств, но, похоже, его использовали скорее как внешнее, чем внутреннее средство.

Вода, которую использовали перед Пасхой для мытья алтаря святых, также считалась известным лечебным средством. Если такой водой обмывали пациента, он сразу же выздоравливал, и это был счастливый опыт графини Эборин. Эта выдохнутая пациентка страдала так сильно, что поверила, что ее час настал. Затем ее быстро отнесли в церковь Святого Мартина и тщательно вымыли водой, которой мыли алтарь. И вот! болезнь исчезла, и будем надеяться, что впоследствии обрадованная графиня прожила еще много лет.

Масло из ламп, подвешенных в святых местах, также было излюбленным средством, но, похоже, в основном его использовали для помазания. Однако, смешанный со святой водой, он давал средство, которое можно было давать больному скоту с перспективой положительного излечения.

Вода, полученная путем кипячения покровов, в которые были завернуты мощи, также давала очень эффективное лекарство. Так, например, Григорий Турский приказал тщательно прокипятить шелковое покрывало, в которое была завернута частица креста Христова, и затем давал этот отвар пациентам; завесы, которые использовались в качестве украшений над

святыми могилами, также оказывали чрезвычайно благотворное воздействие на больных. Если человек, страдающий головной болью, прикасался, например, к ковру, которым было покрыто место упокоения святого Юлиана, боль прекращалась. Но если пациента мучили боли в животе, все, что было необходимо для немедленного облегчения, - это вытащить нитку из этого вышеупомянутого ковра и приложить ее к его непокорному пищеварительному аппарату.

Однако при некоторых обстоятельствах священникам не было необходимости лично брать на себя труд по изготовлению чудодейственных лекарств из реликвий. Существовало несколько святых могил, которые были настолько удобны, что сами по себе доставляли священный материал, необходимый для лечения больных. Так, летописец записывает, что могила евангелиста Иоанна источала нечто вроде белой манны, которая, благодаря своей чудодейственной целебной силе, была распространена по всему миру. Аналогичный продукт был получен на могиле апостола Андрея Первозванного в день празднования этого святого. Драгоценное масло, благоухающее, как нектар, также происходило из места упокоения этого мужа Божьего.

Таким образом, мы видим, что священная фармакопея изобиловала лекарствами и что они применялись довольно широко, что достаточно доказывается историей святых и, прежде всего, трудами Григория Турского. Последние, в частности, предлагают поистине неисчерпаемый запас информации о медицинской деятельности христианских святых.

Однако, по-видимому, эта медицинская деятельность не пользовалась доверием священников или мирян до такой степени, чтобы полностью отказаться от услуг профессионального врача. Это правда, Григорий Турский высказывается о земных врачах в манере, которая ни в коем случае не является комплиментарной, поскольку он говорит:

“Чего они (врачи) могут достичь с помощью своих инструментов? Их задача скорее причинять боль, чем облегчать ее; если они открывают глаз и вонзают в него заостренные ланцеты, они наверняка вызывают предсмертную агонию, прежде чем помогут восстановить зрение, и если не будут тщательно приняты все меры предосторожности, способность зрения будет потеряна навсегда. Однако у нашего возлюбленного святого есть только одно стальное орудие, и это его воля, и только одна мазь, и в этом его целебная сила”.

Но, несмотря на это недоверие к врачам, Григорий Турский, не колеблясь, в конце концов довольно широко вмешался в практику святых, прибегнув к обычной медицине.

По крайней мере, он часто делал это, когда сам чувствовал себя плохо. Так, однажды, когда у него сильно заболел живот, он применил теплые припарки и ванны, и только когда невосприимчивый живот не давал ему покоя, после продолжения такого лечения в течение шести дней Григорий обратился к святому Мартину. Когда в другой раз у Григория случился настолько тяжелый приступ, что его смерть считалась неминуемой, он сначала заставил лечить себя по всем правилам медицинской науки, и только после того, как улучшение не наступило, он подумал о помощи святых. Затем он обратился к своему врачу следующим образом: “Что ж, ты исчерпал все средства своего искусства, ты израсходовал все свои силы и соки, но лекарства этого мира не помогают тому, кому суждено умереть. Мне остается сделать только одно. Я расскажу тебе великое средство: возьми немного каменного порошка с могилы святого Мартина и приготовь его для меня”.

Исцеление больных силой святых и через реликвии было популярно на протяжении всего средневековья, и даже в шестнадцатом веке это было настолько широко распространено, что врач по имени Уайер (1515-1588) счел целесообразным продемонстрировать невероятность такого небесного вмешательства.

Я ни в коем случае не собираюсь возлагать исключительно догматический христианский мир средневековья и христианского священника на виновных в чудовищном суеверии, в которое, согласно приведенному выше описанию, выродилась христианская религия в области медицины. Это суеверие возникло в результате взаимодействия совершенно несовместимых факторов; но мы ни в коем случае не можем полностью освободить христианского священника от вины в том, что он очень существенно способствовал его распространению. Ибо мы должны иметь в виду, что христианский монастырь средневековья был не только последним прибежищем гуманистической культуры, но и медицинская наука нашла в его пределах убежище исключительной важности. Медицина нашла убежище в монастыре от бурь и невзгод, последовавших за политическим крахом античности, и от волнений, вызванных переселениями народов, и здесь достигла высокой степени совершенства. Фактически, мы можем без преувеличения утверждать, что в определенные периоды средневековья христианский монастырь имел значение медицинской школы, на которое позже претендовал университет; поскольку христианские монахи не только ухаживали за больными и практиковали медицину, но и проявляли интерес к ее научному развитию. Они были хорошо знакомы с классиками медицины древних времен, такими как Гиппократ, Герофил, Диоскорид, Гален, Павел Эгинский и другие, а также с древними медицинскими знаменитостями второго и третьего ранга. Короче говоря, медицинские знания во всей их полноте содержались в монастырях средневековья; монастыри, действительно, предоставляли значительно большую квоту медиков, чем миряне. При таком положении дел можно было ожидать, что монахи и священники должны были применить свои обширные медицинские знания для борьбы с ужасными злоупотреблениями, которые вторглись в медицину в связи с именами и костями святых. Но этого они никогда не делали, ни в средние века, ни позже. Духовенство никогда серьезно не пыталось продвигать медицинское просвещение. Напротив, существует множество трудов, в которых грубейшее суеверие в медико-физических вопросах защищалось духовенством, которое довольно часто проявляет тот же дух, занимаясь медициной. Медицинскую помощь, полученную исключительно земными средствами, они быстро приписали святым, как это было сделано, к примеру, монахами Монте-Кассино, когда (как мы видели выше) они убедили императора Генриха II, что не мирские руки монахов-врачей сделали ему операцию по удалению камня, но что святой Бенедикт лично, своими святыми руками извлек камень из императорского мочевого пузыря.

Заставляя мирян, во многих случаях вопреки их лучшим знаниям и совести, верить, что помощь святых и исходящих от них реликвий намного превосходила медицинские услуги, христианские священники средневековья, со своей стороны, внесли довольно значительный вклад в ужас медицинских суеверий. Это правда, мы не должны упускать из виду тот факт, что монахи и священники средневековья были продуктом своего времени точно так же, как мы, современные люди, являемся продуктом нашего периода. И поскольку средние века стали эпохой чудес, демонов, дьяволиц и ведьм, многие представители духовенства, будучи детьми своего времени, несомненно, имели существенно иное мнение о вере в чудеса и демонов, чем то, которое есть у нас. Представление о чудесах в средние века было совершенно иным, чем в наше время; ибо искренняя и непоколебимая вера во всемогущество единого Бога, которая вместе с

христианством овладела миром, прочно закрепила в христианском сознании того периода идею о том, что Бог был способен в любой момент проявить свое всемогущество, изменив ход земных явлений, и действительно проявлял его. Таким образом, для средневекового христианина не казалось чудом, что произошло изменение в ходе естественного права. Считалось вполне допустимым, что одни и те же природные явления сегодня возникают по одной причине, а завтра - по другой, согласно воле Бога; для ранних христиан и для их более поздних единоверцев средневековья было бы столь же непостижимо, что все природные процессы осуществляются в соответствии с вечно неизменяемыми законами, неподвластными вмешательству божественности, как для нас непостижимо представить, что Бог в любое время изменил бы закон природы в пользу того или иного смертного существа. Концепция чуда в течение первых шестнадцати веков христианской эры полностью отличалась от концепции последующей эпохи. Поэтому мы не должны оценивать идеи священников и мирян тех веков, которые верили в медицинские чудеса, по тем же меркам, по которым мы судим тех, кто сегодня все еще упорствует в признании существования медико-физического чуда. Весьма вероятно, что в условиях, описанных выше, многие христианские монахи и священники колебались между требованиями веры и результатами своих собственных медицинских знаний. Чувства средневекового ученого влекли его в одну сторону, интеллект - в другую, и таким образом он лишился твердой опоры - интеллектуального спорта своего времени и своего окружения. О том, что видные светила Церкви могли стать подвержены подобным колебаниям, мы узнаем от Григория Турского, который пытался лечить телесные недуги в одно время с помощью лекарств профессиональной медицины, в другое время - спасительными средствами небесной аптеки; который в одно время отвергал искусство мирских врачей в пользу опытных в медицине святых, в другое время искал убежища в человеческой медицине.

Наконец, положение монаха и священника с медицинским образованием по отношению к широкой публике в средние века ни в коем случае не было легким или приятным. Люди с непобедимым упорством придерживались веры в демонов и чудеса. Древняя, а также христианская философия были твердо привержены вере в демонов, существование которых подтверждалось священным свидетельством Евангелия. Поэтому неудивительно, что люди цепляются за свою веру в различные формы сверхъестественного вмешательства в функции органических существ, и, таким образом, часто могло случиться, что просвещенный в медицине священник, опасаясь противодействия людей, жаждущих небесной медицины, приносил свои научные убеждения в жертву капризам ошибочной веры. К сожалению, лишь немногие из них могли стать учеными-мучениками, а история христианства учит нас, что гораздо легче быть мучеником веры, чем мучеником науки.

Но то, что было сказано до сих пор, ни в коем случае не снимает с христианского священника вины, которую он навлек на себя, потакая медицинским суевериям; такое оправдание было бы в корне бесполезным. Но мы хотим показать, что поведение служителей нашей веры, хотя и непростительное, вполне объяснимо. Историк, чтобы представить своим читателям связь, которая постепенно складывалась между христианством и медицинскими суевериями, должен показать себя обвинителем и обвиняемым одновременно.

Наравне с догмой и священством, теистическая вера также была мощным инструментом распространения медицинских суеверий, и этот момент мы рассмотрим далее.

§9. Теистическая мысль как питатель медицинских суеверий.—Хотя теист, приняв физико-механическую интерпретацию природных явлений, отказался от своей основной позиции, тем не менее, теистическая вера ни в коем случае не устарела — то есть вера в то, что Бог, не ограниченный законами природы, лично руководит земными проявлениями, все еще остается на своих местах. Эта вера оставалась доминирующей во многих умах, несмотря на все, что говорили философы и натуралисты относительно форм и жизни органических структур. Жизнеспособность, которую эта вера продемонстрировала в ходе развития нашей расы, на самом деле поразительна. Несмотря на широкое признание физико-механической теории жизни, вера в то, что Бог, не считаясь с законами природы, непрестанно вмешивался в ход природных событий и, следовательно, также в состояние человеческого организма, не только оставалась активной, но даже преуспела в восстановлении значительной части своих утраченных позиций. Вскоре мы увидим, что это повторение того, что происходило во все периоды развития человечества. Даже сегодня, когда механистическая теория жизни одержала свои величайшие победы и прошло более двадцати столетий с тех пор, как великий Гиппократ проповедовал теорию медицины, очищенную от всех теистических и теургических наслоений, все еще встречаются люди, которые предполагают терапевтическую деятельность Бога во всех случаях болезни как самоочевидный факт. Такое состояние общественного мнения, как учит нас история, всегда преобладает в периоды, когда тяга к религиозному возбуждению становится чрезмерно острой. Либо это новая форма религии, которая настолько захватывает общественное сознание и разведку, что все явления воспринимаются как находящиеся в теснейшей связи с Богом, либо появляется какой-то индивид, который, увлеченный религиозным энтузиазмом, учит, что существование природы независимо от Бога недопустимо, и преуспевает в привлечении многочисленных последователей под свое знамя. При сходных условиях теистической вере иногда удавалось восстановить свое господство в области медицины. Приступая к рассмотрению некоторых таких примеров, мы можем лишь кратко остановиться на них, поскольку исчерпывающее рассмотрение этого интереснейшего материала увело бы нас слишком далеко от нашей нынешней темы.

Вера в то, что Бог - лучший врач не только души, но и тела, была углублена распространением христианства. Искренность веры среди христиан первого века была настолько сильной, что многие из них верили, что за их телесным благополучием нельзя было следить более тщательно, чем когда оно было вверено исключительно Божьему попечению во всех случаях болезни. Соответственно, они полностью пренебрегали медицинской помощью и лечили все болезни только молитвами, помазанием и возложением рук. Этот способ обращения соответствует тому, что содержится в послании Иакова v : 14-16—

“Есть ли среди вас больной? пусть он призовет старейшин церкви, и пусть они помолятся над ним, помазав его елеем во имя Господа:

“И молитва веры спасет больного, и Господь воскресит его; и если он совершил грехи, они будут прощены ему.

“Признавайтесь друг другу в своих ошибках и молитесь друг за друга, чтобы вы могли исцелиться. Действенная горячая молитва праведного человека приносит много пользы”.

О степени такого лечения молитвой свидетельствует тот факт, что даже выдающиеся отцы Церкви — например, святой Бенедикт (умер в 543 году) — были зависимы от нее.

Более того, была предпринята попытка повысить терапевтическую ценность молитвы с помощью различных принадлежностей и вспомогательных средств. Таким образом, Евангелие клали на пораженную часть тела, или на больного набрасывали одежду особенно набожного человека. По-видимому, судариум и плащ апостола Павла считались обладающими такой целебной силой и, следовательно, часто использовались в качестве инструментов исцеления. Так мы читаем в Деяниях Апостолов, хіх: 12: “Так что от тела Его больным приносились платки или опоясания, и болезни отступали от них, и злые духи выходили из них”.

На самом деле медицинские суеверия зашли так далеко, что даже в тени апостола Петра угадывалось мощное целебное действие. Итак, Деяния v: 15 — “Настолько, что они выносили больных на улицы и клали их на кровати и ложа, чтобы, по крайней мере, тень проходящего мимо Петра могла осенить некоторых из них”.

Вероятно, мы не ошибемся, рассматривая эту процедуру как источник того культа реликвий, которому было суждено достичь таких поразительных масштабов в медицинской практике.

Способ лечения с помощью молитвы был, возможно, тесно связан с идеей о том, что телесные недуги были предопределены Богом для того, чтобы человек отчетливо ощущал гнев Божий. Эта концепция патологических процессов была очень древней. Мы встречаемся с этим у египтян, и мы читаем в книге Исход, что Бог наслал на фараона и его народ различные телесные недуги, такие как мор, черная оспа, смерть, как в случае с первенцем. Впоследствии христианство приняло этот взгляд на болезнь как на провиденциальный, и в средние века эта вера приобрела весьма своеобразные формы и измерения. В те времена любая болезнь, протекающая эпидемически, фактически считалась актом возмездия со стороны божественного существа, бичом, которым Бог наказывал грешных христиан. Так, например, сифилис, возникший в Неаполе в 1495 году, во время борьбы между правящим домом Арагона и французами, был немедленно объявлен карой Божьей. The emperor Maximilian declares, in an edict issued August 7, 1495, at Worms: “*Quod novus ille et gravissimus hominum morbus nostris diebus exortus, quem vulgo malum Francicum vocant, post hominum memoriam inauditus sæpe grassetur, quæ nos justissimæ Dei iræ merita debent admonere*” (Gregorovius VII., 386, foot-note 1).

Но очень удивительно наблюдать причины, которые вызвали гнев Божий с такой силой, что было сметено бесчисленное количество людей. Так, например, благочестивый епископ Зеландии Петер Паладиус уверяет нас, что милиарная лихорадка, эта ужасная болезнь, пять раз опустошавшая Европу с 1486 по 1551 год, была послана Богом, который был разгневан чрезмерной страстью к роскоши, царившей в то время. Медицинская наука, основанная на теизме, приняла угрожающие формы там, где в средние века она ассоциировалась с магией, но более подробно мы остановимся на этом вопросе в главе IV. нам нужно просто сослаться здесь на эту часть нашей работы.

Действительно удивительно, что все вышеупомянутые проявления происходили в периоды, когда медицина уже признавала физико-механическую интерпретацию всех органических процессов; но странность этого факта усиливается соображением, что даже в недавние времена и даже в настоящий момент были и остаются люди, которые не только проповедуют доктрину о том, что медицина обязана подчиняться христианской вере, но и находят приверженцев своих догм, и находят их в удивительном количестве. Недавно мы узнали из двух чрезвычайно поучительных примеров, до каких крайностей может довести людей чувство фанатичной религии, как только они избавятся от устойчивого влияния физико-механических

идей в своей теории жизни. Затем теократия стремится к исключительному господству в области медицины, о чем отчетливо свидетельствует позиция, занятая миссис Эдди с ее “Христианской наукой” и преподобным Джоном Александром Доуи с его “Христианской католической церковью Сиона”.

Если мы прежде всего исследуем систему миссис Эдди, мы обнаружим, что это абсурдный фарраго из непереваренных философских обрывков, нелогичных медицинских афоризмов и поверхностных исследований, которые достигают высшей степени безумия в вере в то, что болезнь не имеет реальной основы в материальных тканях тела, но должна быть объяснена как возникающая исключительно из определенных состояний ума. В соответствии с этой концепцией, которая была заимствована из натурфилософии, давно преданной забвению, следует отказаться от услуг как врача, так и физиотерапевта, а лечение больного должно проводиться таким образом, чтобы пациент под наблюдением индивидуального эксперта в таких делах просто сосредоточивал свой разум на духовном, или божественном, принципе, присущем ему самому.

Нас ни в коей мере не удивляет, что человек, которому законы мышления совершенно незнакомы и который не слишком обременен знаниями любого другого рода, выдвигает такие запутанные и нелепые теории, как теории миссис Эдди. История учит нас, что люди возникали во все периоды, на всех ступенях жизни и хладнокровно подтверждали самые дикие теории. Но самым интересным моментом является то, что в наши дни, когда, как мы могли бы полагать, достижения физической науки в какой-то степени просветили даже самых неразумных, миссис Эдди способна находить приверженцев, особенно среди лучших слоев общества, и находить их в таком количестве, что власти были вынуждены вмешаться в подавление практики этого медицинского суеверия. Я намеренно говорю “интересным”, а не “поразительным” или “чудесным”, потому что историк, какую бы область он ни взялся исследовать, всегда обнаружит, что глупость во все времена была силой, превосходящей все влияния культуры и образования. Миссис Эдди со своей “христианской наукой” доказывает нам, что даже в нашу эпоху научного просвещения эта истина остается неопровержимой.

Преподобного Джона Александра Дауи с его христианской католической церковью Сиона следует судить с совершенно иной точки зрения, чем миссис Эдди. Это правда, эта святая последних дней приходит в точности к тому же результату, что и миссис Эдди, а именно к абсолютному отказу от профессионального лечения, как медицинского, так и хирургического. Но он приходит к этой теории, которая так тесно касается как его собственного здоровья, так и здоровья его приверженцев, совершенно иным путем, чем тот, которым воспользовалась женщина Эдди. Безоговорочная вера, которая в своей наивности почти трогательна, приводит его к убеждению, что все высказывания Ветхого, а также Нового Завета являются прямыми откровениями Бога. Дальнейшим следствием этого постоянства веры является желание верить и следовать всему, что содержится в Библии, в самом широком объеме и с самым тесным соблюдением формулировок книги. И поскольку в книге Исход, xv : 26, говорится: “Я Господь, исцеляющий тебя”, а в Послании к Иакову, v : 14-16, молитва рекомендуется как лучшее средство при болезнях, Дауи приходит к выводу, что к молитве следует прибегать как к единственному средству лечения всех форм болезней. Он заявил, что молитва гораздо эффективнее в хирургических случаях, чем мастерство самого опытного оператора.

Таким образом, Дауи придерживается точно такой же точки зрения, что и христиане первых веков после Рождества Христова, которые также верили, что молитва окажет наилучшую помощь при всех телесных недугах. Таким образом, двадцать столетий, при всем их огромном прогрессе в развитии мышления и познании природы, не смогли избавить человечество от представления, что всемогущество Бога, среди многих других проявлений, заключается в ежедневном регулировании человеческого тела со всеми его многочисленными функциями. Везде, где эта концепция прочно обосновывается, суеверие с его чудесными исцелениями неизменно следует за ней. Соответственно, все исторические периоды нашего культурного развития, в которые преобладала теократическая вера, характеризуются чрезмерным развитием медицинских суеверий.

IV

ВЛИЯНИЕ ФИЛОСОФИИ НА ФОРМУ И ПРОИСХОЖДЕНИЕ МЕДИЦИНСКИХ СУЕВЕРИЙ

Идея о том, что философия оказала какое-либо материальное влияние на суеверия в медицине, многим может показаться странной. Ибо как может быть возможно, что наука, которая учит законам мышления, которая регулирует всю нашу умственную деятельность и направляет ее в правильном направлении, которая указывает нам сложный путь медицинской теории и диагностики, — как возможно, что именно эта наука либо принимала, либо принимала участие в введении в заблуждение или затемнении нашего медицинского восприятия? Мы ни в коем случае не намерены приписывать какой-либо подобный эффект философии. Совсем наоборот! Мы прекрасно осознаем огромное влияние, на которое философия имеет право претендовать во всех науках без исключения, и по этой причине мы считаем, что современным представителям медицинской науки было бы гораздо лучше, если бы они немного меньше расходились с философией, чем они есть на самом деле.

В обширной области философии есть только определенные моменты, в которых мы можем обнаружить тенденцию способствовать развитию медицинских суеверий. Эта тенденция проявляется во всех попытках объяснить природные явления исключительно умозрительным образом или построить теорию жизни на основе чистых предположений. Всякий раз, когда такие попытки проявлялись и ставили философию себе на службу под названием натурфилософии, это приводило к широкому преобладанию медицинских суеверий.

Хорошо известно, что вся досократическая философия была направлена на открытие единого принципа, лежащего в основе и объясняющего все явления природы. Но, несмотря на эту весьма очевидную тенденцию, ее едва ли можно обвинить в поощрении медицинских суеверий, поскольку досократическая философия занималась рассуждениями о земных явлениях. Земля и воздух, огонь и вода, холод и жара, возникающие и исчезающие, — вот те вещи, в которых он пытался найти элементарную основу природы с ее многообразными явлениями. Но на изучение медицины эти усилия оказали, на данный момент, либерализующее влияние. Они освободили его от репрессивной хватки теизма и открыли путь к исключительно естественному объяснению всех процессов в организме, как в здоровом, так и в болезненном состоянии. К сожалению, аппарат, или органон, которым философия снабдила науку в ее земных явлениях, был очень сомнительным, исследование вывода по аналогии и дедуктивный метод имели крайне малую ценность ни в медицинской диагностике, ни в естественнонаучных

исследованиях. По этой причине медицина была неизбежно обременена бесчисленными плохо обоснованными гипотезами. Но другие чудовищные предположения об истине не могли не стать актуальными. Давайте рассмотрим, например, абсурдную теорию, выдвинутую Гераклитом Эфесским (500 г. до н.э.) относительно связи между вином и человеческой душой. Поскольку душа, согласно этому философу, естественно была огненным паром, и чем суше и огненнее он оставался, тем лучше, чрезмерное употребление алкоголя было бы нежелательно, поскольку обильное вливание жидкостей приводит к тому, что душа становится влажной, что было бы вредно для ее огненной природы, поскольку огонь и влага всегда несовместимы. Кто осмелится отрицать, что именно из-за своего мнения об употреблении вина Гераклит получил прозвище “Философ-нытик”?

Но какими бы любопытными ни были все гипотезы, которые эллинская натурфилософия навязывала медицине, их ни в коем случае не следует путать с суеверием, ибо даже беспочвенная гипотеза далека от суеверия. В противном случае медицина и суеверия были бы почти идентичными концепциями, поскольку в нашей науке никогда не было недостатка в необоснованных гипотезах. Суеверие, поскольку его источники находятся в философии, не проникало в медицинскую науку до тех пор, пока философия не стала искать объяснения различных процессов жизни не только в материальных, но и в нематериальных силах. И поскольку индийская, а также персидская философия в самый ранний известный нам период своего существования уже обнаружила в демонах нематериальные элементы, которые в значительной степени контролируют жизненные процессы в человеке, то будет видно, что отношения между философией и медицинскими суевериями довольно древние. Эллинские поэты и философы Гомер, Гесиод, Эмпедокл, Демокрит и Платон разработали это незапамятное учение о демонах и внедрили его в Грецию. Но признание нематериальных, сверхъестественных лечебных факторов не достигало сколько-нибудь значительного и определяющего влияния в древней медицине до 150 года до н.э., когда под энергичной защитой александрийских евреев восточные и западные доктрины слились в целостную систему теософии и медицинского мистицизма. Медицина на протяжении веков сильно страдала от этого мистицизма, который преобладал в конце средневековья и даже вплоть до более поздних времен. Центром всех различных форм, в которых появились спекуляции в философской и теософской области, была Александрия, великий культурный центр, в котором цивилизации Востока и Запада объединились в эволюции новой теории жизни. Но то, что местом зарождения событий, столь важных для будущего медицины, должна быть Александрия, почти наводит на мысль, что исторические писатели потворствовали сатире на медицинскую науку; ибо хорошо известно, что Александрия была тем самым местом, где медицинское просвещение и прогресс древней медицины одержали свои величайшие победы при знаменитых анатомах Герофилусе и Эрасистрате.

К таким спекуляциям в теософской и медицинской областях поначалу с наибольшим рвением присоединились еврейские секты ессеев, или ессеек, и терапевтов. Согласно описанию этих двух сект, оставленному нам Иосифом Флавием (книга 2, глава II, стр. 13), они были теософическими коммунистами. Однако нас, как врачей, в первую очередь интересует позиция, которую они заняли по отношению к нашей профессии, а это было безразличие. Они считали, что им не следует получать свои знания о теле, ни в состоянии здоровья, ни в болезни, путем наблюдений, на которые полагались врачи. Они верили, что действительно могут научиться искусству исцеления, изучая свои старые Священные Писания. По этой причине они особенно усердно изучали эти Священные Писания. Они верили, что способны с помощью различных

аллегорических толкований различных букв и слов, а также тонких объяснений того или иного предложения приобрести знания, необходимые для лечения их пациентов. Однако те, кто в особой степени проникся этой мудростью старческого слабоумия, утверждали, что обладают многочисленными чудесными способностями — например, способностью предсказывать. Но поскольку они также верили в существование существ, которые, хотя и были ниже Бога, в то же время были выше человека, у них под рукой были редчайшие ресурсы, которые они могли использовать для осуществления своих магических трюков с чудесной медициной. Вера в эти мистические доктрины принимала самые экстравагантные формы. Так, например, считалось, что человек по эвакуации каловых масс, которые предоставляет оскорбление божества (τὰς αὐτὰς ὕβριζειν τοῦ θεοῦ, говорит Иосиф Флавий, Либ. 2, Глава VIII., Номер 9, § 15). По этой причине никто не осмелился бы в субботу подчиниться таким требованиям природы. Но всегда ли зов природы уступал этим довольно далеко идущим требованиям закона, или как верующий помогал себе, когда крайне неприятное расхождение между природой и верой вызывало слишком много беспокойства, ни Иосиф Флавий, ни Порфирий не сообщают. Кроме того, у ессеев даже в будние дни возникали проблемы с выполнением заключительных этапов процесса пищеварения, поскольку на них возлагалась обязанность скрывать окончание акта пищеварения от взора Высшего Существа, прикрываясь плащом.

Впоследствии, в течение первого столетия христианской эры, появился неопифагоризм, попытка объединить монотеизм с древним фантастическим культом подчиненных богов и демонов. Затем последовал период чрезвычайной важности для медицины; ибо попытка заменить физико-механическую концепцию телесных явлений различными идеями теософского каприза и снова поставить терапию под господство метафизических методов, преобладавших в те дни, когда теистическая теория жизни имела неоспоримое влияние в медицине и естественных науках, становилась все более и более очевидной. Неопифагорейцы действовали по принципу, согласно которому медицинская практика была абсолютно необходима истинному философу, и что поэтому каждый, при условии, что он достиг требуемой физической формы в результате общения с демонами, мог действовать как врач. Совершенно очевидно, что такие идеи должны были проложить путь к самым отвратительным злоупотреблениям и суевериям, и, естественно, то, что неопифагорейцы предлагали пациентам в качестве искусства исцеления, было не чем иным, как смесью таинственных обычаев, заклинаний и колдовства. С другой стороны, последователи этой философской школы много сделали для физического благополучия своих братьев, поскольку они призывали их вести чистый и умеренный образ жизни, в то время как сами, по-видимому, строго придерживались этого режима.

Главным представителем неопифагоризма был Аполлоний из Тианы в Капподокии, вероятно, один из самых фантастических персонажей всей греческой и римской древности. Некоторые его современники, такие как Дамис и Филострат, его биографы, почитали его как бога из-за его мудрости и выдающихся работ, другие, с другой стороны, считали его фокусником, занимающимся, подобно обычному шарлатану, фокусными трюками. Мнения, которые потомство, вплоть до наших дней, передало об Аполлонии, носят сходный характер. Некоторые считают тианийца искусным магом, в то время как другие заявляют, что он важная личность в истории религии. Среди этих последних - Баур, который пытается объяснить жизнь и деяния чудотворца-неопифагорейца, приводя в качестве параллели впечатление, произведенное христианством на некоторые просвещенные умы.

Лично я считаю такую высокую оценку трикстера совершенным абсурдом. Аполлоний, каким мы встречаем его в знаменитом описании Филострата, представляет собой чисто поэтическую идеализацию, вызванную желанием отсрочить падение древней религии, указывая на реформу, которая была проведена в ее моральных тенденциях (Грегоровиус, стр. 413).

Аполлоний процветал в первом веке христианской эры, во времена правления Нерона и последующих императоров вплоть до Нервы, который, по-видимому, был с ним в очень близких отношениях. Рассказы Филострата о приключениях нашего героя, основанные на доступных ему ранних источниках, безусловно, создают впечатление, что языческая древность имела в виду в лице Аполлония двойника Христа. Согласно древним сообщениям, сверхъестественное видение посетило его мать, сообщив ей, что она родит бога, и после его смерти Аполлоний явился своим ученикам, чтобы объявить им о бессмертии души. Время между рождением и смертью тианейца прошло для него в беспокойных скитаниях по известному тогда миру. Куда бы он ни шел, он беседовал на самые глубокие темы со священниками и образованными мирянами, а по их просьбе также совершал различного рода чудеса. Естественно, нас интересуют только медицинские достижения странствующего философа, и немалое их количество приписывается ему. Он исцелял хромых, просто поглаживая пораженные конечности; с такой же легкостью он возвращал зрение слепым — фактически, он даже принимал родовспоможение без страха и трепета. Например, когда муж женщины, которая родила семерых детей, но всегда с величайшим трудом, пришел к Аполлонию, с грустью сообщив ему, что у его жены снова начались роды и никто не в состоянии ей помочь, человек чудес посоветовал ему приободриться. Даже не осмотрев женщину на предмет возможного узкого таза или каких-либо других препятствий к родам, он просто посоветовал мужу как можно скорее раздобыть живого зайца и с этим зайцем на руках ходить вокруг роженицы, а затем позволить зайцу убежать. Одного этого примера его медицинской деятельности достаточно, чтобы охарактеризовать Аполлония как шарлатана самого презренного сорта. Далее, когда мы узнаем, что он воскрешал мертвых без каких-либо трудностей, никто, вероятно, не обвинит нас в несправедливом мнении, если мы объявим этого философа, которого язычники почитали как бога, магом худшего сорта.

Чтобы должным образом укрепить свой авторитет, Аполлоний присвоил себе определенные таинственные полномочия. Таким образом, он делал вид, что может говорить на всех языках, даже не изучая их; на самом деле этот филологический талант распространялся даже на языки животных, которыми он взялся овладеть. Мы едва ли удивимся, узнав, когда вспомним о дарованных ему способностях, что он знал будущее и был полностью осведомлен о том, что происходило в то же время в самых отдаленных уголках мира. Он также старался своим образом жизни и одеждой свидетельствовать о своем призвании как человека Божьего. Поэтому он всегда был одет в белые льняные одежды и ходил с длинными распущенными волосами, сопровождаемый своими учениками. Он никогда не ел мяса, не пил вина и презирал любовь. Однако, похоже, что в последнем он был не совсем последователен — по крайней мере, о нем рассказывают различные эротические приключения.

Способ, которым Аполлоний изгнал демона в Индии, чрезвычайно забавен. Женщина пришла, причитая и плача, к медицинскому чудотворцу и попросила его избавить ее шестнадцатилетнего сына от злого духа. Аполлоний сразу же передал ей письмо, адресованное злему духу, в котором содержались, как особо подчеркивает Филострат, самые страшные

угрозы в адрес ни на что не годного мучителя. Но биограф не сообщает нам, заставило ли чтение этого письма демона отказаться от своего неподобающего поведения.

Но как даже у человека чудес песочные часы жизни в конце концов опустошаются, так и Аполлоний понял, что должен отдать свой последний долг природе. Но тианец знал, как окружить даже акт умирания ореолом экстраординарности. На самом деле он не умер; но однажды — если позволительно употребить тривиальное выражение, говоря о полубоге, — он испарился, и никто не узнал, что с ним стало. Это испарение происходило следующим образом. На Крите был храм Диктинны, который так надежно охранялся злобными собаками, что никто не осмеливался приблизиться. В этот храм вошел Аполлоний, которого разъяренные собаки не тронули; но после того, как двери святилища закрылись за пифагорейцем, внезапно из глубины храма раздались женские голоса, поющие: “Покиньте землю! Вознесись к небесам!” С этими звуками и словами Аполлоний исчез навсегда. Таким образом, его последний медицинский акт был проявлением ловкости рук, поскольку он даже щелкнул пальцами перед смертью.

Благодарный языческий мир древности оказывал Аполлонию божественные почести. На месте его рождения, Тиане, в его честь был возведен храм за императорский счет, и священники повсюду воздвигали статуи философу, который покинул этот мир, не умерев; фактически, даже император Александр Север установил изображение Аполлония в своем *ларарии*, или домашней часовне. И таким образом медицинскому суевию был предоставлен триумф, которым никогда не пользовался ни один законный практикующий врач любого возраста.

Эти теософские причуды достигли своего апогея в неоплатонизме, который был основан ближе к концу второго века христианской эры александрийским привратником Аммонием (175-242) и получил дальнейшее развитие у Плотина (204-269). Эта религиозно-философская система представляет особый интерес в истории медицины, поскольку, во-первых, она находится в прямой оппозиции к физико-механической концепции болезни и, объясняя болезнь с теистической точки зрения как логическое следствие, отвергает лечение болезни профессиональными врачами.

Итак, эта теистическая концепция болезни была основана прежде всего на предположении, что вселенная наполнена бесчисленными демонами, духами, которые, хотя и существенно превосходят человека, уступают Богу. Предполагалось, что такой демон является “*spiritus rector*” всех земных событий, особенно если ему приписывались все злые события. ὅτι αὐτοὶ αἱ τοὶ ὑγνόμενοι τῶν Περι τὴν γῆν καθημάτων, οἱ οὐ λογίμων, ἄφορίων, σεισμών, αὐχμῶν καὶ τῶν ὁμοίων (Porphyrus de Abst., lib. 2, 40). Поскольку демоны разрушали состояние человеческого организма, защиты от них можно было ожидать не от профессионального врача, а только откого-то, кто хорошо разбирался во всех их уловках и приспособлениях и, следовательно, только один мог тщательно наказывать их за их вредное поведение. Это укрощение демона могло быть достигнуто различными способами. Порфирий перечисляет три метода обретения влияния на сонм демонов.

Первый и главный метод (теософия) пытался достичь наиболее тесного единения с Богом. Предполагалось, что молитва, абстрагирование всех мыслей от земных вещей и погружение в Бога являются средством сопричастности к определенным божественным силам. Человек, пользующийся таким благосклонностью, получал возможность в мгновение ока восстанавливать здоровье неизлечимых пациентов, таких как слепые, глухие и хромые, и ему даже была дарована способность воскрешать мертвых. Однако приобретение таких

экстраординарных способностей требовало определенных навыков довольно взыскательного и земного характера. Такой претендент на эти особые дары был обязан воздерживаться от употребления мяса и, прежде всего, от общества женщин. Скольких эти щепетильные требования удержали от выбора карьеры знаменитого человека чудес, мы не знаем. Столпы неоплатонизма (такие, как Плотин, Порфирий, Дамаский, Ямвлих) ничего не сообщают по этому поводу, также они не заявляют, полностью ли они сами воздерживались от мяса и от общества женщин.

Теургия была вторым методом противодействия злему влиянию демонов. Таким образом, молитвами и подношениями добрых демонов убеждали отгонять болезни или другие несчастья.

По третьему методу (гете) предпринимались попытки рассеять злых демонов с помощью заклинаний и различных видов мистического ряженья. Эти таинственные приспособления состояли в основном в бормотании любого количества слов, настолько бессмысленных, насколько это возможно. Чем более бессмысленными и непонятными были эти слова, тем более действенными — по заверению Ямвлиха — они оказывались, особенно когда были взяты из восточных языков. Ибо, как говорит Ямвлих, восточные языки самые древние — следовательно, наиболее удобные богам. Таким образом, слова, совершенно бессмысленные, растягивались у постели больного и, для большей безопасности, записывались на табличках, которые вешались на шею пациенту. Особым уважением пользовалось волшебное слово “абракадабра”. Чтобы придать ему достоверность, его писали столько раз, сколько в нем есть букв, каждый раз опуская последнюю букву, пока не осталась только одна, и располагая слова в такой последовательности, чтобы образовать равнобедренный треугольник. Табличку с такой надписью носили на шее страдальца в качестве амулета. Возможно, это чудотворное слово произошло от слова “абраксас”, которым гностик Василид хотел обозначить совокупность трехсот шестидесяти пяти форм откровения божественности, которые, как он предполагал, существовали. Однако в моде множество других объяснений этого медицинского, магического термина (сравните Häser, том I., стр. 433). Были возрождены очень древние магические слова, возникшие в самые ранние периоды эллинизма. Таким образом, чтобы изгнать болезнь, использовались определенные слова, которые, как говорили, происходили из храма Артемиды в Эфесе и которые читались: ασχι, Κατάσχι, λίε, τετράε, δαμναμενεύς, αἱ σσον. Значение этих слов, согласно объяснению пифагорейца Андросида, было: тьма, свет, земля, воздух, солнце, истина. Кроме того, была предпринята попытка получить непосредственно от демонов такие магические слова, которые были наделены целебной силой. Для таких целей использовались маленькие дети, в которых, как предполагалось, демоны предпочитали присутствовать и выражали себя их устами. Таким образом, такие дети играли ту же роль, что и медиумы у современных спиритуалистов. Бессмысленный лепет такого ребенка считался непосредственным проявлением демона и, соответственно, использовался для изгнания демонов, которые вызывали болезни. Более того, бессмысленная практика, которую неоплатоники осуществляли буквой и словом, была в определенной степени принята профессиональными врачами. У врачей стало очень распространенным обычаем давать всевозможные напыщенные названия всем своим разнообразным пластырям и мазям, порошкам и пилюлям. Стоит только бросить взгляд на древнюю фармакопею, чтобы найти самые любопытные названия. Гален неодобрительно упоминает тот факт, что египетские и вавилонские термины были предпочтительны в медицинской терминологии (De Simpl. Medicamentorum Facult. Библиотека. Так в оригинале. Предисловие).

Таковы были методы, с помощью которых неоплатоники без колебаний лечили больных; и не только мелкие практикующие, но даже лидеры всего движения предпочитали изгонять болезни с помощью различных магических формул всем другим специально медицинским методам лечения. Так, например, Евнапий Сардийский (около 400 г.) рассказывает, как Плотин, один из самых одаренных представителей неоплатонической школы, неоднократно проявлял себя как медицинский чудотворец, особенно ярко проявившийся во время болезни Порфирия. Когда последний, любимый ученик Плотина, путешествовал по Сицилии, он опасно заболел - фактически, согласно описанию Евнапия, он действительно испускал дух. Затем появился Плотин и волшебными словами мгновенно вылечил умирающего. Более того, оказывается, что Плотин оперировал не только чудотворными словами, но он использовал и другие средства — например, таинственные фигуры (ὄχηματα. Villoison, Anecd. грека, Том II, стр. 231). Говорили даже, что Плотин обладал собственным демоном, который был в его полном распоряжении и с помощью которого он творил другие чудеса — как, например, пророчество.

Порфирий, вероятно, самый известный ученик неоплатонической школы после Плотина, утверждал даже, что демоны лично научили его изгонять этих патогенных демонов с уверенностью и бесповоротностью. Он утверждал, что халдейские и еврейские слова и песни были самыми быстрыми средствами изгнания всех этих злых духов; фактически, философ Александр из Абонотейхоса в Пафлагонии придерживался мнения, что эпидемию, опустошавшую Италию, нельзя было остановить никакими лучшими средствами, кроме как прикреплением к дверям зараженных городов и деревень надписи: “Фебус, нестриженный волос, рассеивает облака болезни”.

Таким образом, последняя великая система, в которую превратилась древняя философия, имела печальный результат весьма существенного усиления суеверий в искусстве врачевания. Это возрождение медицинских суеверий ни в коем случае не было временным, но оказалось чрезвычайно стойким; фактически, мы можем без колебаний утверждать, что с того времени суеверия больше никогда не исчезали из нашей науки. В этом главным образом виновата позиция, которую христианство заняло по отношению к демонологии и другим фантастическим идеям неоплатонизма.

Раннее христианство с самого начала было подвержено влиянию древних ложных представлений о демонах. Не внося никаких изменений, оно присвоило эту ложную доктрину и вывело из нее те же медицинские представления, что и язычество. В Новом Завете приведены многочисленные примеры преобладающей веры в то, что сверхъестественные существа, то есть демоны, часто были причиной телесных недугов; и поскольку Христос и Его ученики часто исцеляли таких пациентов, из этого следует, что вера в демонов и их связь с патологией, должно быть, была широко распространена среди христиан того периода. Отцы Церкви также свидетельствуют об этом факте, поскольку они в своих трудах прямо признают веру в демонов как причины болезней. Юстин Мученик, Татиан, Тертуллиан, Ориген, Августин - все упоминают демонов и их власть над человеческим телом (сравните Харнака, глава V, стр. 68 и др., где эти состояния наиболее доходчиво изображены). Thus, for instance, St. Augustine says: “*Accipiunt (scilicet dæmones) enim sæpe potestatem et morbos immittere et ipsum aerem vitiando morbidum reddere.*”

И, действительно, раннее христианство не только приняло языческую демонологию без изменений, оно даже усилило терапевтический аспект этого заблуждения самым прискорбным образом. Эта вера в демонов под влиянием христианских доктрин переросла в эпидемию безумия, которая безудержно царила в течение двух или трех столетий и которая снова пробудилась в позднем средневековье, чтобы, наконец, перерасти в одно из самых ужасных отклонений человеческого разума — в веру в ведьм.

Это эпидемическое расстройство психики, к которому привела вера в демонов под влиянием христианских доктрин, достигло кульминации в явной идее пациента о том, что он одержим демоном. Психическое расстройство сопровождалось дикими, спазматическими приступами возбуждения, и, поскольку оно происходило не только в отдельных случаях, но и было заразным, мы должны без колебаний назвать эту веру первых трех столетий в одержимость демонами эпидемической болезнью. Это была привязанность, ментальный субстрат которой состоял из смеси перегретого религиозного чувства и безудержного медицинского суеверия. О том, до какой степени эта вера в одержимость демонами была распространена в первые века христианской эры, свидетельствует тот факт, что многие люди занимались излечением от этой болезни. Во-первых, в большинстве христианских общин были свои экзорцисты, или официальные изгоняющие демонов. Похоже, что эта профессия экзорцистов образовала самостоятельный клерикальный орден; ибо, поскольку все язычники, согласно христианской концепции, находились во власти злых духов, эти демоны должны были тщательно изгоняться перед каждым крещением, и, таким образом, учреждение специального церковного служителя, в обязанности которого входило изгонять демонов, стало абсолютно необходимым, особенно после того, как в четвертом веке экзорцизм был также введен при крещении детей. Между прочим, можно заметить, что католическое духовенство третьего младшего ордена даже сегодня называют “экзорцистами”.

Христианские экзорцисты при заклинаниях использовали только молитву и имя Христа; эти два фактора считались достаточными для излечения пациента от его заблуждений, и они действительно это сделали. Почему они добились излечения, было очень поразительно объяснено Харнаком. Он говорит: “Исцеляет не молитва, а молящийся человек; не формула, а дух; не экзорцизм, а экзорцист. Только в тех случаях, когда болезнь, как и во многих случаях второго столетия, становилась эпидемической и почти повсеместной, помогали обычные средства. Экзорцист стал гипнотизером, возможно, обманутым обманщиком. Но когда сильная индивидуальность обманута относительно своей собственной личности демоном ужаса, и душа на самом деле потрясена силой тьмы, которая владеет ею и от которой она намеревается убежать, только могущественная и святая воля может вмешаться из внешнего мира, чтобы освободить скованную волю. В некоторых случаях мы находим следы явления, которое в наше время, за неимением лучшего названия, было названо “внушением”; но пророк внушает иначе, чем профессиональный экзорцист”.

Помимо этих официальных христианских экзорцистов, великое множество других людей занимались ремеслом заклинателя демонов. Колдуны и волшебницы, которые занимались своим гнусным ремеслом для лечения одержимых и тех, кто страдал другими болезнями, работали с различными видами мистических знаков и церемоний, и у них, безусловно, получалось отличное дело, ибо тот, кто потакает суевериям и глупости человека, всегда преуспевает. Современное шарлатанство иллюстрирует это наиболее ярко. Но, помимо этих целителей, существовало множество других заклинателей демонов и медицинских

чудотворцев, которые занимались своим ремеслом не ради презренной мамоны, а исключительно по этическим соображениям. Это были члены различных теософско-философских сект, которые были активны в течение первых христианских веков и были исчерпывающе описаны на предыдущих страницах.

Хотя христиане стремились превозносить своих экзорцистов, которые работали только с молитвой и взыванием к Христу, превыше всех видов колдовства, они не смогли, в конечном счете, предотвратить смешение христианских догм с догмами философии и их искажение. Под влиянием Сатурнина, Василида и Карпократа различные философские причуды относительно вспомогательных, промежуточных и низших богов и их влияния на судьбу человека исказили чистое и простое учение Христа. То заблуждение, от которого Павел так выразительно предостерегал раннехристианские общины в своем Послании к Колоссянам, глава II, стих 8 (“Берегитесь, чтобы кто не развратил вас философией и пустым обманом, по преданию человеческому, по начаткам мира, а не по Христу”), тем не менее, в конце концов проявилось, и искажение чистого Евангелия философскими спекуляциями и фантастическими взглядами начало становиться все более полным начиная с третьего века. Это было основой религиозно-мистической системы, которая в средние века и даже после периода Возрождения угнетала человечество подобно удушающему кошмару и не только сдерживала прогресс, но и наполняла каждую отрасль человеческого знания самыми ужасными суевериями и грубейшим мистицизмом. Так было и в медицине; фактически, эта отрасль науки, вероятно, больше всего пострадала от союза христианства с фантастическими доктринами философских школ.

Древнее учение о демонах претерпело под влиянием христианского мистицизма определенные изменения и переходы, особенно в его отношении к телесному состоянию людей. Вариации в этой доктрине, естественно, наиболее явно проявлялись в медицинских воззрениях того времени. Считалось, что каждому человеку от рождения приписываются добрый и злой демоны. Добрый дух, защищая своего подопечного, держал свою руку над ним, в то время как злой демон только ждал своего шанса нанести вред человеку, что, в частности, является определяющим принципом в этиологии болезней. Это правда, злым духам, по-видимому, больше не позволялось иметь такую полную власть над здоровьем человечества, как раньше. Теперь Бог использовал их главным образом как исполнителей наказаний, которые он предназначил человечеству в качестве возмездия за различные формы правонарушений. Так, Отец Церкви Анастасий (Шпренгель, том II, стр. 210) говорит нам, что причина, по которой среди христиан было обнаружено так много прокаженных и калек, заключалась в том, что Бог, разгневанный роскошью членов общины, наслал на них злого демона болезни. Гнев Божий с того времени и до позднего времени считался полностью эффективным принципом патологии; фактически, даже сегодня есть множество людей, которые верят, что в телесных недугах человечества действуют не естественные, а сверхъестественные и неземные факторы.

Однако представление о добрых и злых демонах теперь приобрело специфически христианский характер, который, правда, очень напоминал древневавилонское представление, за исключением того, что добрые демоны были заменены ангелами и святыми, тогда как злые духи были воплощены в дьяволе. Обоим, как святым, так и дьяволам, отныне было суждено играть определенную роль в области медицины. Это правда, всеобщее признание, которым они пользовались в средние века и значительный период нового времени, вероятно, уже прошло, но все еще существуют многочисленные классы нашего народа, в которых наиболее охотно признается медицинская роль святых, а также дьяволов.

Мы уже упоминали в другом месте о терапевтических достижениях святых в средние века. Здесь мы остановимся только на том влиянии, которое дьявол, христианский преемник древнего злого духа, оказал на медицинские взгляды всех классов людей. Это влияние было очень велико. Дьявол и подчиненные ему адские духи считались "нарушителями спокойствия" в здоровье человечества. Болезнь в ее различных формах была их работой; они решили вызвать ее либо из врожденного злодейства, либо подстрекаемые различными магическими приемами злых людей. Именно последняя форма дьявольской деятельности на протяжении всего средневековья и значительной части нового времени принималась как бесспорно достоверная, и воображение человечества в тот период было неистощимо на выдумывание величайшего разнообразия позорных действий, которые дьявол был способен совершать либо по собственной воле, либо по призыву заклинаний. Любопытно, кто желает досконально ознакомиться с этими обманчивыми идеями, должен прочесть труд монаха Цезария, жившего около 1225 года в рейнско-цистерцианском монастыре Гейстербах. Естественно, нас интересуют только медицинские действия, которые дьявол всегда был готов совершить. Согласно истории медицинских суеверий, дьявол, который вызывался различными заклинаниями или появлялся по собственной воле, был способен воздействовать на каждый отдельный орган тела способом, наиболее неприятным для его обладателя. Князь Ада и его воинство также не всегда довольствовались тем, что дразнили и изводили отдельное существо, но очень часто они занимались этим бизнесом оптом. Они обрушились на все население страны и вызывали болезни у всех, кто попадался им на пути. Например, великая эпидемия пляски Святого Вита в четырнадцатом веке считалась делом рук дьявола, и духовенство занималось изгнанием этой дьявольской заразы посредством кропления святой водой и произнесения заклинательных формул.

Сексуальная жизнь как мужчин, так и женщин представляла собой особенно плодотворное поле для деятельности дьявола и его адских спутников. Таким образом, это был любимый трюк правителя ада и подчиненных ему демонов - принимать облик мужа или любовника той или иной женщины и под этой маской присваивать себе права, которые должны быть разрешены только мужу. Адский дух, игравший эту роль, назывался Инкубом. Так, например, Хинкмер рассказывает нам о монахине, на которую злонамеренно напал такой адский любовник и которая могла избавиться от него только с помощью священника. Но в аду также были женщины, которые играли для мужчин ту же роль, что и Инкубы для женщин. Такую распутную адскую женщину называли Стрига или Ламия (сравните Хансена, стр. 14 и 72). Эти влюбчивые подружки ада не останавливались даже тогда, когда встречали выдающихся святых. В монастыре Святого Бенедетто, недалеко от итальянского городка Субьяко, и по сей день показывают розовый куст, в который бросился обнаженный святой Бенедикт, чтобы устоять перед нечестивым искушением. И каждый достаточно знаком с проблемами, которые испытывал святой Антоний Падуанский из-за этих адских женщин. Однако мы, врачи, достаточно хорошо знаем причину этих искушений. Они, несомненно, могли и на самом деле приближаться к монахине, о которой сообщает Хинкмер, а также к святому Бенедикту и святому Антонию; однако они не были проститутками дьявола, а выражением подавленных и игнорируемых природных импульсов, которые в форме сладострастного воображения появлялись перед глазами людей, далеких от земных удовольствий; ибо природа не освобождает даже святого, и древнее изречение "*Naturam expellas furcâ, tamen usque recurret*" применимо к ним так же, как и к любому другому смертному.

Наконец, эти вольности, которые, как говорили, допускали дьявол и его адское воинство в вопросах, касающихся любви, приняли общие и довольно серьезные формы; фактически, они породили тонко надуманные юридические вопросы. А именно, возникла идея, что дьявол способен не только вызывать беспорядочную любовь между мужчинами и женщинами, но и что иногда он получает особое удовольствие, если ему удастся предотвратить брак, который уже был заключен, сделав мужа импотентом. *Maleficium* был техническим термином для обозначения такого события, одинаково печального как для мужа, так и для жены, и теологи, философы и юристы средневековья написали самые ученые комментарии относительно юридических последствий этого *impotentia ex maleficio*. Был спор о том, будет ли эта форма импотенции являться законным основанием для расторжения брака, который, в конце концов, был божественным институтом; причины, по которым Бог позволил дьяволу играть в такую предосудительную игру, также были исследованы самым серьезным и глубоким образом. Любой, кого интересует вопрос обимпотенции из-за пагубного влияния, может прочитать самое превосходное описание этого предмета у Хансена (глава III).

Эта импотенция из-за пагубного влияния, то есть одно из самых экстравагантных проявлений медицинских суеверий, иногда также приводила к скандальным судебным искам. Так было в позорном бракоразводном процессе, который состоялся примерно в 860 году между королем Лотарем II и его супругой Теутбергой. Говорили, что Лотэр полностью утратил свою способность к деторождению из-за адских ухищрений своей наложницы Вальдрады. Причина, по которой наложница должна была пойти на такой шаг, который, в конце концов, неизбежно дискредитировал бы ее титул и должность в глазах ее любовника, не совсем очевидна. Однако в тот период найти объяснение этому примечательному факту было нетрудно. Утверждалось, например, что Вальдрада была спровоцирована на этот поступок исключительно ревностью и эгоизмом, чтобы развести короля с его супругой. Сделав этот первый шаг, куртизанка, сняв наложенные ею чары, хорошенько позаботилась бы о том, чтобы король как можно скорее избавился от отвратительного состояния импотенции. Однако Вальдрада обошлась без своего хозяина, то есть в данном случае без Хинкмара, архиепископа Реймского; ибо этот последний джентльмен, чрезвычайно хорошо разбиравшийся во всех вопросах церковных, политических и дьявольских, настоящий клерикальный бойцовский петух, очень скоро внимательно изучил бессилие своего королевского хозяина. В обширном мемориале он рассмотрел королевское бессилие с точки зрения его правовых, теологических, философских, моральных и различных других аспектов. Медицинское суеверие, соответственно, приобрело такую силу, что суверенам священной Римской и Германской империй пришлось вынести свои *potestas in venere* на публичное обсуждение.

Но условия должны были стать намного хуже. Когда примерно в тринадцатом веке схоластика узурпировала полный контроль над человеческим разумом и всем наукам было разрешено заниматься только в схоластическом смысле, медицина была полностью оторвана от реальных условий жизни. Она была полностью оторвана от природы, своего великого учителя, и безвозвратно запуталась в тонкостях неопределенной философии. Его деятельность теперь зависела исключительно от изучения древних — ни в коем случае, однако, не от того изучения, в котором была предпринята попытка овладеть интеллектуальным духом древней медицины, но которое состояло в рабском следовании букве. Каждое решение древних, без какого-либо отношения к природе, было превращено в догму, и лучшим врачом был тот, кто был лучше всех

знаком с этими догмами, кто лучше всех понимал, как наиболее точно их интерпретировать. Человечество полностью утратило представление о том, что древние достигли ценности только в том, что они измеряли вещи стандартом непредвзятого опыта и проверяли свои выводы в соответствии с явлениями природы, описанными на основе точных наблюдений за больными.

Совершенно очевидно, что суеверия нашли хорошо подготовленную почву в системе медицины, которая была перегружена догмами и деградировала до полного подчинения тщеславной философии. Естественным результатом было то, что медицинское искусство периода средневековья, пропитанное схоластикой, было не чем иным, как хаосом самых презренных суеверий и безумия. Самым шокирующим результатом этих состояний стала вера в ведьм, и вместе с этим медицинские суеверия вступили в новую стадию. В то время как до тех пор она обладала ограниченной, чисто местной жизнеспособностью и представляла опасность только для тех, кто по легкомыслию охотно прислушивался к ней, теперь она выродилась в психическую эпидемию, которая в равной степени угрожала всем классам людей. Невыразимые страдания, которые эта разновидность медицинских суеверий принесла западному миру, хорошо известны, так что мы можем воздержаться от вдавания в подробности, отсылая наших читателей к превосходной работе Хансена по этому вопросу.

Физико-медицинская мысль была настолько основательно разрушена вышеописанными условиями, что даже когда человечество начало сбрасывать с себя иго схоластики, в период Возрождения, медицина смогла лишь частично последовать этому примеру. Хотя под вдохновением древних он вернулся к природе, он не смог избавиться от суеверного представления о постоянном вмешательстве сверхъестественных сил в выполнение наиболее распространенных функций организма. Церковь все еще упорствовала в безоговорочной вере в такие взгляды и все еще настолько сильно доминировала в умах людей, что даже многие врачи, которые в других отношениях были совершенно непредвзятыми, оставались в этом вопросе послушными детьми Церкви; фактически, даже те, кто полностью осознавал недостатки христианской Церкви, без колебаний придерживались веры в демонов, развитой на основе древних концепций Отцов Церкви. Так, например, доктор Мартин Лютер был строгим сторонником доктрины, которая учила людей считать дьявола ответственным за происхождение всех болезней. Например, он так выразился: "Никакая болезнь не исходит от Бога, который добр и творит добро всем; но она вызвана дьяволом, который вызывает и совершает все беды, который вмешивается во все игры и все искусства, который вызывает к жизни мор, француз, лихорадку и т.д." Соответственно, он считал, что сам был вынужден бороться с дьяволом, когда его физическое состояние было не в порядке. Так, страдая от сильной головной боли, он написал курфюрсту Иоанну Саксонскому: "Моя голова все еще немного подвластна тому, кто является врагом здоровья и всего хорошего; иногда он проникает в мой мозг, так что я не могу читать или писать", а в другом случае он сказал о своем здоровье: "Я верю, что мои болезни ни в коем случае не вызваны естественными причинами, но этот "Юный сатана" разыгрывает со мной свои шутки с помощью колдовства".

Дьявол также считался ответственным за появление монстров; считалось, что правитель ада помогал молодым девушкам против их воли наслаждаться прелестями материнства. Однако говорили, что эти наслаждения были особого рода, поскольку за общением с дьяволом всегданеизбежно следовало рождение самых страшных чудовищ. Затем дьявол запустил этих самых замечательных монстров в дома уважаемых людей. Даже Лютер не смог освободиться от этого самого удивительного заблуждения. Напротив, он был предан этому с

такой убежденностью, что, когда однажды в Дессау услышал о чудовище (согласно медицинскому заключению, речь шла о ребенке с рахитом), достигшем двенадцатилетнего возраста, он со всей серьезностью посоветовал бросить этот греховный продукт дьявольского общения в реку Мильде (сравните Месен, Том II, стр. 506 и др., об "Отношениях Лютера с дьяволом").

Если со стороны дьявола было очень неприлично посещать даже священнослужителей, то он увенчал свое злодейство тем, что весьма бесцеремонно почтил своим посещением даже служителей кафедры. Такой случай произошел во Фридеберге, Ноймарк, в 1593 году, в этом безобидном в остальном городке дьявол внезапно начал поднимать неслыханный переполох. Он преследовал около ста пятидесяти человек, и даже в церкви он давал так мало покоя тем, кем обладал, что они устраивали разного рода безобразия в этом святом месте. Когда вслед за этим проповедник Генрих Лемрих с кафедры обрушился с гневом на эту дьявольщину, дьявол пришел в такую ярость, что немедленно направился к самому преподобному Лемриху, так что добрый служитель бушевал за кафедрой точно так же, как и члены его паствы внизу, в нефе.

Однако, в конце концов, эта разновидность медицинских суеверий распространилась до такой степени, что, поскольку медицинская помощь была бессильна против дьявола, со всех кафедр маркграфства по приказу консистории вызвали к Божьей помощи в борьбе с вышеописанными злодеяниями правителя ада.

Но духовенство приняло еще один план, чтобы поставить мат дьяволу. В различных публикациях они перечисляли злодеяния, которые сатана мог бы обрушить на человечество, чтобы каждый мог защитить себя от агрессии дьявола, в какой бы форме он ни появлялся. Первая публикация этого персонажа была выпущена в 1555 году генеральным суперинтендантом курфюршества Бранденбург, профессором Франкфуртского университета герром Мускулусом; она носила очень подходящее название "Дьявол в панталонах". Фактически, еще в 1575 году во Франкфурте-на-Майне был опубликован сборник, в котором двадцать четыре различных облика, которые дьявол мог принять, посещая человечество, обсуждались наиболее добросовестно и с подобающей размытостью стиля (сравните Möhsen, Том II, стр. 426 и др.).

С тех пор человечество уже не могло избавиться от веры в дьявола и демонов. Мысль об одержимости играла заметную роль даже в первой половине девятнадцатого века, благодаря деятельности Юстинуса Кернера, и даже медицина почувствовала себя призванной более тщательно заняться этим недавно возрожденным верованием. Это было сделано, например, доктором Кленке, который в 1840 году опубликовал небольшую книгу исключительно с целью опровержения существования духов.

До сих пор мы показывали мощное влияние, оказанное на медицинские суеверия античной, а также средневековой философией. Но новая философия оказала большое влияние на судьбу медицины даже в конце восемнадцатого и в начале девятнадцатого веков. Натурфилософия, основанная на доктринах Шеллинга, еще раз погрузила искусство врачевания в мистицизм и, таким образом, неизбежно породила суеверия. Врач больше не рассматривал болезнь как результат нарушений в жизнедеятельности органов тела, но считал, что различные формы непостижимых сил ответственны за возникновение болезни. Душа, погрязшая в грехе, обладала силой переводить жизнь тела из нормального состояния в патологическое, и, соответственно, молитва и вера в христианские догмы снова стали активными лечебными факторами. В особенности мюнхенский клиницист Непомук фон Рингзейс, который изложил такие теории

своим ученикам и который в своей “Системе медицины”, опубликованной в 1840 году, сделал их общеизвестными. Рингсейс утверждает в этой книге: “Поскольку болезнь изначально является следствием греха, хотя и не всегда необходимо, но, согласно опыту, несравненно безопаснее, чтобы врач, так же как и пациент, получили отпущение грехов, прежде чем предпринимать какие-либо попытки исцеления”. Другой отрывок гласит: “Христос - всесовершенствующий, и как таковой Он участвует во всяком телесном исцелении”. В этом смысле Рингсейс называет таинства “талисманами, исходящими от Врача из всех врачей, и, следовательно, самыми превосходными из всех физических, стимулирующих и изменяющих жизнь средств”.

Таким образом, спустя почти три тысячи лет медицина вернулась к той стадии, на которой она зародилась, а именно к представлению о том, что бестелесные, сверхъестественные факторы должны играть определяющую роль в патологии и терапии. Однако то, что даже в наше время есть множество людей, которые в любой момент готовы снова бессмысленно пожертвовать всем просвещением и всем прогрессом ради этого разнообразного суеверия, демонстрируют случаи миссис Эдди и преподобного Дауи, этих современных представителей медицинского суеверия. Есть только одна защита от этих рецидивов, от этих атавистических тенденций, и это естественнонаучное образование. Чем больше это будет распространяться среди людей, тем меньше будет опасности того, что ереси ложной философии или перегретые религиозные чувства могут снова вызвать в воображении медицинские суеверия во вред человечеству.

V

ОТНОШЕНИЕ ЕСТЕСТВОЗНАНИЯ К МЕДИЦИНСКИМ СУЕВЕРИЯМ

Точка зрения, с которой человек рассматривал природу на протяжении тысячелетий вплоть до наших дней, была такова, что наиболее эффективно способствовала развитию суеверий; ибо идея о том, что удовлетворительное понимание характера природных явлений может быть получено только с помощью адекватных экспериментов и наблюдений, усовершенствованных применением индуктивного рассуждения и хитроумных инструментов, возникла сравнительно недавно. Естествознанию, применяющему такие средства, едва ли двести лет. Подходящие инструменты для наблюдения за природой существовали лишь в ограниченной степени вплоть до восемнадцатого века, и, кроме того, их полная эффективность оставляла желать лучшего. Попытки вырвать у Природы ее секреты с помощью эксперимента были лишь слабыми и безуспешными. Хотя древние, как показывают труды Гиппократ, Галена и других, имели некоторые знания о вивисекции, они практиковали ее в самых ограниченных масштабах. В средние века и период Возрождения было проведено сравнительно мало физических экспериментов. Какие бы исследования в области естественных наук ни предпринимались в то время, они предназначались гораздо меньше для изучения природы, чем для фантастических и суеверных целей — как, например, исследования алхимии и астрологии.

Совершенно очевидно, что при таких обстоятельствах в теоретическую систему естествознания вкрался ряд поверхностных, несовершенных и искаженных наблюдений.

Однако это было еще не все; диагностико-теоретический метод, с помощью которого в древности, средние века и даже большую часть более позднего времени рассматривались естественные науки, был в корне неправильным. Человек не пробирался тщательно от

эксперимента к эксперименту, от наблюдения к наблюдению, пока не был найден общий принцип, который индуктивно охватывал ряд явлений в рамках одного единообразного принципа закона, но принцип, лежащий в основе явлений, был установлен на спекулятивной основе, и в соответствии с этим принципом явления интерпретировались — как это делалось, например, в медицине в случае гуморальной патологии. И поскольку этот умозрительно сконструированный принцип был получен исключительно методом, опасным для познания естественных наук, путем вывода по аналогии, естественно, что самые фантастические и авантюрные концепции вскоре стали общепринятыми в области натурфилософии. Но натурфилософия, однажды заблудившись в таком лабиринте, не может не последовать за абберацией способностей восприятия — по крайней мере, в определенных областях природы. На самом деле, это ошибочное представление быстро появилось и оказалось камнем преткновения науки с ее самых ранних дней и до наших дней. Оккультизм, мистицизм или как бы там ни назывались различные формы суеверий, возникли из этих ошибочных концепций естествознания. Можно даже утверждать, что не существует разновидности суеверия, которая так или иначе не была бы связана с искаженным наблюдением или объяснением природы. Какими бы интересными ни были эти соображения, мы не можем здесь развивать их дальше.

Подобные исследования относятся к истории суеверий в целом, и любого, кто желает получить более подробную информацию, отсылают к огромной литературе по этому предмету. Здесь мы можем рассмотреть только те отношения, которые преобладают или преобладали ранее между суеверием и естествознанием, и главным образом влияние, которое, таким образом, оказала астрономия на искусство врачевания.

Астрономия и медицина были наиболее тесно связаны в самые ранние периоды развития человеческой цивилизации. Литература с клинописными надписями показывает нам, что попытка связать звезды с человеческими судьбами является первобытной и восходит к древневавилонской эпохе, даже к шумеро-аккадскому периоду (Sudhoff, Med. Woche. 1901, № 41). Как первобытные народы пришли к тому, что связали свои судьбы с небесными телами и их орбитами, Трольс-Лунд объясняет так доходчиво (стр. 28 и др.), что мы процитируем его описания, даже если они будут слишком длинными для цитирования. Он говорит: “Халдейская история творения начертана на семи глиняных табличках. На пятой табличке мы читаем: ‘Седьмой день Он установил как святой и повелел, чтобы человек отдыхал от всякого труда’. Почему именно семь? Потому что священное число планет семь незаметно сияло в процессе творения и было незаметно наложено на весь строй мысли. Мы находимся здесь в решающую эпоху, когда планеты впервые дали толчок человеческому зачатию, последствия которого должны были сохраняться в течение тысячелетий. Это повторилось во второй раз, когда Коперник, занимаясь, в частности, орбитой планет, основал все еще преобладающую концепцию Вселенной.

“Ибо теорию сотворения мира можно было бы согласовать с феноменом движения солнца и луны по своим обычным траекториям. В данном случае они были уже не отдельными живыми существами и божествами, как предполагалось до того времени, а огнями, зажженными могущественным Богом и предназначенными для движения днем и ночью в установленном порядке под небесным сводом. Но остальные пять планет! Не нужно было быть халдеем на

Вавилонской башне, чтобы удивляться им. Каждый, кто когда-либо следил взглядом за их курсом в течение нескольких ночей во время путешествия каравана, каждый, кто, лежа без сна, время от времени пытался определить время по единственным ночным часам — покрытому звездами небесному своду, — был обязан заметить их особенности в отношении освещения и курса. Они светили неравномерно, иногда интенсивно, иногда слабо, и их сияние совершенно отличалось от сияния других звезд — красноватого, зеленоватого, голубоватого. И их течение было то быстрым, то медленным; то обратным или наклонным; иногда они полностью исчезали. Они неизбежно казались необъяснимыми не только для неопытного наблюдателя, но и для еще более высокого уровня интеллекта — для самого опытного халдея; ибо, хотя их периоды и можно было вычислить, их траектории не соответствовали всем геометрическим фигурам. Эти запутанные пути могли быть объяснены только одним образом, а именно, как выражение произвольной воли, проявления независимой жизни. Движения планет служили астрономическим доказательством того, что небесные тела были одушевлены. Вселенная была не просто сотворена, она была самым богом в его жизнедеятельности.

“Как эта точка зрения расширила и прояснила все! Мир принял форму огромного зала, в котором божественная сила, божественная воля непрерывно действовали свыше. Дальше всего внизу находился мир стихий. В безграничных далях над ним двигались луна и шесть других планет, каждая в своем прозрачном небе. Наконец, на самой высокой высоте вращался полог непроницаемого неба, на котором созвездия были расположены в форме, напоминающей животных (Скрижаль V, стих 2). Очевидно, эти вращения не имели ничего общего друг с другом; сила, которая проходила через них свыше, приводила в движение эти элементарные миры. Разве ежедневный опыт их восхождения не определял зиму, бурю, засуху и т.д.? Таким образом, процессы на земле лишь отражали и повторяли ход этих божественных и небесных тел; да, саму божественную волю. Но порядок их движения менялся. Солнце и луна со своими регулярными курсами как бы вращают твердое тело; остальные пять играют важную роль в создании того, что является изменчивым и, по-видимому, случайным. Объединившись в своем путешествии по небесам, семеро ткнут нити судьбы. Безмолвно они плетут замысел земной жизни. От них зависят не только лето и зима, дождь и засуха, но также жизнь и смерть каждого живого существа; как определено созвездием их рождения, таков каждый человек, так он и будет жить. Никогда небесные тела не повторяют в точности одних и тех же взаимных положений, и, следовательно, никогда два года, два дня, два человека, два листа не бывают полностью идентичными”.

Пока Троэльс-Лунд.

Как бы мы ни были согласны с тем, что говорит Троэльс-Лунд, все же мы считаем, что решающий мотив, побудивший человечество привести свое физическое благополучие в самую тесную связь со звездным пологом небес, был подсказан мощным влиянием, которое солнце оказывает на физическое благополучие всего живого. Поскольку эта животворящая сила солнца сыграла заметную роль в происхождении первобытного сабианства, она также оказала аналогичное влияние на развитие астрологии; ибо даже самому глупому наблюдателю должно было быть очевидно, что его благополучие в значительной степени зависело от действия солнца. От этого восприятия до идеи о том, что другие небесные тела также предназначены оказывать решающее влияние на земные явления, древним цивилизованным народам был всего лишь короткий шаг; ибо здесь вывод из аналогии был фактически так близко и так заманчиво у каждого под носом, что все, что ему нужно было сделать, это лишь указать на силы, которые управляют всей земной жизнью, и аккуратно упаковать их в хорошо построенную

систему. Но поскольку вывод из аналогии всегда рассматривался в древнем мире как наиболее верный, безошибочный путь к знанию, ему охотно следовали и в этой связи. И таким образом, астрология, как и большая часть медико-физических знаний, была основана, как мы думаем, на ненадежной почве вывода по аналогии.

Кроме того, наше мнение о том, что согревающая и оживляющая сила солнца стала одним из важнейших факторов зарождения астрологии, подтверждается высказываниями самих астрологов. Так, например, Птолемей указывает на солнце и луну как на источники жизни человечества, а Гермес и Альмансор повторяют это изречение. Это, кроме того, подтверждается беспрецедентной популярностью, которой астрология пользовалась на всех этапах развития цивилизации. Нет цивилизованного народа, ни в древности, ни в наше время, который не придерживался бы астрологических доктрин с полнейшей уверенностью и непоколебимой верой. Вавилоняне, египтяне, греки, римляне, немцы, румыны — короче говоря, все народы — исповедовали свою веру в астрологию. Такое совпадение мнений было бы, однако, необъяснимо при таком несходстве религиозных и культурных идей, характерных для разных народов, если бы только общий принцип не оказал решающего влияния на все нации одинаковым образом. Этот принцип был признан во влиянии солнца. Каждое человеческое существо было обязано наблюдать оживляющую силу солнца своими собственными телесными ощущениями и на основании собственных наблюдений, и это сразу привело бы к выводу, что подобная сила присуща и другим небесным телам.

Эта концепция, которая в значительной степени была вызвана выводами по аналогии, обеспечивала метод вывода относительно различных других явлений. Человек медитировал, размышлял, делал выводы до тех пор, пока не было определено требуемое звездное соотношение каждого органа и каждой функции человеческого тела. Таким образом, астрология может служить одним из наиболее показательных примеров научных заблуждений, к которым неизбежно приводили древние теоретико-диагностические методы с их выводами по аналогии и дедуктивными методами работы.

Приведенный выше обзор указывает, хотя и в очень общих чертах, на происхождение астрологии. Теперь мы рассмотрим более подробно приобретение, которым медицинское искусство особенно обязано астрологии.

Вавилонско-ассирийская цивилизация обладала в самые ранние века хорошо развитой системой астрологической медицины, как это видно из трудов, дошедших до нас из древности. Кэмпбелл-Томпсон недавно опубликовал из огромного запаса клинописных табличек в коллекции Британского музея 276 надписей астрологического характера, принадлежащих к так называемой коллекции Куюнджик. Садхофф собрал их воедино, поскольку они относятся к медицине, и подверг критическому анализу. Мы берем на себя смелость повторить некоторые выдержки из этих клинописных табличек, которые, по-видимому, представляют собой отчеты ассирийских и вавилонских придворных астрологов царю.

Втабличке 69а говорится: “Если при появлении луны ветер дует с запада, в течение этого месяца будут преобладать болезни”.

Табличка 207: “Если Венера приблизится к созвездию Рака, на земле воцарятся послушание и процветание... больные страны выздоровеют. Беременные женщины перенесут свои роды до благоприятного завершения”.

Табличка 163: “Если Ртуть поднимется в пятнадцатый день месяца, будет много смертей. Если созвездие Рака станет затемненным, роковой демон овладеет землей, и произойдет много смертей”.

Табличка 232: “Если Меркурий войдет в соединение с Марсом, последуют смертельные случаи среди лошадей”.

Табличка 175: “Если планета побледнеет в противостоянии с луной или войдет в соединение с ней, погибнет много львов”.

Табличка 195: “Если Марс и Юпитер соединятся, погибнет много скота”.

Табличка 117: “Если большее гало окружит Луну, человечество постигнет гибель”.

Табличка 269: “Если солнечное затмение произойдет на двадцать девятый день месяца Джипар, в первый день будет много смертей”.

Табличка 271: “Затмение во время утренней вахты вызывает болезнь.... Если затмение произойдет во время утренней вахты и продлится в течение всей вахты, пока ветер будет дуть с севера, больные в Аккаде выздоровеют”.

Табличка 79: “Если луну окружает ореол и Регул находится внутри, женщины будут рожать детей мужского пола”.

Табличка 94: “Если солнце и луна... на пятнадцатый день он скажет: "Ответь на мою молитву"... Пусть он прижмется поближе к своей жене, и она зачнет сына”.

Эти несколько отрывков показывают нам тесную связь, в которую ассииро-вавилонская культура ввела возникновение и исчезновение всей животной жизни с движением звезд; фактически, как мы отмечаем из таблицы 94, астрологи того периода без колебаний вторгались в самые интимные моменты супружеской жизни. Совершенно очевидно, что при таких обстоятельствах вавилонский врач был вынужден очень тщательно прислушиваться к высказываниям астрологов при выполнении своей практики. Возможно, что мы получим еще больше информации о качестве звездной терапии из многочисленных обнаруженных клинописных табличек. Мы точно знаем, что врачу было запрещено проводить какие-либо хирургические операции в определенные дни каждого месяца. Так, например, 7, 14, 19, 21 и 28 числа месяца Шалл-Элул были неблагоприятными днями для таких операций (Офеле). Эти указания были особенно строгими в отношении винирования, к этому закону мы еще вернемся более подробно.

Позже, когда цивилизация продолжала процветать на берегах Нила, астрология все еще находила там плодородную почву, и, похоже, отсюда также возникло название *astrologia*, которое впоследствии стало любимым обозначением приверженцев звездного искусства врачевания. Астрологические прогнозы, сделанные профессиональным астрологом Петосирисом для царя Саиса Нечепсо, хорошо известны. Однако, согласно последним исследованиям (сравните превосходную работу Садхоффа, стр. 4 и т.д.), оказывается, что эти прогнозы не имеют никакого отношения к царю Нечепсо, который правил в седьмом веке до нашей эры. Представляется более вероятным, что какой-то хитрый

александрийский астролог второго века до нашей эры обманным путем использовал имя царя в качестве прикрытия для своей работы. Но как бы то ни было, эти прогнозы Петосириса имеют значительную ценность, поскольку они дают нам представление о производстве подобных медицинских пророчеств.

Целью этих прогнозов было прежде всего определить прекращение заболевания, умрет ли пациент или выздоровеет, либо вскоре, либо только по истечении определенного времени — например, через семь дней. Это было все, что Петосирис взялся предсказать. Все подробности, касающиеся лечения, осложнений и диагноза пациента, по-прежнему полностью отсутствуют. Делая такой прогноз, Петосирис ни в коем случае не полагался исключительно на соединение определенных небесных тел, но он использовал довольно сложный метод, в котором важными элементами были мистические числа, ономантия и астрология. Для медицинского прогнозирования в соответствии с этой системой в первую очередь требовался круг из цифр. Существовало два разных вида таких кругов — один простой, другой более сложный. Бертло снабдил нас примерами того и другого, что использовал Петосирис.

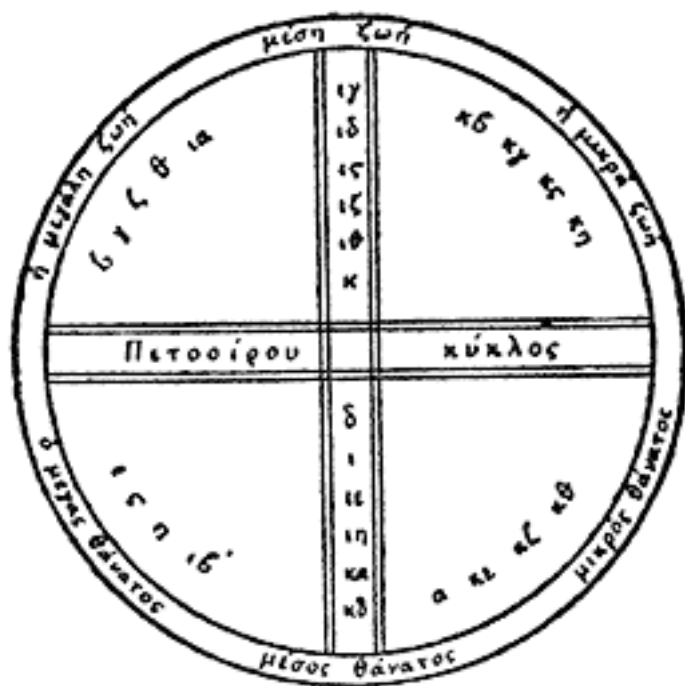

РИС. 1—КРУГ ПЕТОСИРИСА

(По Буше-Леклерку, стр. 539)

Более простая формула (рис. 1) состояла из двух концентрических окружностей, меньшая из которых была разделена на четыре квадранта. Между двумя концентрическими кругами и в горизонтальном диаметры были начертаны слова: μέσος ζωή; справа от этого: ἡ μικρά ζωή; слева от вертикальной линии: μέγας ὁ θάνατος. Под вертикальной линией была надпись: μέσος θάνατος; справа от этого: μικρὸς θάνατος; и слева от вертикальной линии: μέγας ὁ θάνατος. Поэтому использовались только слова, которые указывают на большую или меньшую продолжительность жизни или на борьбу со смертью. Четыре квадранта замкнутого круга, а также вертикальный диаметр содержали цифры от 1 до 29 в мистическом порядке,

представляющие продолжительность фаз Луны. Приведенное выше (рис. 1) показывает нам этот астрологический круг Петосириса.

Вторая — существенно более сложная — формула состоит из трех concentрических кругов. Между первым и вторым кругами вписаны различные слова, как показано на рис. 1. Между вторым и третьим кругами, а также по вертикали цифры от 1 до 30 расположены в мистическом порядке. Более того, эти круги разделены не на четыре квадранта, как на рис. 1, а на восемь равных участков. В этих точках, в которых радиусы, образующие секторы, пересекаются с периферией самой внешней из трех concentрических окружностей, поднимаются арочные ограждения, которые также содержат различные слова.

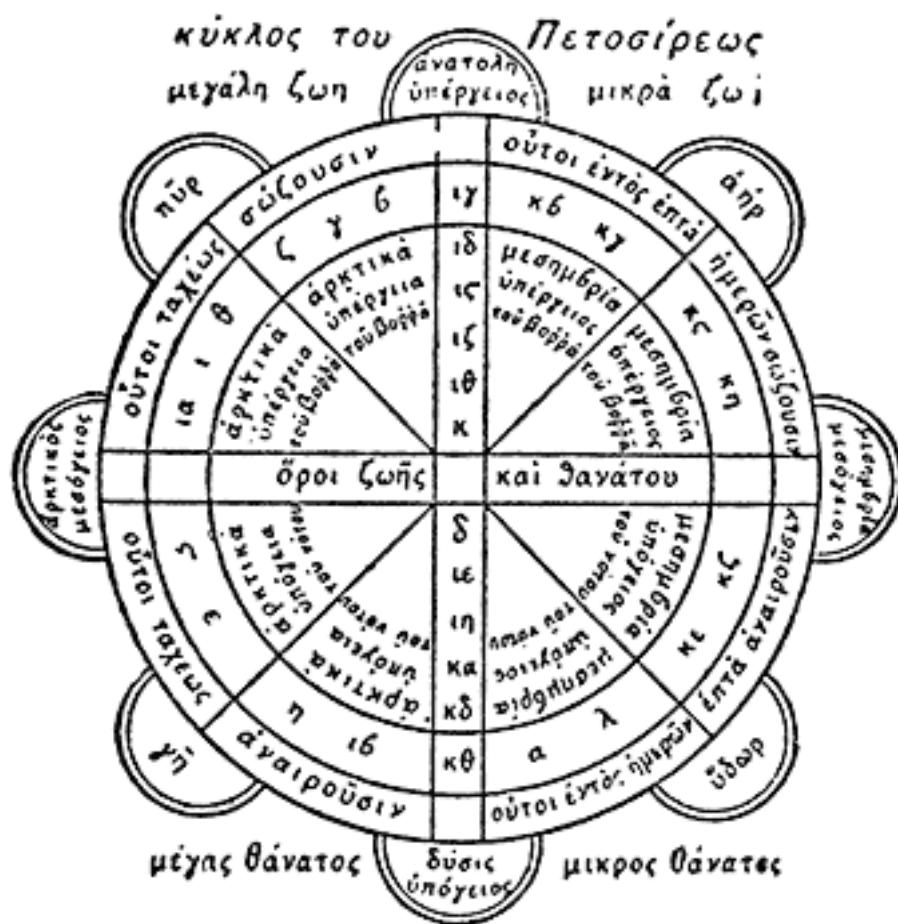

РИС. 2—КРУГ ПЕТОСИРИСА

(По Буше-Леклерку, стр. 540)

Когда требовалось с помощью вышеописанных цифр определить медицинское будущее или жизнь и смерть отдельного человека, этого можно было достичь с помощью диаграммы, представленной на рис. 1, таким образом, чтобы продолжительность болезни в днях, числовое значение имени пациента и фазы луны были сложены, а сумма разделена на 29. Полученный таким образом результат был интерпретирован путем обращения к диаграмме. Если бы эта цифра оказалась, например, в правом подреберье, пациент, хотя и выздоровел бы от своей болезни, прожил бы очень недолго; если бы это число было указано в вертикальной линии,

ниже горизонтального диаметра, пациенту было суждено умереть после непродолжительной борьбы.

Гораздо более сложным было использование астрологического аппарата, проиллюстрированного на рис. 2. Здесь номер лунного дня и числовые значения имени пациента не добавлялись, но каждая из этих цифр отдельно просматривалась на диаграмме. Если Луна рисунок был обнаружен в нижней, рисунок на имя пользователя в верхнем, концы вертикалей—т. е. там, где $\delta\upsilon\sigma\iota\varsigma\ \acute{\upsilon}\pi\acute{o}\gamma\epsilon\iota\omicron\varsigma$, настройка и $\acute{\alpha}\nu\alpha\tau\omicron\lambda\eta\ \acute{\upsilon}\pi\acute{\epsilon}\rho\gamma\epsilon\iota\omicron\varsigma$, растут, стоят—заинтересованное лицо, хотя в опасности, наконец, выздоровел. Если, с другой стороны, фигура луны была обнаружена в верхнем, а фигура имени - в нижнем конце вертикалей, то спрашивающего не ждало ничего, кроме зла, но несчастье появлялось под видом удачи. Однако, если обе цифры находились на верхних концах вертикалей, перспективы были благоприятными, но плохими, если обе цифры располагались ниже горизонтальной линии.

Метод, сходный с простым аппаратом Петосириса, раскрывается нам в так называемом офаї ρα Δημοκρίτου. Оно содержится в *Магическом папирусе Музея Лугдуненсис Батавии*, опубликованном Дитрихом. Рис. 3 показана иллюстрация, относящаяся к этому методу, а также греческие инструкции по использованию, приведенные в папирусе. Следует заметить, что в методе Демокрита используется таблица цифр, разделенная поперечной линией на верхний и больший, и нижний и меньший разделы. Верхняя часть содержит в трех вертикальных столбцах 18, в нижней - 12 цифр. Чтобы воспользоваться таблицей, были добавлены день начала заболевания, числовое значение названия и лунные дни, а полученная таким образом сумма разделена на 30. Затем это частное искали в таблице чисел. Если оно находилось выше перекрестной линии, пациент выздоравливал; если ниже, он умирал.

α	ι	ιθ
β	ια	κ
γ	ιγ	κγ
δ	ιδ	κε
ζ	ις	κς
θ	ιζ	κζ
ε	ιε	κβ
ς	ιη	κη
η	κα	κθ
ιβ	κδ	λ

РИС. 3 —ТАБЛИЦА ДЕМОКРИТА

Существовало великое множество других методов, помимо описанных выше; например, система 12 мест, круг Манилия, метод таинственного Гермеса Трисмегиста, круг Птолемея и т.д. Однако мы не можем здесь вдаваться в более подробное описание этих форм и отсылаем тех, кто желает получить более исчерпывающую информацию, к Бертло и, прежде всего, к Буше-Леклерку. Астрология, а вместе с ней и звездная медицина впоследствии покинули свою

восточную родину и распространились по всем цивилизованным странам известного тогда мира.

Что касается греческой и римской древности, астрология во всех ее формах завоевала высокую репутацию как в Греции, так и в Италии. Даже самые выдающиеся древние врачи, хотя они и не принимали полностью звездную медицину, воздерживались от ее отрицания. Так, в "Своде Гиппократов", главном труде по ранней греческой медицине, мы находим отрывки, свидетельствующие о более чем дружеском отношении к астральному искусству врачевания. Это правда, не хватает выражений, которые звучат как прямое отречение от астрологии.

Давайте на несколько мгновений рассмотрим отношение медицины Гиппократов к астрологии.

Что касается неприятия астрологической медицины последователями Гиппократов, мы читаем ("Древняя медицина", глава I.; в переводе Фукса, том I., стр. 19): "По этой причине я считаю, что это [медицинское искусство] не требует оснований для тщетной самонадеянности, такой как существование невидимых и сомнительных факторов, обсуждение которых, если попытаться, требует гипотетической науки сверхъестественной или подземной природы; ибо, если кто-то будет утверждать, что он что-либо знал о подобном вопросе, ни он, ни лектор не будут настаивать на этом". , и его слушатели не смогли бы четко понять, были ли его заявления правдой или нет, потому что не существует ничего, на что можно было бы сослаться в целях проверки".

Это, несомненно, опровержение настолько определенное, насколько можно пожелать медицине, зависящей от колдовства или астрологических причуд. Однако различные другие отрывки из "Гиппократического свода" занимают прямо противоположную позицию. Например, мы находим следующее утверждение (о "Воздухе, воде и местности", глава XVII, в переводе Фукса, том I., стр. 390): "Необходимо уделять внимание восходу звезд, особенно Сириуса,^[4] а также восходу Арктура и, далее, заходу Плеяд , ибо большинство болезней достигают критической стадии в такие периоды, некоторые из них ослабевают в эти дни, другие полностью прекращаются или развиваются в другие симптомы и другие состояния ". Эти слова указывают на явное намерение привести прогноз и течение болезней в самую тесную связь с движением небесных тел. Во второй главе той же книги встречаются аналогичные выражения: "Тот, кто знает, как происходит смена времен года, восход и заход звезд, также сможет предвидеть, каким будет год. Поэтому любой, кто исследует эти темы и предсказывает грядущие события, будет тщательно проинформирован о каждой детали будущего; он будет наслаждаться крепким здоровьем и, насколько это возможно, выберет правильный путь в искусстве. Однако, если кто-то придерживается мнения, что эти вопросы относятся исключительно к области астрономии, он вскоре изменит свое мнение, поскольку узнает, что астрономия имеет не второстепенное, а очень существенное значение в медицинском искусстве ". Звезды и болезни также соотносятся в письме царю Птолемею (Эмеринс, стр. 293).

Приведенные выше цитаты относятся исключительно к течению болезней в зависимости от звезд, но мы находим, что в других отрывках также содержатся четкие ссылки на терапевтические методы; например, в "Афоризмах", § 4, параграф 5, мы читаем: "Очищение очень затруднено во время или до наступления тяжелых дней".

Действительно, было бы весьма примечательно, если бы в "Гиппократовом корпусе" не было найдено никаких астрологических замечаний любого рода, поскольку идея тесной связи между небесными телами и материями земными была общепринятой в период Гиппократа. Песни Стесихора и Пиндара показывают, например (как также утверждает Плиний, книга 3, глава XII, том I., стр. 118), что затмения определенных звезд считались чреватými бедой. Эта суеверная концепция в некоторых случаях действительно приводила к серьезным всеобщим бедствиям. Так, например, сицилийская кампания закончилась к несчастью для афинян только потому, что их полководец Никий, охваченный суеверными опасениями относительно солнечного затмения, не смог выйти в море. И поскольку эта кампания стала для Афин причиной частичной потери греческой гегемонии, мы можем с уверенностью сказать, что астрология сыграла решающую роль в падении Афин (Плиний, книга 2, глава XXIII.).

Появление комет, подобно солнечным и лунным затмениям, также считалось у древних зловещим явлением. Кометы считались наихудшими небесными провокаторами, и им приписывались почти все виды бедствий. Предполагалось, что бедствие может принимать различные аспекты, в зависимости от положения и формы кометы. Однако при некоторых обстоятельствах считалось, что они предсказывают многие события, благоприятные для человечества (Плиний, книга 2, глава XXIV.). Таким образом, Август считал своей счастливой звездой комету, которую видели в течение целой недели в северной четверти небес в начале его правления во время представлений, которые давались в честь Венеры-наследницы.

Однако не только такие необычные явления на небе, как кометы, затмения солнца и луны, играли заметную роль в медицинских суевериях древних. Даже те небесные явления, которые происходят с регулярностью, установленной законами природы, такие как вращение солнца и луны, считались чрезвычайно важными событиями в терапевтическом искусстве. Таким образом, считалось, что заболевания глаз у человека и животного увеличиваются и уменьшаются с увеличением луны (Плиний, книга 2, глава XLI.).

Считалось, что все острые заболевания контролируются луной, тогда как считалось, что хронические заболевания находятся под влиянием солнца. На самом деле, все, что происходило с человеком, находилось в непосредственной связи с явлениями под небесным сводом. Так, например, утверждает Марк Манилий, хорошо известный автор астрономической дидактической поэмы, посвященной императору Августу:

"Omnis cum coelo fortunæ pendeat ordo."

В тринадцатой главе второй книги поэт утверждает, что каждая часть человеческого тела подчинена определенному знаку зодиака. Так, например, голова обращена к Овну и т.д.

Хотя дальнейшее развитие западной, а также восточной астрологии черпало свои ресурсы из первобытных ассирийских, вавилонских и египетских доктрин, тем не менее, начиная со второго века нашей эры, астрономические работы Птолемея и исчерпывающее описание античной медицины Галена черпают вдохновение из *астрологической медицины*. Все, что эти два великих учителя смогли сообщить о зависимости функций организма от небесных тел, с тех пор, без дальнейшего изучения, было признано истинным подавляющим большинством врачей. Лишь изредка тот или иной практикующий достаточно смел, чтобы противостоять

вторжению астрологических причуд в искусство врачевания; среди этих радикалов был врач с философским образованием Секст Эмпирик, живший примерно в 193 году н.э. Однако этот протест храброго Секста, как и все последующие, едва ли оказал какое-либо влияние на астрологическое развитие медицины. Астрологию нельзя было остановить на ее пути к мировому господству, и до семнадцатого века она контролировала мысли врачей с той же непреодолимой властью, которую она имела над умственной жизнью всех других профессий и классов. Медико-астрологическое суеверие стало легализованным, и это несмотря на то, что сам Гален в конце концов выразил свое недоверие к *Астрологической медицине*, по крайней мере, попытался смягчить свою роль в ее распространении.

Давайте теперь более подробно рассмотрим состояние *астрологической медицины* во втором веке нашей эры. Труды Птолемея, “Ятроматематика” таинственного Гермеса Трисмегиста и третья книга Галена, посвященная “критическим дням”, предоставляют достаточный материал для описания медико-астрологической системы того периода.

Во-первых, метод, с помощью которого авторы того периода внедряли свой астрологический маразм в умы своих современников, значительно различался. Либо астрологические замечания кое-где перемежались в работах по медицине или астрономии, как это было, например, в “Четырехчастном труде” Птолемея, а также в книге Галена о “критических днях”, либо астрология рассматривалась как особая наука в форме связанной системы, как это сделано, например, в “Ятроматематике” Гермеса Трисмегиста. Подобные учебники астрологии получили широкую огласку примерно с четырнадцатого века. Всякий, кто склонен заглянуть в ученый труд Зюдхоффа, будет поражен, увидев, до какой степени ятроматематика процветала во второй половине средних веков и на поворотном этапе Возрождения. Еще одной формой было донесение до общественности своих астрологических доктрин в форме коротких предложений. В подобных работах мы ничего не находим о сложных расчетах и методах, с помощью которых предпринимались попытки постичь язык звезд, но астрологические результаты были изложены в кратких, афористичных предложениях. Это было сделано в “Центилоквиуме” Птолемея, труде, который в сотне кратких высказываний представляет на рынок воплощение астрологической мудрости. Эта работа пользовалась самым высоким уважением в средние века. Следовательно, такая книга соответствовала бы той форме современного литературного творчества, которая под названием “Метод приобретения того или иного достижения за короткий период” рекламируется нам, современным людям, в ежедневной прессе. Более того, у “Центилоквиума” Птолемея было много подражателей. Такой труд можно найти, например, в арабской литературе, и он содержит астрологическую мудрость, сжатую в 150 кратких предложениях астрологом Альмансором, который составил справочник по просьбе своего правителя; араб Бетем подготовил похожий труд. Мы находим аналогичные произведения, появившиеся позже, в средние века. В конце концов, доктрины астрологии были облечены в аккуратные рифмы; так, например, Генрих фон Рантцау, ушедший из жизни в 1598 году в качестве губернатора Шлезвиг-Гольштейна, в 100 хорошо написанных стихах прославляет значение планет в отношении физического и психического благополучия человечества. Мы снова обратимся к этому предмету при рассмотрении астрологии средневековья. Ятроматематические пассажи в вышеупомянутых трудах Птолемея, Гермеса и Галена послужили основой для всех более поздних астролого-медицинских теорий. Ибо то, во что верили в средние века относительно медицинской важности звездного мира, особенно планет и зодиака, было не чем иным, как непосредственным продолжением или разработкой астрологических учений Птолемея и других авторов первых веков христианства.

Во-первых, каждая часть человеческого тела находилась под влиянием определенного небесного тела.

Пять планет, уже известных древним, а также солнце и луна, управляли, согласно Гермесу, следующими частями тела:

Солнце - правый глаз.

Луна - левый глаз.

Сатурн - слух.

Юпитер - мозг.

Марс - кровь.

Венера - вкус и запах.

Меркурий - язык и пищевод.

Однако влияние, которое солнце, луна и планеты оказывали на человеческое тело, постепенно становилось все более сложным. Перечисление отношений между небесными телами и человеческими органами такого общего характера, какое дано в приведенной выше таблице Гермеса, больше не удовлетворяло. Все части и функции тела должны были быть приведены в самую тесную связь с планетами. Так, например, знаменитый гуманист Марсилиус Фичин, друг Медичи (1433-1499), наиболее подробно описывает отношения между телом и планетами в книге "О жизни", которой в свое время много читали. Это также сделал Генрих фон Рантцау в своем "Астрологическом трактате", который в свое время был очень знаменит. Там мы читаем об этих условиях следующее:

Сатурн управляет селезенкой, мочевым пузырем, костями, зубами и, частично, циркулирующими соками организма; придает коже человека темно-желтоватый оттенок; препятствует или способствует росту; делает глаза маленькими и препятствует росту бороды.

Юпитер управляет легкими, ребрами, хрящами, печенью, артериями, пульсом и выработкой человеческого семени; вызывает белый цвет кожи и придает хорошую фигуру.

Марс управляет желчью, почками, венами и половыми органами, особенно яичками; делает волосы рыжими, а характер вспыльчивым и склонным к различного рода безобразиям.

Венера управляет маткой, грудями, половыми органами, семенными трубами, поясницей и ягодицами; наделяет человека физической красотой, наделяет его длинными волосами, круглыми глазами и хорошо сформированным лицом; но со стороны этой звезды непростительно, что она наградила человечество гонореей.

Меркурий управляет всеми психическими процессами — памятью, воображением, мозгом с его нервами, кистями, стопами и голеньями, костями и желчью; делает человека легкомысленным.

Солнце управляет мозгом, нервами, мочой, правым глазом мужчины и левым глазом женщины, зрительными нервами и всей правой половиной тела; придает мужчине хороший цвет лица.

Луна управляет мозгом, ртом, желудком, кишечником, мочевым пузырем, вкусом, органами размножения, левым глазом мужчины, правым глазом женщины, женской печенью и всей левой половиной тела.

Знаки зодиака, как и планеты, осуществляют полный контроль над различными частями тела. Честный Бартиш из Кенигсбрюка (1535-1606) в своей “Службе зрения” дал нам иллюстрацию этих отношений. Рис. 4 представляет собой репродукцию этой пластины работы Бартиша.

Солнце, луна, планеты и знак зодиака регулировали не только жизнь различных частей тела живого человека, находящихся под их особой опекой, но и их деятельность началась в тот момент, когда вот—вот должен был быть заложен фундамент для будущего телесного существования смертного, то есть в момент зачатия. Если во время этого критического процесса соответствующие небесные тела окажутся в неудачном соединении, члены будущего существа, самые примитивные формы которого только что были основаны, неизбежно пострадают. Естественно, однако, что эта судьба коснулась только тех частей тела, которые находились на попечении звезд, оказавшихся в то время в неблагоприятном соединении.

Если бы акт зачатия прошел без дурного влияния на тех, кто активно и пассивно участвовал в нем, продукт того часа ни в коем случае не мог быть уверен, что та или иная планета злонамеренно не нарушит легкость и спокойствие его эмбриональной жизни. Поскольку солнце, луна и семь планет, каждая, управляли одним месяцем внутриутробной жизни, как объясняет Якобус Форливиенсис. Сатурн правит в течение первого месяца беременности, Юпитер - на втором, Марс - на третьем, солнце - на четвертом, Венера - на пятом, Меркурий - на шестом, луна - на седьмом; восьмым месяцем снова правит Сатурн, и эта последняя планета теперь проявляет себя настолько злобной, что немедленно уничтожает все живое, рожденное на восьмом месяце. Юпитер снова берет власть в свои руки в течение девятого месяца, и, поскольку эта звезда любит тепло и влажность и, следовательно, является другом жизни в любой форме, не следует опасаться никакой опасности для плода, появляющегося на свет в течение этого месяца. Однако после того, как девять месяцев беременности прошли без злого вмешательства планет, Марс снова берет верх, и его влияние помогает в проведении нормальных родов.

После того, как плод успешно преодолевает все опасности, которые могут быть вызваны планетами в течение девяти месяцев внутриутробной жизни, и после того, как он успешно созреет, час рождения, в конце концов, может сопровождаться другими довольно серьезными звездными осложнениями. Ибо, если какая-либо планета находилась в неблагоприятном знаке, или если отношения между знаками зодиака и солнцем или луной были не совсем в их обычном порядке, страдали те члены, которыми руководили соответствующие звезды. Таким образом, для правильного составления медицинского гороскопа требовалось максимально точное знание минуты рождения с одновременными событиями под небесным сводом.

Предусмотрительные отцы, соответственно, позаботились о том, чтобы в час рождения в комнате, в которой должны были проходить роды, находился астролог, чтобы он мог как можно точнее определить небесные явления, которые определяют физическое благополучие новорожденной, и составить из них гороскоп.

РИС. 4—ОТНОШЕНИЕ ЧАСТЕЙ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ТЕЛА К ЗНАКАМ ЗОДИАКА

После того, как юный смертный благополучно прибыл на землю, и если счастливая судьба поместила в его колыбель благоприятный медицинский гороскоп как на тот час, когда был заложен первый материальный фундамент его жизни, так и на час своего рождения, он преодолел лишь малую часть неприятностей, которые звездный мир мог нанести его физическому благополучию. Если различные небесные знаки оказывались в неблагоприятном соединении или если луна вступала в какие-либо фатальные отношения со знаками зодиака, члены тела, находившиеся под влиянием соответствующих небесных тел, все равно

подвергались опасности. Эти опасности могли угрожать не только одному человеку, но они были способны, в конечном счете, даже вызвать эпидемии и мор на все человечество. После того, как человеком овладевала любая форма болезни, ее течение, лечение и прекращение можно было ясно прочесть по звездам небесным. Необходимо было, прежде всего, установить день, час и минуту, когда появилась болезнь. К сожалению, временами это, должно быть, было довольно трудно; ибо многие болезни начинаются так коварно, что момент приступа совершенно не поддается точному определению. В таком случае человек сделал лучшее, что можно было сделать, и, вероятно, принял за момент приступа первые жалобы пациента на его расстройство. После того как появление болезни было датировано таким образом, было установлено небесное тело, находящееся в асценденте в этот период; таким образом, были отмечены положение, курс и фазы луны, отношения солнца и луны к двенадцати знакам зодиака и планетам. Необходимо было понаблюдать, находится ли луна в оппозиции, квадратуре или соединении с планетами, когда она находится в знаке той или иной фигуры зодиака. На основе этих наблюдений были впервые сделаны четкие выводы относительно общего состояния, характера, продолжительности и прогноза поражения. Однако эти выводы пока ни в коей мере не были удовлетворительными. Поэтому была предпринята попытка получить гораздо более подробное представление о причинах, осложнениях и терапии рассматриваемого случая с помощью астрологии, и такая информация была в изобилии представлена в *Астрологической медицине*.

Во-первых, тот факт, что солнце, луна, планеты и знаки зодиака совместно управляют различными органами тела и дают положительные указания относительно причины рассматриваемого заболевания, делает ненужным для врача вообще утруждать себя обследованием пациента с целью установления причины и локализации поражения. Одного взгляда на расположение звезд было достаточно, чтобы показать, какому органу пациента небесное созвездие угрожало. Если человек жаловался, например, на нарушение пищеварения, и если небесное тело, управляющее печенью, проявляло какие-либо замечательные явления, естественно, только печень была ответственна за рассматриваемый случай, и ставился диагноз. Осложнений следовало ожидать, если звезды, контролирующие циркуляцию крови и слизи, проявляли неблагоприятные признаки. Врач, хорошо разбирающийся в астрологии, мог даже заранее определить период времени, в течение которого можно было ожидать возникновения таких гуморальных осложнений, поскольку он узнал, что различные часы дня и ночи должны оказывать мощное влияние на соки организма. Например, Альманзор объясняет, что первые три часа дня и ночи находятся в самой тесной связи с кровью, тогда как вторая четверть дня и ночь преобладают над желтым, третья - над черным (желчь) и, наконец, последние четверти - над слизью. Однако не только различные часы имели большое значение для течения болезни, но и определенные дни болезни — так называемые критические дни - имели еще большее значение. Это правда, учение об этих критических днях ни в коем случае не было достоянием *Астрологической медицины*, но в "Гиппократовом корпусе" уже содержалась книга Περὶ ἡμερῶν Μηνῶν. Но последователи Гиппократов разработали эту теорию только на основе юморопатологических предпосылок, а Гален в своей работе ἡμέρας καὶ νυκτὸς включил астрологию только для того, чтобы объяснить и доказать всю доктрину кризисов (сравните также Зюдхоффа). Он рассчитал в соответствии с лунными неделями и месяцами таким образом, что неделя насчитывала шесть дней и семнадцать с половиной часов, а лунный месяц - всего двадцать шесть дней и двадцать два часа. Седьмой, четырнадцатый, двадцатый и двадцать седьмой дни должны были считаться

критическими днями первого порядка. “Рассматривайте, - говорит Гален, - критические дни в ходе движения Луны в углах геометрической фигуры с шестнадцатью сторонами; если вы найдете эти углы в благоприятном созвездии, пациент будет чувствовать себя хорошо; однако плохо, если преобладают дурные знаки”. Но считалось, что не только определенные часы и определенные дни недели оказывают важное астрологическое влияние на человеческий организм, такое влияние приписывалось также определенным годам. Такие годы назывались “*Anni Scansiles*” — то есть “климактерические”. Также использовалось выражение “*Anni Climacterici*”, но это обозначение не имеет ничего общего с современным представлением о климактерическом периоде. Считалось, что в течение этих климактерических лет состояние организма претерпело основательную революцию и что была достигнута как бы новая стадия органической жизни. Генрих фон Рантцау, астрономический аристократ и государственный деятель, соответственно определяет климактерические годы как “*anni, in quibus ad sequentis temporis constitutionem sese vertat ethas et inflectat.*” Следовательно, такие годы сами по себе должны таить в себе опасности для материального существования и не предлагать благоприятной перспективы для течения болезней.

Были выделены два вида таких климактерических лет. Один вид был получен путем умножения на цифру 7, и они были названы *anni hebdomatici*, или *climacterici (stricte sic dicta)*. Соответственно, это были годы 7, 14, 21, 28, 35, 42, 49, 56, 63. Эти девять лет составили *climactericus parvus*, тогда как годы 77, 84, 91, 98, 105, 112, 119, 126 были названы *climactericus magnus*. Умножение, которое распространилось дальше, до 171, достигло *максимального климактерического периода*. Другой вид климактерических лет был получен путем умножения на 9, и такие годы были названы *anni enneatici*, или *decretorii*. Это были годы 9, 18, 27, 36, 45, 54, 63, 72, 81, 90, 99, 108, и т.д.

Однако не все эти климактерические годы были сопряжены с одинаковыми опасностями, но присущая им опасность значительно различалась. Это определялось коэффициентом умножения, и здесь особенно роковую роль сыграли 3 и 7. 21-й год жизни (3×7) и 27-й (3×9) были на одну ступень выше по шкале опасностей, чем показатели, полученные другими мультипликаторами. Еще более опасными были те годы, к которым приходили путем возрастания в промежутках трех гебдомад; следовательно, 21—й год жизни, то есть период трех гебдомад, а именно 3×7 ; 42—й год, как период 2×3 гебдомад, то есть 2×21 ; 63—й год жизни, как период 3 гебдомад, то есть 3×21 ; $84 = 4 \times 21$; $105 = 5 \times 21$, и т.д. Было сказано, что 49-й год жизни и 56-й год жизни были еще более опасными, чем эти годы, полученные в период трех гебдомад. Это правда, причина опасности совершенно очевидна в случае с 49-м годом; это были зловещие 7×7 , которые здесь породили дурные предчувствия. И было не совсем понятно, что стало причиной дурной репутации innocent 56; Рантцау не может дать нам достаточного объяснения.

Но самым опасным климактерическим годом был 63-й, поскольку он состоял из 7×9 . Следовательно, это был *год смерти* и, в то же время, также *год эннеатический*, поскольку он принадлежал как к классу тех климактерических лет, которые были сформированы с помощью множителя 7, так и к тем, которые были получены с помощью множителя 9. Поэтому было вполне естественно, что период жизни, который с двух сторон был полон опасностей, как, например, несчастный 63-й год жизни, должен был казаться одинаково подозрительным как здоровым, так и больным. Вероятно, поэтому этот год и был назван *андродасом*, потому что, как считает Рантцау, он ослабляет и подтачивает жизненные силы.

Более того, кажется, что климактерические годы пользовались всеобщим вниманием как в древние времена, так и в средние века, поскольку Рантцау называет ряд знаменитых людей, которые, как говорят, высказывались относительно значения этих лет, таких как Платон, Цензорин, Геллий, Филон Иудей, Макробий, Цицерон, Боэций, святой Амвросий, святой Августин, Беда, Георгиус Валла и другие. Не удовлетворенный этим утверждением, Рантцау также упоминает в своем каталоге множество выдающихся людей, которые все ушли из этой жизни на 63-м году жизни и, таким образом, как он считает, своей смертью подтвердили опасность этого года.

Следовательно, вполне вероятно, что 63-й день рождения отмечался с большой опаской на протяжении всего средневековья, и соответствующий человек не мог вздохнуть спокойно до тех пор, пока зловещий год не был успешно пройден.

Однако звезды знали не только, как сообщить подробности относительно вероятного течения и возможных осложнений болезней, но и давали информацию об совершенно особых формах заболеваний. Таким образом, от них можно было узнать, в какое время следует опасаться глазных заболеваний, когда угрожают психические заболевания, когда следует ожидать кровоизлияний и т.д. Врач, получивший астрологическое образование, мог быстро получать от звезд информацию о возможных хирургических травмах; поскольку, согласно Птолемею, существовали различные соединения небесных тел, которые, несомненно, указывали на раны, переломы костей, ожоги, сотрясения мозга и другие повреждения. Фактически, по небесным явлениям можно было заранее увидеть, какие конечности будут подвергнуты насильственному повреждению; так, считалось, что определенные соединения планет с уверенностью предсказывают ранения головы; другие - лица; третьи, опять же, кистей и стоп, пальцев на руках и ногах, туловища и шеи. Более того, астрология не была удовлетворена прогностической и диагностической деятельностью, о которой мы только что упомянули, но она также вмешивалась в терапию, как внутреннюю, так и внешнюю.

Что касается, в первую очередь, внутреннего лекарственного лечения, астролог знал, как дать положительную информацию о том же самом; ибо все земные существа, как органической, так и неорганической природы, находились под влиянием солнца, луны, планет и знаков зодиака. Звезды наделили планеты, животных и все структуры неорганического мира определенными способностями. Таким образом, если бы было известно, какие звезды появлялись на небесном своде в начале болезни или ее лечения, то было бы необходимо серьезно рассмотреть органические и неорганические структуры, находящиеся под их наблюдением, и средства, необходимые для успешного контроля над болезнью, были бы уже под рукой. Но если целитель хотел быть абсолютно уверенным в том, какие лекарства выбрать, необходимо было также принимать во внимание фазы луны и состояние солнца. Некоторые лекарства можно было применять только тогда, когда луна находилась в определенном отношении к определенным планетам или звездам зодиака. В основном это были рвотные и очищающие средства.

Подобно внутреннему клиницисту, так же как и в хирургии, целитель полностью зависел от соединения звезд. Древние вавилоняне предписывали, что к телу нельзя прикасаться железом во время определенных созвездий, и это также предписывалось во всех случаях *Медицинской астрологии*. Однако, по-видимому, это направление получило менее широкое хирургическое признание, но относилось в основном к кровопусканию. Даже в такой ограниченной степени это подразумевало своевольное вмешательство в искусство как древних, так и средневековых

врачей; ибо венозная резекция в тот период занимала совершенно иное место среди терапевтических мер, чем сегодня. В то время как современная медицина не считает кровопускание необходимым, за исключением самых редких случаев, древние, а также средневековые профессора медицины считали, что они ни при каких обстоятельствах не могут обойтись без него; на самом деле, вероятно, что до семнадцатого века едва ли существовала какая-либо форма заболевания, лечение которой было бы возможно без забора крови. Реальная система кровопускания была разработана под влиянием юморопатологических мнений. Воздействовали на каждую вену, до которой можно было добраться с помощью ланцета, и медицинская школа того периода была педантично осторожна в обучении тому, какой сосуд представлял собой наиболее подходящую точку для удара руки врача при той или иной форме заболевания. Терапевтические тонкости, которые были таким образом выявлены, не поддаются описанию. Таким образом, считалось, что забор крови из вен на правой стороне тела дает эффект, существенно отличающийся от левосторонней венозной пункции, и каждая отдельная вена тела обещала особое преимущество, присущее только этой вене. У врача того периода, несомненно, было достаточно дел, чтобы помнить обо всех многочисленных терапевтических эффектах, которых он должен был достичь путем вскрытия различных вен. Чтобы в определенной степени облегчить это сложное искусство, были разработаны специальные фигурки — так называемые манекены для венозной пункции, на которых были самым тщательным образом обозначены многочисленные точки кровотока. На рис. 5 (стр. 175) показана такая картинка. В нем указано не менее 53 различных мест для венозной пункции, и поскольку каждое из них снова подразумевало четыре или пять, а возможно, и больше методов кровопускания, мы можем считать, что существовало много сотен различных возможностей для кровопускания. Если было легко заблудиться в лабиринте этой кровожадной терапии, то сложность методического применения венозной пункции была очень существенно увеличена астрологией; ибо астрология различала, сначала, благоприятные, затем сомнительные и, наконец, неблагоприятные дни для венозной пункции, основывая это мнение на определенных положениях между солнцем, луной и планетами. Кроме того, в разных возрастах жизни были также разные дни для венозной пункции; например, дни, которые обещали быть исключительно успешными для венозной пункции у молодежи, сулили очень неблагоприятные перспективы пожилым людям. Так, например, считалось, что период от первой квадратуры Луны до противоположной отлично подходит для кровотока в подростковом возрасте, тогда как этот период ни в коем случае не располагал к кровопусканию у тех, кто достиг старческого возраста. Шансы на венозное вскрытие стали довольно сложными в своих различных аспектах. Так, например, Штоффлер учил:

Соединение луны с	{	солнцем запрещает прокалывание за два дня до и один день после.	
		Сатурн	}
		Марс	
			запрещает прокалывание за день до и через день.
Квадратура Луны с	{	Солнцем	}
		Сатурн	
		Марс	
			запрещает прокалывание за двенадцать часов до и двенадцать

Противостояние
Луны с

Солнцем
Сатурном
Марсом

часов после.

, запрещает
проведение
венозной
пункции за день
до и через день
после.

Таким образом, мы видим, что врач того времени был вынужден хорошо разбираться в астрономии, если только он не намеревался совершить серьезные ошибки, противоречащие доктринам *Астрологической медицины*. Такие грехи в конечном итоге могут стать довольно опасными для врача, поскольку кодекс Хаммурапи (около 2200 г. до н.э., правитель Вавилона) угрожает оператору за не совсем приятные хирургические процедуры потерей рук (Винклер, стр. 33, § 218).

Чтобы наиболее полно удовлетворить астрологические требования врача, в средние века возникла весьма своеобразная литература. Под названием альманаха или календаря появились толстые фолианты, в которых в виде длинных таблиц перечислялись различные положения планет и знаков зодиака, так что астролог мог быстро и легко предсказать судьбу человечества. Содержание таких календарей не поддается описанию. Помимо замечаний, которые относились ко всем случаям гражданской жизни, был указан точный период, когда следует подстричься, когда должна быть проведена пункция вены, когда удалять зубы, когда принимать ванну и т.д. Даже подходящее время для молитвы было указано в таком календаре. Согласно опыту Петра из Абано, соединение луны с Юпитером в Драконе обязательно должно было привести к ответу на молитву. Иероним Карданус обнаружил с помощью астрологии, что просьба обязательно будет исполнена, если вознести молитву Деве Марии первого апреля в 8 часов утра (Месен, Том II, стр. 423). Врачи преуспели в составлении таких календарей, особенно в пятнадцатом и шестнадцатом веках. Профессора, судебные медики, хирурги — фактически, все представители медицинского искусства — в равной степени стремились обучать общественность с помощью *calendaria* самым различным разделам *астрологической медицины*; так, например, Давид Херлиц, врач из Пренцлау, снабдил Померанию, Мекленбург и маркграфство Бранденбург календарями на пятьдесят лет, начиная с 1584 года. Марбургский профессор медицины Викторин Шенфельдер сыграл аналогичную роль в тот же период в западной Германии. Врач как составитель календаря, вероятно, является одним из самых замечательных результатов медицинских суеверий, и это отклонение от медицины так прочно вошло в привычку людей, что даже в восемнадцатом и девятнадцатом веках определенные дни в году считались особенно благоприятными для кровопускания, и календари прилагали особые усилия, чтобы наиболее настойчиво привлекать внимание общественности к благоприятным дням для кровопускания.

РИС. 5—ВЕНЕЗЕКЦИЯ В ЕЕ АСТРОНОМИЧЕСКОЙ СВЯЗИ

Объяснение рисунка 5

А. астрономические знаки, отмеченные на различных частях тела, указывают на знаки зодиака, под особым влиянием которых, как говорят, находятся соответствующие части тела.

В. Цифры, которые можно найти на самых разных частях тела, относятся к показаниям к венозной резекции, как указано ниже. В этих населенных пунктах, которые характеризуются цифрами, кровь брали по поводу самых различных поражений, а именно в:

- 01. Боли в глазах и голове; поражения лица, включая сыпь.
- 02. Поражения головы; психические расстройства.
- 03. Различного рода поражения глаз.
- 04 и 5. Боли в ушах; слезотечение.
- 06 и 7. Звон в ушах; тремор головы.
- 08. Нарушения слуха.
- 09. Тяжесть в голове; выделения из глаз. Венозэктомия здесь также делает память более острой, как и активность мозга в целом.
- 10. Тяжесть в голове.
- 11. Язвы на губах и деснах.
- 12. Вены неба следует вскрывать при высыпаниях на лице, зубной боли, поражениях неба и полости рта, тяжести в голове.
- 13. Невралгия и зубная боль.
- 14. Головные боли, психические расстройства.
- 15. Чтобы сделать память более острой.
- 16. При любых поражениях полости рта или грудной клетки.
- 17. Зловонное дыхание.
- 18. Боли в челюстях; в носу; высыпания на лице.
- 19. Невралгия головы; высыпания.
- 20. Различного рода Нарушения в грудной клетке.
- 21. Выделения из глаз; головная боль; эпилепсия.
- 22. Заболевания грудной клетки различного характера, включая одышку; головную боль; колющие боли в боку.
- 23. Заболевания печени, травмы правой стороны тела; кровотечение из носа.
- 24. Поражения головы и глаз; боли в лопатках; насморк.
- 25. Боли в сердце, в боках и во рту.
- 26. Спазмы в пальцах; боли в селезенке и конечностях; носовое кровотечение; колющие боли в печени.
- 27. Боли в центральных частях тела.
- 28. Поражения нижних частей тела.
- 29. Болезнь сердца.
- 30. Чтобы сделать зрение более острым и укрепить ловкость тела.
- 31. Головная боль, лихорадка, различные виды катаракты, глаукомы и т.д.; помутнение склеры; воспаления языка и глотки.

- 32. Боли в голове, легких, селезенке.
- 33. Заболевания крови; хлороз; желтуха; поражения головы; швы в правом боку. Кровопускание в этом месте очищает печень, селезенку, молочную железу.
- 34. То же, что 32.
- 36. Поражения селезенки, воспаление менингея; геморрой; швы в левом боку; поражения почек; дисменорея.
- 37. Поражения селезенки и мочевого пузыря.
- 38. Водянка; нарушения пищеварения; затяжные язвы.
- 39. Меланхолия; пункция вены в этой области укрепляет почки.
- 40. Геморрой; странности; нарушения пищеварения; поражения мочевого пузыря и половых органов.
- 41. Венозная резекция здесь влияет на надлежащее состояние организма в целом.
- 42. Заболевания почек, мочевого пузыря, камни, яичек.
- 43. Прокалывание вены здесь укрепляет походку.
- 44. Все виды болей в нижних конечностях, таких как артрит, подагра; также при дисменорее.
- 45. Поражения половых органов; заболевания почек и мочевого пузыря.
- 46. Заболевания яичек.
- 47. Нарушения менструации; бесплодие женщин; поражения мочевого пузыря и селезенки.
- 48. Различного рода заболевания стоп.
- 49. Дисменорея; высыпания на лице и ногах.
- 50. Апоплексия; паралич.
- 51. Офтальмия; кожные заболевания; кашель; стеснение в груди.
- 52. Дисменорея; поражения яичек; реберные боли.
- 53. Офтальмия; дисменорея; аменорея; кожные высыпания.

Такая терапия, полностью оторванная от реальных требований данного случая и основанная только на наблюдении за небом, неизбежно приводила к самым плачевным результатам. Помощь своих врачей часто, но мало ободряла страждущую публику, и она часто испытывала желание узнать, что может сделать другой врач. Похоже, что такое состояние возникало довольно часто, поскольку Птолемей в 57-м номере своего “Центилоквиум” дает специальные указания, при каких астральных условиях могла произойти такая смена врача. He says: “*Cum septimum locum atque ejus dominum in ægritudine afflictum videris, medicum mutato.*” Соответственно, представляется несомненным, что общественность объявила о всеобщей смене врачей, как только на небе было отмечено вышеупомянутое соединение.

Те, кто хотел быть очень осторожным в выборе своего врача, изменились не только тогда, когда соединение звезд рекомендовало это как целесообразное, но они также попытались уточнить гороскоп вновь выбранного медицинского консультанта, поскольку медицинская мудрость была обнаружена в наибольшем изобилии у человека, аспекты которого демонстрировали определенную форму. “*Perfectus medicus erit, cui Mars et Venus fuerint in sexta,*” says Almansor.

Это состояние *Медицинской астрологии* было таким, что давило на человечество подобно гнетущему кошмару не только столетиями, но и тысячелетиями, и таким образом медицинские

суеверия унесли больше человеческих жизней, чем самые кровопролитные войны за всю историю.

Однако астрология не всегда управляла нашим видом с одинаковой силой. Были периоды, когда вера в определяющую судьбу силу звезд была более доминирующей, и другие, когда она была более слабой. Древний мир, который был слепо предан всевозможным суевериям, также лелеял и поощрял астрологию. Но когда позднее древняя теория жизни была опровергнута и христианский бог любви завладел миром, вера в силу звезд, определяющую судьбу, была поколеблена, и последовали столетия, в течение которых *астрологическая медицина*, хотя она ни в коем случае не исчезла полностью, была более или менее отодвинута на задний план. Астрология не возрождалась до тех пор, пока схоластика и догматизм не сдержали активность разума от независимого исследования, вызвав таким образом интеллектуальную тьму, которая царила веками. Это использование астрологии действительно составляет одну из самых замечательных страниц в истории развития нашей расы, поскольку настоящий *астрологический фурор* охватил мир в течение тринадцатого века. Движение зародилось при дворе императора Фридриха II. Великий Гибеллин был настолько позитивным и восторженным приверженцем всех астрологических доктрин, что не решался ни на какое предприятие, пока впервые не узнал мнение звезд относительно своего предприятия. Он был твердо убежден, что звезды предсказали ему политическую роль, которая должна была потрясти весь мир, и о своем астрологическом предсказании он сообщил своему противнику, папе римскому, следующими словами:

Fata volunt, stellaeque docent, animumque volatus,
Quod Fridericus ego malleus orbis ero.

Но если правителю с высокими умственными способностями всегда суждено оказывать мощное влияние на свою эпоху, насколько красноречивее это влияние, когда современники такого монарха ведут умственную жизнь, скованную таким количеством религиозных, философских и физических предрассудков, которые, несомненно, господствовали над человечеством во времена правления великих Гогенштауфенов. Если эти условия были наибольшим преимуществом для астрологии в целом, обстоятельства сложились наиболее благоприятно для *Астрологической медицины* в частности. Очень скоро после смерти звездного императора Гогенштауфенов два очень талантливых врача душой и телом связали себя с астрологией, а именно, Арнальд Бачуоне, называемый также по месту своего рождения Вильянуэва, Арнальдус Вилланованус или Арнальд из Виллановы (1235-1312), и Петрус, называемый также по месту своего рождения Абано близ Падуи, Петрус де Апоно или Петрус Апоненсис (1250-1315). С того времени и до семнадцатого века самые выдающиеся представители всех наук и профессий посвятили себя доктринам астрологии. В превосходной работе Садхоффа упоминается заметное количество врачей — отнюдь не самых неискушенных своего времени, — которые признавали себя ятроматематиками (т.е. *астрологами медици*). Астрология, а вместе с ней *Астрологическая медицина*, безраздельно царила при большинстве княжеских дворов с тринадцатого по семнадцатый века. Гогенштауфен, Фридрих II, был, как мы видели, безоговорочным приверженцем астрологических доктрин; точно так же и Висконти в Милане. Королевский двор Арагона в Палермо предоставил убежище астрономии и астрологии. Альфонсо X. Кастильский был настолько ревностным другом научной астрономии, что приказал восстановить таблицы планет Птолемея с огромными затратами пятидесяти астрономам,

вызванным им в Толедо. Немецкие принцы, такие как курфюрст Иоахим Бранденбургский, Альбрехт Майнцский, ландграф Вильгельм Гессенский, герцог Альбрехт Прусский, не только придерживались предсказаний звезд, но и подписывались под утверждениями астрологической медицины. Так, например, Томас Эраст (умер в 1583 г.), хорошо известный оппонент Парацельса, рассказывает нам, что ему, как телохранителю правящего графа Хеннеберга, не разрешалось начинать курс лечения, пока он не проконсультируется со звездами. Германский император Карл V. был столь же постоянным другом астрологов; он обучался астрологии у своего учителя, последующего папы Адриана VI. Датский двор был центром астрологических учений при Фридрихе II, поскольку там активно действовал не кто иной, как Тихо де Браге. Но астрологию одобряли не только правители, в нее безоговорочно верили высокообразованные ученые, государственные деятели и естествоиспытатели. Таким образом, Меланхтон был настолько убежденным приверженцем всех астрологических доктрин, что постоянно выступал в их пользу устно и пером. И когда смертельная болезнь, наконец, овладела им, он вскоре убедился в исходе, поскольку Марс и Сатурн оказались в соединении (Месен, Том II., стр. 416).

Однако не было недостатка в мужчинах, которые мужественно вступили бы в битву с астрологическими заблуждениями. Так, например, друг Лоренцо Медичи, ученый граф Пико из Мирандолы (1463-1494); также Джироламо Фракастори (1483-1553), известный своей дидактической поэмой о сифилисе, выступал против астрологии.

Если мы теперь спросим, как могло случиться, что такое суеверие, как астрология, могло веками доминировать в западной медицине и даже могло повлиять на лучшие умы в свою пользу, ответ на этот вопрос будет не таким сложным, как может показаться на первый взгляд. Самые лучшие и просвещенные умы всегда особенно подвержены влиянию того, что является загадочным в явлениях жизни. Они воспринимают узкие границы, установленные для нашего познания природы, гораздо острее и глубже, чем обычный ум. Это сознание недостаточности наших собственных знаний в сочетании с горячим желанием расширить наше понимание имеет тенденцию поворачивать ум в странных направлениях. Результатом более ясного самопознания в нашу современную эпоху является неприятие любой формы романтических фантазий, и это, вероятно, закончится печальным смирением, которое может вылиться в пессимизм. Но средневековье, с его буйной уверенностью в себе, верой в чудеса и романтическими идеями, не слишком страдало от научной апатии. Резко очерченная мистическая тенденция помогла преодолеть то, что было неадекватным в познании природы. И по этой причине мы находим эту мистическую тенденцию заметной, особенно у тех представителей того периода, которые в силу своих умственных способностей были вынуждены воспринимать свое недостаточное понимание проявлений жизни гораздо острее, чем это чувствовали обычные люди с более узким интеллектом.

Описанные таким образом условия, а также диагностико-теоретические принципы, на которых основывались медицина и естественные науки в древности и в средние века, вплоть до конца восемнадцатого века заставляли многих умственно одаренных людей считать астрологию скорее убежищем от нынешних ущербных представлений о природных явлениях, чем ложной доктриной.

[4] Эта звезда, в частности, играла важную роль в астрологических прогнозах египтян; фактически, в различных системах она стала отправной точкой медицинских предсказаний; например, в методе Гермеса Трисмегиста.

VI

ВЛИЯНИЕ , ОКАЗАННОЕ НА РАЗВИТИЕ СУЕВЕРИЙ САМОЙ МЕДИЦИНОЙ

Поскольку древние, средневековые и некоторые более современные медицинские теории шли теми же диагностико-теоретическими путями, что и естествознание тех периодов, они, естественно, были подвержены тем же ошибкам и аберрациям. Но последствия их ошибок существенно различались. В то время как естественные науки в ранние и средние века с их ошибочным диагностико-теоретическим методом слишком часто прибегали к сверхъестественным факторам для объяснения земных явлений и, таким образом, создавали суеверия вместо объяснения, патология древней, как и средневековой медицины, по возможности избегала любого обращения к чудесным средствам при объяснении патологических явлений организма. Это он был вынужден сделать ради самосохранения. Ибо что стало бы с врачами с их искусством чисто материального толка, работающими так же, как с лекарством и ножом, если бы они сами проследили, что болезнь вызвана сверхъестественными причинами? Никто в таких условиях не стал бы иметь никаких дел с обычной медицинской наукой. Это правда, были времена, когда такое положение вещей действительно существовало. Врач с его земными приборами всегда сбивался с пути, как только метафизические идеи победоносно проникали в патологию. История дает многочисленные примеры этого. Культ реликвий, вера в астрологию в течение половины средних веков ясно показывают, в какое унижительное положение был поставлен врач, как только патология, основанная на земных факторах, была заменена метафизической теорией болезни. Затем врач либо полностью отбросили—*ἀλλ' ὡς ταὶ μὲν ἔξω νοσοῦντος ὁ ἰατρός*, как говорит Плутарх (“суеверие”, Изд. И., стр. 412)—или сам был вынужден представить на позорное вмешательство. Таким образом, все медицинские школы, от гуморальной патологии последователей Гиппократов до так называемого паразитизма девятнадцатого века, по возможности избегали признания того, что сверхъестественные влияния действовали как патологические факторы. Какими бы различными ни были принципы бесчисленных медицинских школ, все они были едины в принятии в качестве отправной точки своих рассуждений некоего материального процесса в самом организме, в соответствии с которым они применяли свои терапевтические средства.

Иногда, это правда, может показаться, что медицина при определенных обстоятельствах прибегала к сверхъестественным факторам при объяснении различных явлений физиологических, а также патологических состояний; как, например, в учении о первобытной пневме или в тех концепциях, которые приписывают ментальному или психическому принципу далеко идущее влияние на выполнение всех функций организма. Однако при более тщательном исследовании мы обнаружим, что пневма, или дух, душа, или как еще можно назвать таинственную движущую силу всех явлений жизни, ни в коем случае не рассматривалась медициной как нематериальная или сверхъестественная. Наоборот! Медицина, как бы часто ей ни требовалось нечто духовное для объяснения проявлений тела, всегда рассматривала эту

неизвестную величину как совершенно существенную. Действительно, не было возможности более точно определить материальную природу этого великого неизвестного, хотя таких попыток отнюдь не было у Демокрита, Галена и других; тем не менее, это всегда считалось материальной вещью. Сверхъестественные качества приписывались ему только после смерти, но до тех пор, пока душа оживляла тело, соединяясь с последним, оно было земным существом и как таковое подчинялось законам земной субстанции. Следовательно, медицинская наука могла считаться с этим при объяснении патологических процессов, не обязательно ожидая упрека в том, что за помощью обращаются к сверхъестественным силам.

Таким образом, медицина, хотя и прошла тот же диагностико-теоретический путь, что и естествознание, не породила, в отличие от последней, суеверий напрямую. Это правда, это породило бесчисленное количество ошибочных гипотез. Но неправильная гипотеза, хотя она может быть в высшей степени бессмысленной и приводить к самым серьезным практическим последствиям, ни в коем случае не является суеверием; ибо и ошибка, и суеверие — поскольку речь идет о медицинских вопросах — это две радикально разные концепции, потому что первая касается только естественных, а вторая - сверхъестественных факторов.

Тем не менее, вполне возможно, что распространению интеллектуального принципа можно способствовать без открытой пропаганды самого принципа, и именно такая связь существовала на протяжении тысячелетий между медициной и суевериями; поскольку из этого исследования мы узнаем, что представители медицины слишком часто были готовы допускать в медицину всевозможные суеверные взгляды. Всякий раз, когда религия, философия и естественные науки всерьез пытались повлиять на медицину таким образом, поощряя суеверия, медицинская наука уступала этим попыткам, и это единственный упрек, который можно справедливо возложить на нашу науку.

Однако этот упрек смягчается, если мы примем во внимание, что медицина не давала приюта суевериям по собственной воле или даже из пристрастия к ересям других последователей, но делала это по принуждению; ибо религиозные, философские, физические взгляды, которые способствовали проникновению суеверия в медицинскую науку, почти всегда были взглядами грозной партии. История достаточно убедительно продемонстрировала тот факт, что мощные и далеко идущие пристрастия массового сознания неудержимо устремляются вперед, что бы ни встречалось на их пути. Такие ментальные течения являются продуктом своего периода; они являются непосредственным результатом общего настроения своего времени, и именно по этой причине они успешно преодолевают сопротивление. Мнение отдельного человека может вызвать протест против духа эпохи, но это сопротивление всегда обречено на напраслину. Мнение отдельного человека, даже если оно действительно отражает истину, абсолютно бессильно противостоять духу эпохи, который со стихийной силой принуждает к повиновению. Следовательно, мужественное, стремящееся к истине сопротивление, которое оказали ереси *астрологической медицины* Пико из Мирандолы и Джироламо Фракастори, было обречено на провал, потому что астрология была подлинным порождением своего времени и поэтому имела непреодолимую власть над мыслями и чувствами.

Если религия и философия так часто вмешивались в развитие медицины, это было возможно только потому, что общая тенденция современного сознания была полностью поглощена той или иной религиозной или философской идеей. Ибо каждая область человеческой деятельности должна быть простым отражением тенденции, которая руководит умом своего

периода. Это закон, который с железной силой господствует над развитием культуры. Таким образом, суеверия в медицине были обречены на расцвет всякий раз, когда они соответствовали духу эпохи.

Этот закон, хотя он, возможно, и сдерживал развитие нашей науки, тем не менее, дает определенные надежды на период, интеллектуальная мощь которого полностью очистит всеostatки суеверия, которые, все еще живя в умах многих, толкают их к сторонникам веры и шарлатанам.

VII

МЕДИЦИНСКИЕ СУЕВЕРИЯ И БЕЗУМИЕ

История медицины связана с эволюцией теологии до такой степени, что делает их почти неразделимыми, и лучше всего это видно из исследования обращения с душевнобольными, которое представляет собой непрерывный отчет о жестокости, основанной на медико-теологических суевериях. Возможно, самая душераздирающая глава нефилософской теологии изобилует повествованием о тысячах несчастных существ, убитых, замученных и подвергшихся неправильному обращению из-за утонченности в интерпретации библейских текстов. Величайший триумф современной медицины заключался в освобождении от ограничений взглядов изнеженных веков, порожденных суевериями и неправильными представлениями, и в переводе лечения душевнобольных на гуманный, часто даже лечебный, уровень. Поскольку другие бедствия человечества приписывались действию злых духов, это особенно касалось безумия; ибо если злему было легко контролировать телесные действия человечества, то его власть над психическими функциями пораженного человека была еще большей. Следовательно, действовал не человек, а злой дух в нем. Таким образом, дьявол и его приспешники были специфическими патогенными агентами.

Эта концепция не была универсальной, поскольку история показывает нам, что ясные мыслители, намного опередившие свое время, имели почти правильный взгляд на природу безумия, а именно, что оно было вызвано поражением разума. Среди таких людей были Гиппократ, Аретей, Соран, Гален, Аврелиан и другие, а также некоторые из мусульманских врачей. Эти апостолы науки учили, что безумие - это болезнь мозга, и самое эффективное средство - мягкое, паллиативное лечение.

Вера, которая процветала в большинстве восточных религий с глубокой древности, в то, что сила злых демонов была активной причиной болезней, особенно в то, что безумие было вызвано одержимостью дьяволом, укоренилась в раннехристианской церкви и процветала в течение восемнадцати столетий, каждый лист этого вредоносного растения олицетворял бесчисленное количество несчастных, принесенных в жертву суевериям. Позже считалось, что луна оказывает прямое влияние на расстройства психики; отсюда и появился термин “безумие”.

Эти доктрины приобрели особое значение в первые столетия после Рождества Христова благодаря распространению Отцами Церкви истории о чудесах, которые, по их утверждению, были совершены Иисусом из Назарета. Разве Спаситель не изгонял бесов? Разве Он не излечивал от безумия? Само слово “эпилепсия” показывает своим происхождением ἐπιληψις (хвататься), что одержимость была предполагаемой природой болезни.

Благородная работа, проделанная “языческими” первопроходцами-психиатрами, была дискредитирована или забыта, и Церковь инициировала процесс лечения одержимых. Этот метод лечения был почерпнут исключительно из теологических источников, подкрепленных достаточной догматичностью. Поначалу лечение было мягким, в соответствии с духом великих врачей древности, и если больной не проявлял буйства, ему разрешалось присутствовать на публичном богослужении. Священные мази и святая вода, дыхание или слюна совершающего обряд священника, прикосновение к мощам или посещение святых мест были основными применяемыми терапевтическими средствами. Эти методы, даже если они не приносили пользы (иногда просто утешение добрым словом священника оказывало благотворное воздействие), определенно не приносили вреда, даже если такая практика была фактором распространения суеверий.

Однако эта мягкая форма лечения продолжалась недолго. Вскоре были приняты меры, направленные на изгнание злого духа из одержимых. Это пытались сделать различными способами; сначала с помощью экзорцизма, во времена Юстина Мученика, и продолжалось почти до недавнего времени (см. Леки, “История европейской морали”). “Со времен Иустина Мученика на протяжении примерно двух столетий, я полагаю, нет ни одного христианского писателя, который торжественно и недвусмысленно не утверждал бы реальность и частое применение этой силы”.

Одним из главных атрибутов дьявола была гордыня, поэтому с помощью экзорцизма предпринимались попытки пробить это уязвимое место в броне лукавого, и для достижения этой цели использовались самые мерзкие эпитеты. Сегодня невозможно напечатать эти выражения даже в работе научного характера, и, возможно, лучше отсылать тех, кто особенно интересуется ими, к “Руководству по благословению” епископа Пассау, опубликованному в 1849 году, и подобным работам. Вспомогательные средства к этой форме лечения заключались в “устрашении” дьявола длинными, труднопроизносимыми словами, обычно заимствованными из восточных языков, введении зловонных и грязных “лекарств” и подобных практиках.

Утверждалось, что таким образом было изгнано много дьяволов, и церковные анналы содержат многочисленные записи о людях, вылеченных таким способом. “Отцы-иезуиты в Вене в 1583 году прославились тем фактом, что в таком состязании они изгнали двенадцать тысяч шестьсот пятьдесят два живых дьявола” (Уайт). О такой распространенности этих идей в умах людей можно судить по тому факту, что в самих церквях подобные сцены высечены в камне и изображены на холсте. Средневековая драма изобиловала подобными концепциями, и такое положение дел господствовало более тысячи лет, к сожалению, не в такой безобидной форме, а дополнялось огромной жестокостью, которая составляет, возможно, самую ужасную главу в истории медицинских суеверий.

Тонкости теологической интерпретации вскоре привели к появлению более всеобъемлющего метода обращения с “обладателем” и одержимыми. Поскольку взывание к гордыне было безрезультатным, а вредные лекарства бессильными, было признано необходимым изгнать дьявола, или несчастные были заключены в тюрьму, и в качестве усовершенствования этого лечения их даже пытали. Таким образом, тюремщик долгое время играл роль специалиста по душевнобольным, консультируясь с духовенством. Места, в которые заключали умалишенных, были известны как “башни дураков” и “башни ведьм”.

Это положение вещей не изменилось с началом Реформации. Труды Лютера убедительно демонстрируют его идеи относительно одержимости и колдовства, и эти взгляды при Кальвине достигли огромного развития. Даже Коттон Мэзер, во многих отношениях намного опередивший свое время и сам переживший гонения, не был избавлен от этих заблуждений, и в Салеме есть много историй об одержимости и травле ведьмами. Это правда, что мы можем вполне справедливо рассматривать эти взгляды как мысль времени, но во многих других отношениях Лютер, Кальвин и Мэзер опередили свой период, и, следовательно, оправдание их действий не совсем очевидно. Марк Аврелий также был намного старше своего возраста, но все же был благодарен своим учителям за то, что они научили его пренебрегать суевериями во всех их различных формах.

Не исключено, что условия такого рода часто приводили к эпидемиям — если не настоящего безумия, то, по крайней мере, к истерии, — которые нередко развивались в городах, женских монастырях; таковы эпидемии в Эрфурте в 1237 году, в странах Рейна в 1374 году и многие другие (см. Хирша).

Весьма примечательно, что, хотя такие взгляды и практика преобладали в христианской церкви, последователи Мухаммеда не только придерживались иных взглядов, но и приняли метод лечения душевнобольных, который заложил основу современной терапии душевных заболеваний. В двенадцатом веке в Багдаде был построен дворец под названием “Дом милосердия”, в котором содержались умалишенные, их ежемесячно обследовали и отпускали, как только они выздоравливали. Приют в Каире был основан в 1304 году, в то время как первое христианское убежище специально для сумасшедших упоминается в 1409 году (Леки).

Но наука пробивала себе дорогу сквозь барьеры невежества, неверно направленного рвения и суеверий. Хотя были врачи и “маги”, которые придерживались взглядов Церкви, семя, посеянное ранними школами медицины, медленно, но верно начало давать всходы, и результатом стало древо познания, плоды которого можно увидеть в каждом современном сумасшедшем доме мира, где к несчастному страдальцу относятся с добротой и мастерством, что, к счастью, часто приводит к излечению.

Научный разум часто восставал против “безумного суеверия”, сначала мягко, но постоянно набирая силу, пока, наконец, действенный протест не был поднят Джоном Уиром из Клеве, за которым вскоре последовал Мишель де Монтень. И вот теперь разгорелась королевская битва между приверженцами теологии и последователями “воскресшей” истины, и еще раз в истории мира была продемонстрирована правильность высказывания, что “истина, поверженная в прах, восстанет вновь”. Война велась по всему миру, и в конце восемнадцатого века появились новые чемпионы — Жан Батист Пинель во Франции и Уильям Тьюк в Англии. Их последователей легион, и в книге жизни золотыми буквами записано много имен тех, кто шел по стопам этих пионеров. Богословие больше не вмешивается в лечение душевнобольных; на самом деле, было бы явно несправедливо не упомянуть, что многие христианские богословы впоследствии присоединились к благородному делу реформы психиатрии и во многом способствовали прогрессу.

Насколько велик этот прогресс в лечении душевнобольных, лучше всего могут оценить некоторые из старых врачей, практикующих сегодня. Кто не помнит цепи, смиренную рубашку, темные запертые камеры сумасшедшего дома? Эти условия существовали не так уж много лет назад, и хотя романы Чарльза Рида, без сомнения, сильно преувеличены в отношении

условий, которые он изображал в приютах для душевнобольных, все жев *них, вероятно, содержится больше, чем крупица правды*. Эти книги многое сделали для проведения реформ в Англии и других странах.

Современные психиатры творили чудеса; их успешные операции не публикуются в ежедневной прессе, но любой посетитель, знающий, что представляли собой психиатрические лечебницы пятьдесят лет назад, и проведший несколько часов в современной больнице для лечения сумасшедших, увидит то, что мало чем отличается от чуда. Представьте, что две тысячи или более душевнобольных обедают в большом зале, на столе скатерть, и душевнобольной прилично пользуется ножом и вилкой, и когда посетителю говорят, что “отделение для буйных” тоже присутствует, и просят выделить их из множества, и он терпит неудачу (что он неизменно и делает), результаты, достигнутые наукой, превыше всех других показателей, становятся поразительно очевидными.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Ælius Spartianus. De Vita Hadriani. Капкалла. In Peter: Scriptores Historiæ Augustæ. Липсия, 1884.
- Alexander von Tralles. Original Text und Uebersetzung von Puschmann. Wien, 1878-79.
- Альмансорис. Astrologiæ propositiones ad Saracenorum regem. Базилия, 1551 год.
- Aristophanis Comoediæ. Изд. Берг. Липсия, 1878-78.
- Aureli Augustini. De divinatione daemomum. Corpus scriptorum ecclesiasticorum latinorum. Ed. Zycha. Виндобоне, 1900.
- Bartisch, 'Οφθαλμοδολεῖ α. Das ist Augendienst. Dresden, 1583.
- Baur. Apollonius von Tyana und Christus. Tübingen, 1832.
- Бернулли. Die Heiligen der Merowinger. Tübingen, 1900.
- Бертло. La chemie des anciens et du moyen âge. Париж, 1889.
- Бетем. Centiloquium. Базилия, 1551 год.
- Bouché-Leclercq. L'astrologie grecque. Париж, 1899.
- Cæsarius Heisterbacensis. Dialogus miraculorum. Изд. Странно. Cöln, 1851.
- Кэмпбелл, Томпсон. Отчеты магов и астрологов Ниневии и Вавилона в Британском музее. Лондон, 1900.
- Delitzsch. Babel und Bibel. Leipzig, 1903. Batavi. Jahrbücher für klassische Philologie. 16. Дополнительная повязка. Leipzig, 1888.
- Эраст, Томас. De Astrologia divinatrice epistolæ. Базилия, 1580 год.
- Эрмерий. Anecdota medica graeca. Lugd. Батоворум, 1840.
- Eunapius Sardianus. De vitis philosophorum et sophistorum. Ed. Hieronymus Cammelin. Coloniae Allobrogum, 1616.
- Fühner. Литотерапия. Berlin, 1902.
- Galeni Opera omnia. Ed. Gottlieb Kühn. Leipzig, 1821-33.
- Gregorii Turonici historiæ Francorum libri decem. Париж, 1561 год.
- Грегоровиус. Geschichte der Stadt Rom im Mittelalter. Stuttgart, 1886-96.
- Грегоровиус. Der Kaiser Hadrian. 3. Aufl. Stuttgart, 1884.

- Häser. Lehrbuch der Geschichte der Medicin und der epidemischen Krankheiten. 3. Bearbeitung. Jena, 1875-82.
- Хансен. Zauberwahn, Inquisition und Hexenprocess im Mittelalter. Historische Bibliothek. Грυνна XII. München und Leipzig, 1900.
- Харнак. Medicinisches aus der ältesten Kirchengeschichte. Leipzig, 1892.
- Hermetis Centum aphorismorum liber. Базилея, 1551 год.
- Гиппократ. Sämmtliche Werke. In's Deutsche übersetzt von Fuchs. München, 1895, 1900.
- Hoffmann. De Potentia diaboli in corpore. Галей, 1703 год.
- Hoffmann. Medicus politicus. Галей, 1746 год. Deutsch von Ansbach. Leipzig, 1753.
- Jacobi Forliviensis egregia et subtilis expositio cum quæstionibus supra aureum capitulum de generatione embrionis. Venedig, 1502.
- Josephi Flavii opera. Ed. Destinon et Niese. Грυνна VI. Berlin, 1894.
- Кленке. Wie müssen Dämonenglauben, Besessensein und Kerner-Eschenmayer'sche Gespenstererscheinungen nach dem heutigen Standpunkt der Physiologie und Psychologie erklärt werden? Leipzig, 1840.
- Krusch. Passiones vitæque sanctorum ævi Merovingici et antiquorum aliquot. In Monumenta Germaniæ historica Tomus III. u. IV. Ганновер, 1896, 1902.
- Леки. Geschichte des Ursprungs und Einflusses der Aufklärung in Europa. Übersetzt von Dr. Jolowicz. Leipzig und Heidelberg, 1868.
- Леман. Aberglaube und Zauberei von den ältesten Zeiten an bis in die Gegenwart. Deutsche autorisierte Ausgabe von Dr. Petersen. Stuttgart, 1898.
- Livius. Ab urbe condita. Ed. Weissenborn-Müller. Leipzig, 1891 ff.
- Lucrez. De rerum natura. Ред. Бригер. Липсия, 1899.
- Магнус. Medicin und Religion. Abhandlungen zur Geschichte der Medicin. Herausg. von Magnus, Neuburger, Sudhoff. Heft I. Breslau, 1902.
- Магнус. Die Augenheilkunde der Alten. Breslau, 1901.
- Магнус. Metaphysische Krankenbehandlung. Medicin-geschichtliche Studien über Gesundbeten und verwandte Bestrebungen. Breslau, 1902.
- Dietrich. Музей магии Лугдунского папируса
- Marci Manilii. Астрономикон. Басилей, 1551.
- Moehsen. Beschreibung einer Berliner Medaillen-Sammlung. Gedächtnismünzen berühmter Aerzte. Berlin und Leipzig, 1781, I. u. II.
- v. Oefele. Verbotene Aderlasstage in der Keilschriftcultur. Wiener Medicinische Blätter, 1902, No. 10.
- Петерсен. Hauptmomente in der geschichtlichen Entwicklung der medicinischen Therapie. Kopenhagen, 1877.
- Филострат. Опера. Ред. Кайзер. Leipzig, 1870-71.
- C. Plini secundi Naturalis historiæ libri XXXVII. Recensuit Sillig. Hamburgi et Gothæ, 1851-58.
- Plutarchi Chaeronensis Moralia. Рек. Бернардакис. Липсия, 1888.
- Porphyrii de abstinencia. Ред. де Пер. Trajecti ad Rhenum, 1767.
- Priscianus Theodorus. Эвпористон. Ред. Роуз. Leipzig, 1894.
- Ptolemæus. Quadripartitum. Базилея, 1551 год.

- Ptolemäus. Сантилохикум. Базилика, 1551.
- Puschmann. Handbuch der Geschichte der Medicin. Jena, 1902-03.
- Rantzovius. Catalogus Imperatorum, regum ac principum qui artem astrologicam amarunt et exercuerunt. Липсия, 1581 год.
- Rantzovius. Астрологический трактат. Francofurti, 1533.
- v. Ringseis. System der Medicin. Regensburg, 1841.
- Sextus Empiricus. Πρὸς μαθηματικούς. Ed. Becker. Berlin, 1842.
- Soranus Ephesius. Frauenkrankheiten und Geburtshülfe. Uebersetzt von Lüneburg und mit med. Noten versehen von Chr. Хубер. München, 1894.
- Sprengel. Versuch einer pragmatischen Geschichte der Arzneykunde. Halle, 1821-1828.
- Stich. Μάρκου Αντωνίου ἐς ἑαυτον. Липсия, 1882.
- Stöffler. Calendarium romanum magnum. Oppenheim, 1518.
- Садхофф. Zur Geschichte der Lehre von den kritischen Tagen im Krankheitsverlaufe. Wiener med. Wochenschrift, 1902, No. 5 ff.
- Садхофф. Medicinisches aus babylonisch-assyrischen Astrologen-Berichten. Die medicinische Woche, 1901, No. 41.
- Садхофф. Jatromathematiker, vornemlich im 15. und 16. Jahrhundert. Abhandl. zur Geschichte der Medicin. Herausgegeben von Magnus, Neuburger, Sudhoff. Heft II. Breslau, 1902.
- Суидас, Словарь под ред. Беккера. Berlin, 1854.
- Villoison. Греческий анекдот. Venetiis, 1781.
- Wierus. De dæmonum præstigiis et incantationibus libri VI. Basileæ, 1566 und 1577. Amstelodami, 1664.
- Winckler. Die Gesetze Hammurabis, Königs von Babylon. In: Der alte Orient. Jahrgang 4, Heft 4. Leipzig, 1902.
- Виндельбанд. Geschichte der alten Philosophie. Handbuch der klassischen Alterthums-Wissenschaft. Herausg. von J. von Müller. Gruppe V., Abth. 1. München, 1894.

Примечание переписчика

В некоторых считающих устройствах указание на греческие слова делает видимой транслитерацию, а щелчок по иллюстрациям может привести к увеличенному варианту для лучшей читаемости.

Были внесены следующие исправления, на странице

18 “заметно” заменено на “заметьте” (становится заметно заметным)

30 “эксплицитность” заменено на “явно” (будет более явно упоминаться)

57 “Жюльен” заменено на “Джулиан” (привел ее к могиле святого Юлиана)

77 “вид” заменен на “калибр” (измеряет идеи священников)

91 “Эфес (500)” заменен на “Эфес (500)” (абсурдная теория, которую Гераклит из Эфес (500 г. до н.э.) провозгласил)

116 “индивидуальное” заменено на “индивидуальное” (чтобы досаждал отдельному существу)

192 “персона” заменено на “личность” (действовал не человек)

196 “монастерии” заменены на “монастыри” (nunneries, and monasteries)

203 “autorisirte” заменено на “autorisierte” (Deutsche autorisierte Ausgabe).

В остальном был сохранен оригинал, включая непоследовательную расстановку переносов и возможные ошибки на других языках, кроме английского, например, заглавную букву в греческих предложениях.